

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

и Словесность
История

Журнал филологических
и историко-культурных
исследований

№ 3 2022

Санкт-Петербург

*Издается с июня 2020 г.
Выходит 4 раза в год*

Редакционная коллегия:

Т. И. Афанасьева, Т. Н. Галашева (ответственный секретарь), В. В. Головин,
Е. И. Гончарова, Дж. Дзиффер, А. В. Пигин, М. Б. Плюханова,
Ю. К. Руденко, И. Тирет

*Главный редактор: С. А. Семячко
Зам. главного редактора: Д. О. Цыпкин*

Адрес редакции:
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон +79213354409
Сайт: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2022
© Журнал «Словесность и история», составление, 2022
© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2022

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences

ⁱ Slovesnost'
Istoriia

Journal of Philological,
Historical and Cultural
Studies

Texts and History

No. 3 2022

Saint Petersburg

*Published four times per year
since June 2020*

Editorial Board:

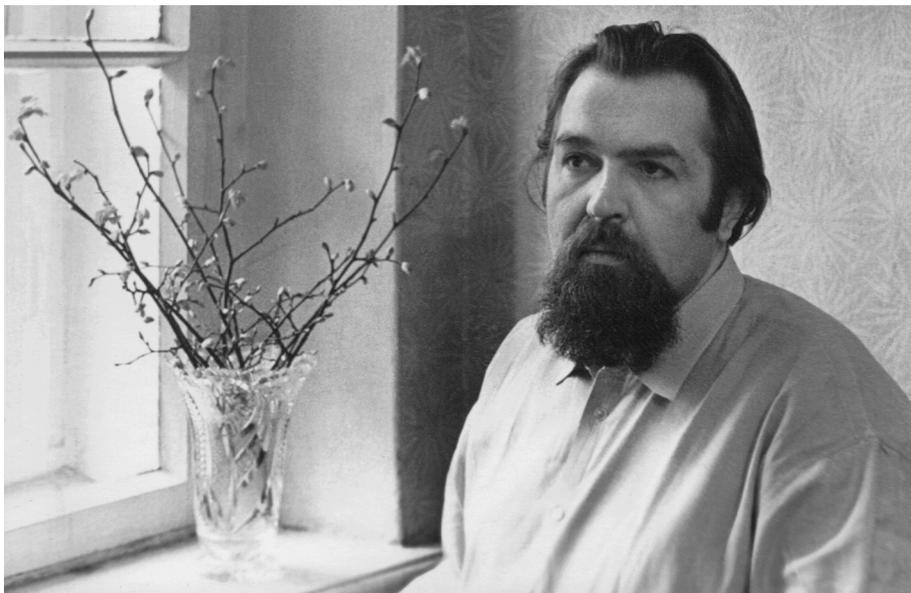
T. I. Afanasieva, T. N. Galasheva (executive secretary), V. V. Golovin,
E. I. Goncharova, G. Ziffer, A. V. Pigin, M. B. Pliukhanova,
Y. K. Rudenko, I. Thyrêt

*Editor in Chief: S. A. Semiachko
Deputy Editor in Chief: D. O. Tsyppin*

Editorial office:

4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Website: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

- © 2022 Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
- © 2022 Journal "Texts and History" (compilation)
- © 2022 Pushkinskij Dom, Publishers (design, layout)

**Посвящается 85-летию со дня рождения академика
Александра Михайловича Панченко
(1937–2002)**

СОДЕРЖАНИЕ

С. М. Толстая. Вместо предисловия. Вспоминая Александра Михайловича Панченко	7
В. С. Копылова-Панченко, А. В. Пигин. А. М. Панченко о «Каноне Ангелу Грозному Воеводе» царя Ивана Грозного	10
Т. Г. Иванова. Историческое пространство в песнях о Степане Разине	18
М. Б. Плюханова. О деле Офоньки Науменка и о калабрийском пророке Томмазо Кампанелле: люди эпохи барокко	42
Н. В. Патроева. «Епиникион» Феофана Прокоповича в риторическом аспекте	72
И. В. Федорова. Об археографических разысканиях в области паломнической литературы петровского времени	87
Т. Н. Галашева. Крестьянские и купеческие записные книжки в Древлехранилище Пушкинского Дома	112
А. А. Панченко. К изучению сюжета о компьютере «Зверь»: история, миграция и культурные контексты	134
Список печатных работ А. М. Панченко и литературы о нем за 2006–2021 гг. Составил С. И. Николаев	159
Список сокращений	164
Наши авторы.	165

CONTENTS

Svetlana M. Tolstaya. Instead of Preface: Remembering Aleksandr Mikhailovich Panchenko	7
Valentina S. Kopylova-Panchenko, Alexander V. Pigin. Aleksandr Panchenko on the “Canon to Angel the Terrible General” by Tsar Ivan the Terrible	10
Tatiana G. Ivanova. Historical Space in the Songs about Stepan Razin	18
Maria B. Pliukhanova. The Case of Ofon’ka Naumenok and the Calabrian Prophet Tommaso Campanella: People of the Baroque Period	42
Natalia V. Patroeva. The Rhetorical Aspect of “Epinikion” by Feofan Prokopovich	72
Irina V. Fedorova. Archaeographic Research in the Field of Pilgrimage Literature Produced in the Time of Peter the Great	87
Tatiana N. Galasheva. Notebooks of Russian Peasants and Merchants in the Repository of Ancient Manuscripts of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) in St. Petersburg	112
Alexander A. Panchenko. The Legend of the “Beast Computer”: History, Migration, and Cultural Contexts	134
List of A. M. Panchenko’s printed works and literature about A. M. Panchenko for the years 2006 to 2021 (compiled by Sergei I. Nikolaev)	159
List of Abbreviations	164
Authors	166

С. М. Толстая

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.
ВСПОМИНАЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА
ПАНЧЕНКО

Летом 2007 года мне довелось участвовать в конференции, посвященной 70-летию А. М. Панченко в Пушкинском Доме. Материалы этой конференции были опубликованы в изящной и весьма содержательной книге, отражающей широкий спектр интересов юбиляра [А. М. Панченко и русская культура]. И вот спустя пятнадцать лет мы отмечаем 85-летие со дня рождения этого выдающегося ученого (медиевиста, литературоведа, палеографа, текстолога, стиховеда, археографа, исследователя русской рукописной традиции, историка старообрядчества, культуролога) и замечательной, во многих отношениях неординарной личности.

А. М. Панченко неотделим от того научного контекста, в котором он сформировался, от великих фигур его учителей — Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц, В. И. Малышева (приохотившего его к собиранию и изучению рукописей), от Пушкинского Дома и от всей отечественной филологической научной традиции, неотъемлемой частью которой он был и остается. Но, как каждый крупный ученый, А. М. Панченко имеет свое особое, «необщее» лицо. Отдельные черты сближают Александра Михайловича с его учителями, но вместе с отличительными особенностями они складываются в неповторимый облик ученого. Профессиональные навыки и научные знания, полученные от учителей и сделавшие Александра Михайловича выдающимся специалистом по древнерусской литературе, первоклассным знатоком и исследователем рукописных и печатных текстов допетровского времени, в дальнейшем творчестве ученого приобрели осо-

бые направления и позволили ему проложить новые пути в гуманитарном знании. Этому способствовали как внешние обстоятельства биографии, так и личные качества и интересы А. М. Панченко.

Я бы отметила следующие его «особые» черты.

Во-первых, это **славистика**. Обучение на славянском отделении Ленинградского университета и в Карловом университете в Праге сделало А. М. Панченко настоящим славистом. Во всех его трудах по древнерусской литературе и культуре неизменно присутствует общеславянская перспектива, а некоторые работы прямо касаются судеб славянской культуры. Его кандидатская диссертация была посвящена чешско-русским литературным связям XVII века, а доклад на VII Международном съезде славистов в Варшаве назывался «Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII—XVIII веков». Он был составителем и комментатором тома польской поэзии XVII века [Польская поэзия], участвовал в исследованиях русско-болгарских фольклорных и литературных связей. Интерес к общеславянскому контексту русской литературы и культуры сближал его с некоторыми московскими славистами: например, из близких мне людей — с Никитой Ильичом Толстым и Людмилой Александровной Софроновой, с которыми он был дружен на протяжении многих лет. Бывая в Москве, у нас на Большой Ордынке, он после долгих застольных бесед с Никитой Ильичом переходил на соседнюю улицу, Малую Ордынку, чтобы насладиться общением с Людмилой Александровной Софроновой.

Вторая важная черта научного облика А. М. Панченко, которая объединяет его с фигурой Д. С. Лихачева, — это **культурологический аспект** древнерусских литературоведческих исследований. Приверженность текстологической и фактологической эмпирике как необходимой основе профессионального литературоведения («сначала ремесло, потом мастерство») сочеталась у Александра Михайловича с пониманием литературы как важнейшей составляющей культуры. Многие его работы — о юродстве, о старообрядчестве, о православии, о русских писателях и др. — открывают широкую культурологическую и историческую перспективу.

Наконец, третья черта, которая также объединяет А. М. Панченко с Д. С. Лихачевым, — это осознание **общественной миссии** филологической науки, ее просветительской и воспитательной роли. Лекции и выступления Александра Михайловича перед широкой аудиторией, привлекавшие неизменное внимание и имевшие шумный успех в самых разных кругах нашего общества, делали его не просто ученым-гуманитарием, но и мыслителем широкого историософского плана, способным видеть в каждом конкретном факте исторический смысл и знак времени.

В наши дни ученых таких глубоких профессиональных познаний и в то же время наделенных таким общественным темпераментом, как А. М. Панченко, очень не хватает. Не хватает сегодня его громкого голоса в защиту науки (особенно гуманитарной науки) и просвещения, как, конечно, и голоса Д. С. Лихачева. В память о таких ученых мы обязаны сделать всё, чтобы защитить науку и образование от душащих их бюрократических реформ и бездумных нововведений. Это было бы лучшим знаком нашего признания и памяти.

Литература

- А. М. Панченко и русская культура — А. М. Панченко и русская культура: исследования и материалы / Отв. ред. С. А. Кибальник, А. А. Панченко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. 429 с.
- Польская поэзия — Польская поэзия XVII века: Пер. с польского / Сост., справки об авторах и примеч. А. Панченко; предисл. Б. Стахеева. Л.: Худож. лит., 1977. 208 с.

References

- Kibal'nik, S. A., Panchenko, A. A., eds. (2008). *A. M. Panchenko i russkaya kul'tura: issledovaniya i materialy*. St. Petersburg: Pushkinskii Dom, 2008. 429 p.
- Panchenko, A., ed. (1977). *Pol'skaya poeziya XVII veka: Perevod s pol'skogo / Sostavlenie, spravki ob avtorakh i primechaniya* A. Panchenko; predislovie B. Stakheeva. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 208 p.

В. С. Копылова-Панченко, А. В. Пигин

**А. М. ПАНЧЕНКО О «КАНОНЕ АНГЕЛУ
ГРОЗНОМУ ВОЕВОДЕ» ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО**

Резюме

В 1997 г. в цикле передач А. М. Панченко на «Радио Свобода», объединенных общим названием «Русская религиозность», прозвучало его выступление, посвященное сочинению царя Ивана Грозного «Канон Ангелу Грозному Воеводе». Текст А. М. Панченко сохранился в автографе, ранее не изданном. Выступление сопровождалось современным роспевом Канона в исполнении хора «Россика» под руководством В. С. Копыловой-Панченко. А. М. Панченко затронул в этой передаче темы, которым посвящен целый ряд его научных работ: древнерусское юродство, религиозность Ивана Грозного, собирательская деятельность В. И. Малышева, Древлехранилище Пушкинского Дома. Выступление А. М. Панченко публикуется по его автографу.

Ключевые слова: А. М. Панченко, Д. С. Лихачев, В. И. Малышев, Иван Грозный, древнерусская гимнография, хор «Россика»

**Valentina S. Kopylova-Panchenko,
Alexander V. Pigin**

**ALEKSANDR PANCHENKO ON THE "CANON TO ANGEL
THE TERRIBLE GENERAL" BY TSAR IVAN THE TERRIBLE**

Abstract

In 1997, Aleksandr Panchenko dedicated one of his Radio Liberty broadcast talks in the series "Russian Religiosity" to the "Canon to Angel the Terrible General", which is ascribed to Tsar Ivan the Terrible. The talk was accompanied by a performance of the Canon in a modern chant version by the *Rossika* choir conducted by Valentina Kopylova-Panchenko. The text of Panchenko's talk is preserved in an autograph that has not yet been published. In his talk, A. M. Panchenko discussed issues that he studied in his academic works: foolishness

© В. С. Копылова-Панченко, А. В. Пигин, 2022

for Christ in medieval Rus', the religiosity of Ivan the Terrible, Vladimir Malyshev's life-time efforts to collect manuscripts, the Repository of Ancient Manuscripts (*Drevlekhranilishche*) of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) in St. Petersburg. Panchenko's talk is published here from his autograph.

Keywords: Aleksandr Panchenko, Dmitrii Likhachev, Vladimir Malyshev, Ivan the Terrible, Old Russian hymnography, Rossika choir

DOI 10.31860/2712-7591-2022-3-10-17

В 1996—1997 гг. на «Радио Свобода» состоялось несколько выступлений А. М. Панченко под общим названием «Русская религиозность». В их числе передачи «Начало христианства на Руси и выбор веры», «Распри княжеского дома в эпоху становления на Руси христианства, век XI», «Два типа русского сознания — праведник и отщепенец», «Выхожу один я на дорогу...» и другие. Цикл передач сопровождался древнерусскими роспевами и песнопениями в исполнении петербургского хора «Россика», художественный руководитель — В. С. Копылова-Панченко.

Текст одного из выступлений А. М. Панченко сохранился в рукописи (в личном архиве В. С. Копыловой-Панченко), ранее не опубликованной. Передача была посвящена гимнографическому сочинению царя Ивана Грозного¹ «Канон Ангелу Грозному Воеводе... творение уродивого Парфения» (1572 или 1573 г.). Выступление Александра Михайловича прозвучало на «Радио Свобода» в 1997 г. и являлось, по сути, развернутым историко-культурным комментарием к современному роспеву Канона, выполненному В. С. Копыловой-Панченко (три фрагмента из него прозвучали в этой передаче).

Вывод о том, что Парфений Уродивый — это псевдоним Ивана Грозного и что, следовательно, Канон принадлежит его перу, сделал еще в 1911 г. И. А. Шляпкин [Шляпкин, с. 554—555]. Однако текстологическая аргументация этой атрибуции была впервые убедительно обоснована Д. С. Лихачевым, который подготовил Канон к изданию вместе с сопровождающей его в рукописях молитвой Архангелу Михаилу [Лихачев]. В качестве основного для публикации был выбран список XVII в. из рукописи ИРЛИ, Карельское собр., № 2, которую в 1940 г. В. И. Малышев привез из первой своей экспедиции на Поморский берег Белого моря. И сама статья Д. С. Лихачева о Каноне и молитве Ангелу Грозному Воеводе была опубликована в сборнике научных статей, посвященных 60-летию В. И. Малышева. Эти обстоятельства были важны для А. М. Панченко, о чем он говорит в своем выступлении:

¹ О музыкально-гимнографическом творчестве Ивана Грозного см.: [Парфентьев; Парфентьев, Парфентьева; Парфентьева; Парфентьева, Парфентьев; Рамазанова].

«Вообще же героев этой передачи трое: покойный доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, чье 90-летие недавно радостно и торжественно справила вся Россия (ему я от души желаю доброго здоровья и посвящаю передачу), и, наконец, первый русский венчанный царь Иван Васильевич Грозный».

«Канон Ангелу Грозному Воеводе» в рукописях имеет указание на 6-й глас и ремарку: «...пой по вся дни канун сей» (ИРЛИ, Карельское собр., № 2, л. 4–10 об.). Отметим, что богослужебный устав предписывает исполнение канонов 6-го гласа в седмичные дни — в четверг и субботу. В 6-м гласе написан Великий Покаянный канон Андрея Критского и канон заупокойной службы. Немало песнопений, по образному строю близких «Канону Ангелу Грозному Воеводе», содержится в подборках покаянных стихов в разделе 6-го гласа, особенно близок стих «Преидох лета моя».

В сохранившихся списках «Канон Ангелу Грозному Воеводе» не распет — не сопровождается древнерусской знаменной нотацией. Вероятнее всего, напевы исполнялись на память. Чтобы хор «Россика» мог исполнить Канон, потребовалась его музыкальная реконструкция. С этой целью необходимо было найти ирмосы канона с записанными роспевами, которые содержатся в певческой книге Ирмологий. Источником послужил список Ирмология из собрания Соловецкого монастыря конца XVII — начала XVIII в. (РНБ, Соловецкое собр., № 619/655, л. 76–271), в котором имеются киноарные пометы, позволившие более точно «прочсть» роспев. Далее, по образцу напева ирмоса В. С. Копылова-Панченко написала напевы тропарей, выступив, таким образом, в роли «исполнителя-роспевщика». Так — процитируем Александра Михайловича — «Валентина Копылова и распела Канон „на подобен“, как говаривали наши предки».

Остается добавить, что в этом монологе-комментарии А. М. Панченко затронул свои излюбленные темы, которым посвящен целый ряд его работ: деятельность В. И. Малышева как археографа и Древлехранилище Пушкинского Дома [Панченко 1985], древнерусское юродство [Панченко 1984], религиозность Ивана Грозного [Панченко, Успенский; Панченко 2005]. И конечно, как и в других своих публичных выступлениях, А. М. Панченко предстает перед слушателем (читателем) как просветитель. Назвав суеверие Ивана Грозного «религиозным безобразием», которое сохраняется в России и поныне, Александр Михайлович восклицает: «Только культура способна обтесать нашу мятущуюся, так сказать, сучковатую душу. Будем на это уповать и ради этого трудиться, избавляясь от плена суеверий и всяческого духовного вздора. Грозный с его Каноном — хороший пример, хотя и отрицательный. Он учит нас тому, каким быть не надо».

Ниже публикуем выступление А. М. Панченко по его автографу.

〈Исполняется первый фрагмент Канона〉

Вы слушали в исполнении петербургского ансамбля «Россика», которым руководит и дирижирует Валентина Копылова, фрагмент из «Канона Ангелу Грозному Воеводе», который был сочинен, скорее всего, в 1572 или 1573 г. и дошел до нас в нескольких старинных рукописях — с незначительными разночтениями. Это произведение входит в репертуар одной только «Россики». Оно лишь раз звучало на родине, когда три года тому назад мы в Малом зале нашей Филармонии поминали Льва Николаевича Гумилева, и неоднократно звучало на гастролях «Россики» в Англии и Германии.

Прошу прощения, но прежде чем перейти к сути дела, мне придется начать со скучной и сухой материи, со справки о том, что такое «канон» (по-гречески — «правило») как церковное песнопение, — повторяю: именно как церковное песнопение. Создание этого гимнографического жанра приписывается Андрею Критскому, жившему в конце VII — начале VIII в. В храме канон исполняется на утрене и посвящается воспеванию праздничного события: на еженедельной воскресной утрене — Воскресению Христову; в дни Господских и Богородичных праздников — событиям Священной истории; в дни памяти святых — прославлению их подвигов.

Канон состоит из нескольких песней, или од. Их может быть девять или меньше. Каждая песнь содержит в себе несколько стихов, из них первый называется ирмосом (от греч. *ἵρμος* — связь), поскольку служит образцом, а также выполняет связующую для следующих стихов функцию.

Итак, прочту прозвучавший фрагмент из песни 1-й, потому что неподготовленному человеку воспринимать текст на слух довольно трудно.

Святый Ангеле, Грозный Воевода, моли Бога о нас...

Святый Ангеле, да мя напоиши чашею спасения,
и весело теку вослед твоему хождению, и молюся —
не остави мене сира.

И так называемый богородичен, обращение к Приснодеве Марии:

Рождающая Ти Царя вышним силам, Пресвятая Царица,
Ты бо еси милостива, можещи бо облещити мене
бремя греховное, тяжкое.

Кстати, о музыкальной стороне дела — о музыке вокальной, поскольку православная церковь не признавала и не признает инструментов, исключая колокола. Ни в одном списке этого канона нет старинной нотации — крюковой, или знаменной, — только словесный текст. Но в списках указаны так

называемые «подобны» — известные мелодии других известных и нотированных песнопений, в храмовой практике обычные и привычные, бывшие у всех, так сказать, «на слуху». Валентина Копылова и распела Канон «на подобен», как говаривали наши предки.

Таково справочное введение, скучное, конечно, однако неизбежное. Впрочем, корень учения горек, зато плод его сладок.

Вообще же героев этой передачи трое: покойный доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, чье 90-летие недавно радостно и торжественно справила вся Россия (ему я от души желаю доброго здоровья и посвящаю передачу), и, наконец, первый русский венчаный царь Иван Васильевич Грозный.

В 1972 г. Академия наук издала сборник «Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома», — сборник, посвященный 60-летию Малышева (мне выпала честь быть ответственным редактором этой книги). Владимир Иванович был самым знаменитым в XX в. и единственным в своем роде собирателем — именно собирателем, а не коллекционером — старинных рукописей. Его подвижническая жизнь заслуживает специальной беседы или нескольких бесед, и, даст Бог, вы их услышите. Помню, как давным-давно меня, 19-летнего студента, Малышев взял с собою в экспедицию к староверам на любимую свою Печору. Главный его принцип, который он тогда и навсегда мне внушил, звучал так: «Ни одной рукописи дома!» Да, он и мы, его ученики, трудились для общего Дома, Пушкинского, для народа и государства, и никто не может упрекнуть нас в корыстных поползновениях.

Зато в этом общем Доме, в Институте русской литературы РАН, сейчас примерно 11–12 тысяч «досюльных», как говорят на Севере, «старописьменных» книг, включая такие раритеты, как автограф Жития гениального в слове протопопа Аввакума, который 15 лет сочинял в земляной тюрьме на той же Печоре, в городке Пустозерске, где и был сожжен по царскому повелению в 1682 г. Первая (после предисловия) в сборнике в честь В. И. Малышева работа принадлежит Д. С. Лихачеву. Это и есть наш Канон (по рукописи, привезенной Малышевым из Карелии) с объяснительной статьей.

Но при чем тут Иван Грозный? Ведь текст начинается так: «Канон Ангелу Грозному и воеводе и хранителю всех человек, от Вседержителя Бога посланному по вся души человеческая. Ты же, человеце, не забывай часа смертного, пой по вся дни канон сей творение уродливого Парфения».

Юродивый, по условиям этого христианского подвига, писателем быть не может (что вовсе не означает, что он непременно неграмотен и бескнижен: до принятия этого подвига или после его оставления, что не возбраня-

лось, будущий или бывший юродивый волен заниматься писательством; мы таких знаем — и не одного, не только прозаиков, но даже стихотворцев). Сочинять же, пребывая в подвиге, — кощунство. Только Грозный мог себе это позволить, ибо позволял себе попирать все нормы православной этики. Кощунственен самый выбор имени: Παρθένιος по-гречески — девственник, а государь был женат то ли семь, то ли восемь раз (церковь для овдовевшего мирянина позволяет лишь троекратный брак), к тому же и запятнал себя содомским грехом с Федькой Басмановым. Авторство царя Ивана — не догадка, даже не гипотеза, но факт.

Дело в том, что среди многочисленных сочинений государя есть полемически-богословский ответ Яну Роките, проповеднику из общины «чешских братьев», которая противопоставила себя католикам и надеялась найти союзников в Москве. Напрасные упования! «Как латиняне прелесть, так и вы тьма!» — вот что изрек московский самодержец. Один вариант ответа написан прямо царевым именем, другой — именем Парфения Уродивого. Во втором варианте читаем: «А что еси (ты) писал о русской вере, ино как просвятил прародителя нашего благочестиваго великаго князя Владимира...» И правда, Иван Грозный — прямой потомок крестителя Руси в 17-м колене (я нарочно сосчитал).

Но кто же — Ангел Грозный Воевода? Он по имени не назван. Послушайте 2-й фрагмент — из песни 5-й.

〈Исполняется второй фрагмент Канона〉.

Это обращение к смертному ангелу, а таковым считается Михаил Архангел, предводитель небесного воинства, который огненным трезубцем вынимает душу умирающего человека и ведет ее по двадцати мытарствам. Это карающий, воистину грозный ангел. Он поражает молнией, уносит грешника в смерче, сечет его и убивает. Михаила чтут не столько из любви, сколько из страха.

Михаил — как бы заместитель Бога Отца (его имя по-церковнославянски переводится «Кто, яко Бог»).

Царь Иван присвоил себе функции земного наказующего Бога и земного Михаила. Он заставлял себе служить смерть.

Но он был русский человек — кстати, внешне очень церковный, в частности, сам певал на клиросе.

Он был и суеверен по-русски. Перед тем как сочинить Канон, Грозный разгромил Новгород, умертвив тысячи ни в чем не повинных людей. Лицезрение насильственных смертей поселило в нем самом страх смерти — воис-

тину панический, почему он и заклинал петь канон «по вся дни», а не только в Михайлов день, празднуемый 8 ноября старого стиля.

К Канону прибавлена «Молитва», где архангел назван по имени, «Михайле Архагеле... соблюди раба Божия... в ратех... и в людех... и от всякой притчи, и от диявола... от очию злых человек».

Да, суеверен был наш первый царь, боялся порчи, наваждения («по-притчилось» — значит «привиделось») и сглазу — очей злых человеков. Это — религиозное безобразие, которое и нынешняя Россия, по которой бродят экстрасенсы и колдуны, изжить никак не может. Только культура способна обтесать нашу мятущуюся, так сказать, сучковатую душу. Будем на это уповать и ради этого трудиться, избавляясь от плена суеверий и всяческого духовного вздора. Грозный с его Канонам — хороший пример, хотя и отрицательный. Он учит нас тому, каким быть не надо.

⟨Исполняется третий фрагмент Канона⟩

Литература

- Лихачев — *Лихачев Д. С.* Канон и молитва Ангелу Грозному Воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1972. С. 10–27.
- Панченко 1984 — *Панченко А. М.* Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72–153.
- Панченко 1985 — *Панченко А. М.* О Владимире Ивановиче Малышеве // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 265–276.
- Панченко 2005 — *Панченко А. М.* Иван Грозный // Звезда. 2005. № 8. С. 114–125.
- Панченко, Успенский — *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха: Статья 1 // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 54–78.
- Парфентьев — *Парфентьев Н. П.* Музыкально-гимнографическое творчество царя Ивана Грозного // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14, № 1. С. 51–59.
- Парфентьев, Парфентьева — *Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В.* Деятельность мастеров церковно-певческого искусства при дворе царя Ивана Грозного. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. 155 с.
- Парфентьева — *Парфентьева Н. В.* Возвышение образа Руси в музыкально-гимнографическом творчестве митрополита Киприана и царя Ивана Грозного // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 2. С. 103–107.
- Парфентьева, Парфентьев — *Парфентьева Н. В., Парфентьев Н. П.* Тема Москвы как «Святого града» в музыкально-гимнографическом творчестве царя Ивана Грозного и мастера Федора Крестьянина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 4. С. 84–93.

- Рамазанова — *Рамазанова Н. В.* Тропарь и кондак на пренесение честных мощей князю Михаилу Черниговскому, «...творение Ивана, богомудраго царя, самодержца российского» (к проблеме атрибуции) // *Литература Древней Руси: Источниковедение*. Л.: Наука, 1988. С. 107–116.
- Шляпкин — *Шляпкин И.* Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Ивана Грозного // *Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели*. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1911. С. 545–568.

References

- Likhachev, D. S. (1972). 'Kanon i molitva Angelu Groznomu Voevode Parfeniya Urodivogo (Ivana Groznogo)', in: *Rukopisnoe nasledie Drevnei Rusi: Po materialam Pushkinskogo Doma*. Leningrad: Nauka, 10–27.
- Panchenko, A. M. (1984). 'Smekh kak zrelishe', in: Likhachev, D. S., Panchenko, A. M., Ponyrko, N. V. *Smekh v Drevnei Rusi*. Leningrad: Nauka, 72–153.
- Panchenko, A. M. (1985). 'O Vladimire Ivanoviche Malysheve', in: *Drevnerusskaya knizhnost': Po materialam Pushkinskogo Doma*. Leningrad: Nauka, 265–276.
- Panchenko, A. M. (2005). 'Ivan Groznyi', *Zvezda*, 8, 114–125.
- Panchenko, A. M., Uspenskii, B. A. (1983). 'Ivan Groznyi i Petr Velikii: kontseptsii pervogo monarkha: Stat'ya 1', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 37, 54–78.
- Parfentiev, N. P. (2014). 'Muzykal'no-gimnograficheskoe tvorchestvo tsarya Ivana Groznogo', in: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*. Vol. 14, 1, 51–59.
- Parfent'ev, N. P., Parfent'eva, N. V. (2018). *Deyatel'nost' masterov tserkovno-pevcheskogo iskusstva pri dvore tsarya Ivana Groznogo*. Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 155 p.
- Parfent'eva, N. V. (2020). 'Vozvyshenie obraza Rusi v muzykal'no-gimnograficheskom tvorchestve mitropolita Kipriana i tsarya Ivana Groznogo', in: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*. Vol. 20, 2, 103–107.
- Parfent'eva, N. V., Parfent'ev, N. P. (2017). 'Tema Moskvy kak "Svyatogo grada" v muzykal'no-gimnograficheskom tvorchestve tsarya Ivana Groznogo i мастера Fedora Krest'yanina', in: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*. Vol. 17, 4, 84–93.
- Ramazanova, N. V. (1988). 'Tropar' i kondak na prenesenie chestnykh moshchei knyazyu Mikhailu Chernigovskomu, "...tvorenie Ivana, bogomudraga tsarya, samoderzhtsa rossiiskago" (k probleme atributsii)', in: *Literatura Drevnei Rusi. Istochnikovedenie*. Leningrad: Nauka, 107–116.
- Shlyapkin, I. (1911). 'Ermolai Pregreshnyi, novyi pisatel' epokhi Ivana Groznogo', in: *Sergeyu Fedorovichu Platonovu ucheniki, druz'ya i pochitateli*. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 545–568.

Т. Г. Иванова

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЕСНЯХ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Резюме

Анализируется историческое пространство народных песен о Степане Разине (XVII в.), выраженное топонимами. Исследование свидетельствует, что пространство дано в преломлении к биографии казачьего атамана: Дон; Яик, Каспийское море; Волга. Те локусы, где восставшие действовали без Степана Разина (Саранск, Пенза, Наровчат, Нижний Ломов, Макарьевский Желтоводский монастырь и др.), в историко-песенном фольклоре места не нашли. Однако и в связи с биографией Разина называются отнюдь не все важные в его жизни локусы: не упоминаются ни его родная станица Зимовейская, ни Кагальницкий городок, который он сделал своей зимней ставкой на Дону, ни Симбирск, под которым потерпел поражение от правительственных войск. Топонимы, запечатленные в песнях, позволяют сделать вывод о том, что фольклорная традиция находилась в постоянном развитии и реагировала на изменения в системе географических имен (Черкасск → Старочеркасск; река Яик → река Урал; Верхне-Яицкий городок → Уральск; Нижне-Яицкий городок → Гурьев), что свидетельствует о напряженности исторического сознания внутри устно-поэтической традиции. С другой стороны, в построении исторического пространства разинских песен большую роль играет вектор собственно фольклорной традиции. Песни о Степане Разине не только наследуют фольклорные формулы, родившиеся задолго до XVII в. (*тихий Дон, батюшка Дон Иванович, славный Черкасск, Яик Горыныч* и пр.), но и прочно связывают биографию «воровского» атамана с Азовом и Азовским морем, которые занимали важное место в сознании казаков. Очевидны также связи разинского фольклора с поэзией о покорителе Сибири Ермаке Тимофеевиче.

Ключевые слова: исторические песни, Степан Разин, топонимика, Дон, Яик, Каспийское море, Волга

HISTORICAL SPACE IN THE SONGS ABOUT STEPAN RAZIN

Abstract

The article analyzes the representation of historical space by toponyms mentioned in seventeenth-century folk songs about Stepan Razin (the Don, the Yaik, the Caspian Sea, the Volga). The study shows that these toponyms are related to Stepan Razin's activities, while the places where the rebels acted without Razin (Saransk, Penza, Narovchat, Nizhny Lomov, the Makaryevskii Zheltovodskii Monastery, etc.) are not mentioned in the songs. There is also no mention, however, of such important places in Razin's life like his native village of Zimoveiskaia, the fortress called Kagalnitskii Gorodok, where he made his winter headquarters on the Don, or the town of Simbirsk, where he was defeated by the state troops. The study of the toponyms captured in the songs suggests that the folk tradition was constantly developing and reacted to the changes of geographical names (from Cherkassk to Starocherkassk; from the Yaik River to the Ural River; from Verkhne-Yaitsky Gorodok to Uralsk; from Nizhne-Yaitsky Gorodok to Guryev). This reaction indicates the tension of historical consciousness within the oral poetic tradition. On the other hand, the construction of historical space in the songs about Razin was influenced by the folk tradition. The songs not only inherited folklore formulas that arose long before the 17th century (the quiet Don, Father Don Ivanovich, glorious Cherkassk, Yaik Gorynych, etc.), but also firmly connected the life of the "thieves'" ataman with the fortress of Azov and the Sea of Azov, an important place for the Cossacks. The songs about Razin also have obvious ties with the poetry about Ermak Timofeevich, the conqueror of Siberia.

Keywords: historical songs, Stepan Razin, toponyms, the Don, the Yaik, the Caspian Sea, the Volga

DOI 10.31860/2712-7591-2022-3-18-41

Культура «бунташного» XVII века в трудах А. М. Панченко занимает центральное место. Литература этого столетия, в рамках которой формировалась фигура писателя-профессионала, скomorошество и юродство как знаковые феномены позднего Средневековья — всё это нашло место в работах ученого [Панченко 1973; 1984; 2000]. Мы собираемся остановиться на фольклорной стороне культуры данного столетия — на исторических песнях, посвященных Степану Разину.

О Степане Разине, в отличие от Ермака, другого исторического персонажа, типологически ему родственного, имеется достаточная документальная информация [Крестьянская война; Костомаров; Лунин; Сахаров; Чистякова, Соловьев и др.]. Весной 1667 г., собрав ватагу казаков, Степан Разин

(ок. 1630—1671), уроженец донской станицы Зимовейской¹, на стругах от Черкаска (столица Дона) поднялся вверх по Дону к месту сближения этой реки с Волгой («перволока») и перешел на Волгу, где ограбил караван русских купеческих судов. Летом 1667 г. разинцы были уже у Царицына, воевода которого предпочел от них откупиться. Далее Разин двинулся вниз по Волге мимо Черного Яра и Астрахани к устью реки, зашел в Каспийское море и, повернув на восток, достиг Яика, где взял Яицкий городок.

Весной и летом 1668 г. разбойная деятельность Разина разворачивалась за пределами России, на Каспийском море; в Фарабате (владения Персии) разинцы зазимовали. Следующей весной, 1669 г., они перешли на восточный («трухменский») берег Каспия, где произошло столкновение разинских стругов с персидским флотом.

В августе 1669 г. Разин вернулся в Россию, пришел в Астрахань, повинился перед властями за грабеж русских торговых судов и самовольный набег на каспийские земли, что, естественно, осложняло взаимоотношения Москвы с Персией. Четвертого сентября водным путем он направился на Дон, где, не желая находиться в подчинении атамана Корнилы Яковлева, выше Черкаска поставил для зимовки городок Кагальник (точное его местонахождение остается неизвестным). На Дону, таким образом, образовалось два центра: Черкасск с атаманом Корнилой Яковлевым и верными Москве казаками и Кагальницкий городок с казаками, предпочитавшими вольный образ жизни. Весной 1670 г., на Фомино воскресенье, Разин пришел в Черкасск, где в это время находился царский посол, с которым Разин вступил в конфликт и которого сбросил в реку.

Далее разинская вольница опять направилась на Волгу. Соединившись с ватагой Васьки Уса, разинцы взяли Царицын (ближайший к волго-донскому волоку крупный город), спустились к Астрахани и захватили ее. Оставив Ваську Уса в Астрахани, Разин пошел вверх по реке. Саратов и Самара присоединились к восставшим. Осада же Симбирска в сентябре 1670 г. оказалась неудачной. Разин был тяжело ранен и вывезен соратниками из-под Симбирска. Самара и Саратов Степана Разина не приняли, и верные атаману казаки отвезли его в Царицын.

Крестьянская война, которой разинские действия дали толчок на Волге, ширилась уже без его непосредственного участия. Восставшие захватили Саранск, Пензу, Наровчат, Нижний Ломов, Макарьевский Желтоводский

¹ Зимовейская станица поначалу стояла на правом берегу Дона, в среднем течении реки; после Октябрьской революции переименована в ст. Пугачевскую; в 1951 г. в связи с созданием Цимлянского водохранилища на Дону перенесена на левый берег реки.

монастырь и другие местности. Сам атаман вольницы зимой 1670 г. прибыл на Дон. Черкасск ему не дался, и Разин опять стал на зимовку в Кагальницкий городок. Здесь-то 14 апреля 1671 г. он и был схвачен верными царю казаками и выдан властям. Казнь Степана Разина состоялась 6 июня 1671 г. в Москве.

Карта действий разинских и правительственных войск²

Крестьянская война 1670–1671 гг. отразилась в большом круге исторических песен (18 сюжетов)³. Интерес фольклористики к разинскому циклу песен нашел место в исследованиях разного времени, сосредоточенных в основном на исторических комментариях к фольклорным текстам, а также на раскрытии их идеологического (социально-протестного) содержания [Миллер; Яковлев; Пиксанов; Лозанова; Соколова 1953; 1960; Шептаев 1958; 1961; 1963; 1966; 1967; Путилов; Акимова; Иванова 2020а и др.]. Мы же

² Карта заимствована из интернет-ресурсов (указаний на право собственности не имеет).

³ Наше исследование выполнено на основе академического издания [ИП XVII, № 158–357].

хотим остановиться на топонимике песен, позволяющей осветить глубину исторической памяти фольклорной культуры.

Укажем, что топография песен корреспондирует с подлинной биографией Разина, которая тесно связана с четырьмя водными пространствами: Доном, Яиком, Каспийским морем, Волгой.

1. Дон и Азовское пространство. Один из самых частотных топонимов (а вернее, гидронимов) в разинских песнях — это *Дон*, что вполне объяснимо: атаман родился и вырос на *Дону*; с *Дона* он направился на Каспий; на *Дону* перезимовал, перед тем как поднять восстание на Волге; на *Дон* вернулся после ранения; на *Дону* был схвачен и выдан Москве. *Дон*, хотя и не во всех вариантах, занимает важное место в сюжете «Разин и казачий круг» [ИП XVII, № 143–157]: Разин не ходит на казачий круг, а ходит в царев кабак, где решает с голытьбою идти на сине море грабить торговые корабли. Очевидно, эту песню можно рассматривать как пример перекодировки соответствующего сюжета из цикла песен о Ермаке [ИП XIII–XVI, № 328–355].

В песне «Разин и казачий круг» константной становится инициальная формула «У нас-то было, братцы, на *тихом Дону*» [ИП XVII, № 143, ст. 1; № 144, ст. 1; № 153, ст. 1]. Эпитет «*тихий Дон*» — и в зачине песни, и в ее повествовательной части — вполне ожидаем: он появился еще в песенной традиции XVI в. Равным образом ожидаема формула с родительской семьей реки («*батюшка*») и с антропонимическим именованием *Дона* (*Дон Иванович*):

Как у нас было на *батюшке*
На *тихом* на *Дону*,
Что на *тихом Дону* на *Иваныче*.

[ИП XVII, № 155, ст. 1–3]

Дон, таким образом, предстает отправной точкой биографии песенного Степана Разина. В сюжете «Разин и казачий круг» в связи с биографией Степана Разина называется и *Черкасск*. *Черкасский городок* впервые упомянут в документах в 1569 г. Городок, расположенный на правом берегу Дона (на 30 км выше современного Ростова-на-Дону), очень скоро стал донской столицей. В XVII в. *Черкасский городок* был вполне серьезной крепостью — обнесен деревянной, набитой землей стеной. *Черкасск* регулярно весной затопляло половодьем, поэтому в 1804 г. донской атаман М. И. Платов принял решение о переносе столицы на реку Аксай (правый приток Дона). Новый город называли Новочеркасск, а *Черкасск* стали именовать Старочеркасском (с превращением города в станицу — Старочеркасская станица).

Черкасск в песнях о Степане Разине, родиной которого, повторим еще раз, считается станица Зимовейская, предстает прежде всего как родина Степана Разина. Песни на сюжет «Разин и казачий круг» могут начинаться стихами:

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
 На тихом Дону, во *Черкасском городу*,
 Породился удалой доброй молодец
 По имени Степан Разин Тимофеевич.
 [ИП XVII, № 143, ст. 1–4]

Топоним *Черкасск* получает в песнях эпитет «славный», подчеркивающий ценность города, что сохранилось в фольклорной памяти, несмотря на то что в начале XIX в. город (а потом — станица) уже не был донской столицей (см.: [ИП XVII, № 144, ст. 1–2; № 153, ст. 1–2; № 155, ст. 1–4]).

Таким образом, в области поэтики топонимы *Дон* и *Черкасск* песен о Степане Разине полностью опираются на поэтический континуум, выработанный песенной традицией XVI в.

Черкасск, без сомнения, в биографии реального Степана Разина занимал заметное место. Однако подчеркнем еще раз: в период восстания *Черкасск* так и не принял сторону восставших. Песня «Как у нас на *Дону*, на *Черкасском острове*» [ИП XVII, № 157] правдиво хозяином *Черкаска* рисует Корнилия Яковлева (Корнея Яковлевича): именно он, войсковой атаман, сидит на стуле под бунчуком (символ атаманской власти), а молодые казаки (по-видимому, примкнувшие к Степану Разину) его спрашивают, почему царь жалует князей и бояр, но не жалует казаков; Корней Яковлевич отвечает, что царь пожаловал его «чудным образом» (иконой), а казаков «свинцом, порохом» (метафорически — гибелью).

Черкасск, повторим еще раз, в исторической памяти казаков является безусловным ценностным локусом. Именно поэтому, в противовес реальной биографии Степана Разина, песня стремится как можно более прочно связать главу крестьянского восстания с этим городом. Укажем также, что Кагальницкий городок — реальный центр разинцев на Дону — в исторической памяти песенного фольклора места не нашел: городок ни разу не упомянут в песнях. Равным образом и станица Зимовейская в песнях не встречается. Историческая память песенного фольклора в области географии оказывается избирательной: она коррелирует не только с реальной биографией Степана Разина, но и, прежде всего, с локусами, культурно значимыми для Дона.

Отметим еще одну особенность исторической памяти в связи с донским пространством в песнях. В историко-песенном фольклоре в одном тексте могут сочетаться географические имена, отражающие разные временные пла-

сты. В единственном варианте сюжета «Разин и турецкий паша» [ИП XVII, № 355] *Черкасск* назван *Старочеркасском*, т. е. песня употребляет топоним, который появился только после 1804 г., когда был основан Новочеркасск: «Что у нас-та на *Дону*, в *Старочеркасском городе*, / Появился собака — прирожденная тумá» [ИП XVII, № 355, ст. 1–2]. Далее в песне рисуется путь от *Черкаска (Старочеркаска)* к *Азовскому морю*: «И кы полуночи Степан *Роговые* проплывал, / А на белой заре Степан по *Азовскому морю* гулял» [ИП XVII, № 355, ст. 4–5].

Если наличие в песне топонима *Старочеркасский городок* свидетельствует о реагировании песенной топонимической системы на изменения, которые в ней происходят в позднее время, то упоминание *Рогового*, напротив, демонстрирует глубину исторической памяти песенного фольклора. Локус *Роговое* на протяжении своего существования несколько раз менял свое название. В XVII в. на Дону существовал стан Кобяково, который был границей Московского царства и турецких владений. Здесь происходили необходимые контакты между двумя государствами (например, обмен посланиями). В XVIII в. этот локус чаще называли *Роговое* или *на Роговых* (рог — мыс в водном пространстве). В 1777 г. на мысе *Роговое* была поставлена церковь в честь Сретения, соответственно, разросшаяся к этому времени станица стала именоваться Сретенской. Позднее Сретенская станица слилась с соседней, Александровской, и локус стали называть Александровской станицей. В настоящее время это один из районов города Ростов-на-Дону. Как видим, из многочисленных топонимов для обозначения одного и того же локуса песня сохранила имя, отражающее природную мотивацию названия места.

Обратим внимание на то, что зачин песни «Разин и турецкий паша» свидетельствует о довольно негативном отношении устной традиции к Степану Разину: он назван «собакой» (в былинах «собакой» именуется враг Руси Калин-царь) и «тумой». Тума — полукровка, метис. Согласно одному из документов, матерью Степана Разина была пленная турчанка, ставшая женой казака Тимофея [Крестьянская война, т. 4, с. 400, примеч. 46]. Очевидно, что в лексеме 'тума', соположенной рядом с 'собака', заложены отрицательные коннотации. Те же указания на «неправильность» происхождения Разина мы находим и в одном из вариантов сюжета «Поход Разина на Яик» [ИП XVII, № 161]: здесь говорится, что родила Степанушку вдова, то есть женщина, нарушившая нормы поведения.

Напомним, что в фольклористике считается, что прозаический фольклор нередко отражает осудительную позицию народа по отношению к «воровскому» атаману (змеи сосут груди злодея Разина-еретика в пещере),

а песенная традиция, напротив, воспеваает деяния Разина. В отдельных песенных текстах, как мы видели, в латентном виде прочитывается осуждение Разина, хотя далеко и не последовательное.

В рассматриваемой песне «Разин и турецкий паша» называются **Азов-город** и **Азовское море**: Разин по Дону спускается в *Азовское море*, разбивает турецкие суда, атамана пленяют, приводят к турецкому паше, тот расспрашивает его о планах донских казаков и получает ответ:

«На Дону у нас говорить, что *Азов-город* хотять узять». —

«Ой, не дай Боже, Степаша, ума-разума придать,

Ума-разума придать,

Чтоб *Азов-город* узять».

[ИП XVII, № 355, ст. 12–15]

Противостояние казачьего *Черкаска* и турецкой крепости *Азов* было постоянной точкой напряжения между Москвой и Османской империей. В 1637 г., как известно, казаки совершили успешный набег на *Азов*, захватили его и удерживали город четыре года. Разин, как следует из документов, подумывал о походе на *Азов*. В мае 1670 г. (т. е. еще до решительного похода на Волгу) в Черкасске состоялся казачий круг, на котором ставился вопрос, куда идти разбойной ватаге. Назывались *Азов*, *Русь* и *Волга*: «...под *Озов* ли итить, и козаки де в кругу про то все умолчали (т. е. не одобрили этот маршрут криком «любо». — *Т. И.*) (...) на *Русь* ли им на бояр иттить, и они де „любо“ молвили небольшие люди. А в третьей де докладывали, что итить на *Волгу*, и они де про *Волгу* завопили...» [Крестьянская война. Т. 1, с. 162 («Отписка тамбовского воеводы Я. Хитрово в Разрядный приказ с расспросными речами площадного подьячего Д. Михайлова о прибытии С. Разина с войсками в Паншин и о его намерении идти на *Волгу*»)]. На *Азовскую крепость*, таким образом, Степан Разин никогда не ходил. Но обобщенная историческая память о взаимоотношениях казачьего *Дона* и турецкого *Азова* стала основой для создания песни о пленении Разина турецким пашой [ИП XVII, № 355] и о столкновении двух «удалых елынчат» (янычаров) под *Азовом-городом* со Степаном Разиным [ИП XVII, № 356; песня «Разин под *Азовом*»]. Полагаем, что в развитии этой темы разинский фольклор наследует традиции цикла о Ермаке (песни «Ермак и Ицламбер-мурза», «Ермак и турецкий султан», «Ермак просит выпустить его из неволи») [ИП XIII–XVI, № 370, 377–385, 386, 387].

К *Азовскому* пространству относится и **Кубань-река**, впадающая с стока в *Азовское море* (ныне Краснодарский край). В XVII в. эта территория еще не была освоена русскими людьми. Кубанские земли принадлежали Крымскому ханству, с которым Москва находилась в постоянной конфронта-

ции. Как и Крымское ханство, *Кубань* вошла в состав России только в 1783 г. Правобережье *Кубани* позднее стало местом формирования Черноморского казачьего войска (с 1792 г.), основой которого стала часть запорожских казаков. В 1860 г. Черноморское казачье войско было преобразовано в Кубанское казачье войско.

Для донских казаков, как свидетельствует песенная традиция, в XVII в. *Кубанское пространство* было чужим — территорией набегов «за зипунами». Это положение единожды отражено в одном из вариантов песни «Разин и казачий круг». На кругу казаки решают идти на *Кубань*:

Уж поедем мы за *Кубань-реку*.
Там живет орда богатая,
Там богатая.
Уж мы эту-то ордыночку
Выжгем ее, вырубим.

[ИП XVII, № 145, ст. 31–35]

Этот текст впервые опубликован в сборнике [Догадин, вып. 1, № 18]; записан в кубанских станицах Александровской и Александро-Невской. Обе эти станицы были основаны очень поздно — в 1870 и 1907 гг. соответственно. Песенный текст с *Кубанью* как «чужой» рекой демонстрирует глубину исторической памяти фольклорной традиции: в начале XX в. казаки еще помнили, что «своя» территория казачества когда-то была «чужой» ордой. Данный пример наглядно свидетельствует о глубоком историческом сознании русского народа.

2. Яик и яицкое пространство. В реальной биографии Степана Разина река **Яик** заняла важное место в 1667 г., когда казачья ватага захватила Яицкий городок. Астраханскому воеводе И. Хилкову 13 июня 1667 г. из приказа Казанского дворца пришла грамота, в которой сообщалось о планах Стеньки Разина: «...идут де они на море и хотят взять Яицкой городок и в нем засесть» [Крестьянская война, т. 1, с. 88 («Грамота из приказа Казанского дворца астраханскому воеводе И. Хилкову о попытке С. Разина идти к Азову, пребывании его в Паншине и о сборе к нему казаков»)]. Через месяц, 29 июля, в грамоте астраханскому воеводе говорилось о событиях 19 июля, когда верные царю служилые люди пришли в столкновение с разинской вольницей: «И у тех же служилых людей с воровскими казаки у Яицкого городка на Яике реке был бой, и те де воровские казаки, Стенька Разин со всем войском, вошли в Яицкой городок» [Крестьянская война, т. 1, с. 95 («Грамота из приказа Казанского дворца астраханскому воеводе И. Хилкову о взятии С. Разиным Яицкого городка»)].

Прочитывание яицкого пространства в историко-песенном фольклоре о Разине оказывается не столь прозрачным, как может показаться на первый взгляд. Первое обстоятельство связано с тем, что на *Яике* в XVII в. стояло два *Яицких городка*. Напомним также, что топонимика *Яика* подверглась переименованию в последней трети XVIII в. Река *Яик*, казаки которой через столетие после Степана Разина поддержали Емельяна Пугачева, после разгрома Пугачевского восстания по указу Екатерины II была переименована в реку *Урал* (соответственно, яицкие казаки стали называться уральскими).

Действия Разина были связаны с *Нижне-Яицким городком*, некогда расположенным непосредственно в устье реки (Каспийское море отступило, и сейчас город находится в 25 км выше по течению реки). В XIX в. этот локус назывался Гурьевом (городок был основан в 1640 г. русским купцом Гурием Назаровым, а в 1647–1648 гг. перешел под власть Яицкого казачьего войска). В настоящее время это территория Казахстана, город в 1991 г. переименован в Атырау. Выше по течению *Яика* находился еще один *Яицкий городок*, впервые поставленный в 1584 г. и возобновленный в 1613 г. После Пугачевского восстания этот город получил имя *Уральск* (ныне Казахстан).

Пространство *Яика* в разинских песнях представлено весьма скромно. Интересно то, что в песнях отразилась и старая (яицкая), и новая (уральская) система топонимов, т. е. одновременно мы можем отметить и глубину исторической памяти фольклорной традиции (память о старых географических названиях), и гибкость песен, реагирующих на новые реалии.

В одном из вариантов песни «Разин и казачий круг» атаман в казачьем кругу задает вопрос: «Да где же мы, братцы, зимовать будем: / На *Яикушке* или на восход пойдем?» [ИП XVII, № 151, ст. 14–15]. В теме выбора места для зимовки разинская песня в очередной раз наследует поэтические традиции Ермакова цикла (песня «Ермак в казачьем кругу»). Разинская песня имя реки *Яик* дает в уменьшительно-ласкательной форме, что в целом характерно для бытования топонимов в фольклорной традиции.

Может *Яик* в поэтическом языке получать и другие именованья. В песнях сюжета «Поход Разина на Яик» река именуется *Яик Горыныч*: «Ни сверж было *Яика*, ни сверж было *Горыныча* было самого, / Сверх *Горыныча* было самого (...) Из устьяца там выбегали три стружка» [ИП XVII, № 158, ст. 5–10]. Обратим внимание, что разинские струги здесь, в соответствии с исторической правдой, появляются из устья реки. Эта же формула наличествует в варианте № 160: «*Яик*, ты наш *Яик* ли, сударь *Горынович Яик!* / Быстрее ты, *Яик* ли сударь, всех речушек течешь» [ИП XVII, № 160, ст. 1–2].

Яик (длина 2428 км) в основном своем течении река спокойная. Лишь на одном из участков (в 110 км от истоков) она прорезает горный хребет, в результате чего на реке появляются перекаты и небольшие пороги. Вряд ли природные особенности реки могли дать основание для самостоятельного сложения образа *Яика Горыныча*. Формула *Яик Горыныч*, по нашему мнению, была перенесена на имя этой реки из песен, связанных с северокавказской рекой Терекон («Терек Горыныч»). Терек, укажем, вошел в пространство русских исторических песен еще во времена Ивана Грозного (песня «Терские казаки и Иван Грозный») [ИП XIII—XVI, № 286—294].

Переименование реки *Яик* в XVIII в. отразилось в песне. Начальная строка «Течет *Яик* быстрехонько» [ИП XVII, № 158, ст. 1] в другом варианте трансформируется в запев с топонимом *Урал*:

Быстрехонько,
Течет *Уралушка*, *Урал* славная река.
А сверх того *Уралушки*, сверх-то *Горыныча*,
Сверх *Горыныча*
Бегли, выбегали астрахански три новы стружки.

[ИП XVII, № 159, ст. 1—5]

В последней строке этого варианта *Уралушка река* получает родительскую сему «батюшка», давно применяемую к топонимам и гидронимам в фольклорной (и шире — культурной) традиции.

Песни яицкой тематики знают топоним *Гурьев* (т. е. *Нижне-Яицкий городок*). Разин обращается к своим товарищам: «Уж вы гряньте-ка, ребята, ко городу *Гурьеву*, да ко *Гурьеву*» [ИП XVII, № 158, ст. 21]. *Гурьев* разинцы, попросившись помолиться в церковь (в соответствии с реальными событиями), и захватывают:

«Я приехал к вам не пить, не гулять,
Не баталище с вами заводить, а святым храмам поклониться,
Поклониться и молебен отслужить».
Воротички отворились и пустили Стенюшку со ватагою.

[ИП XVII, № 158, ст. 28—31]

В одном из вариантов песни «Поход Разина на Яик» мы находим и явное указание на нынешний *Уральск* (*верхний Яицкий городок*). Песня описывает выдуманную ситуацию разговора разинцев с царем: разинцы винятся за свои разбойные походы и просят у царя *Яицкий городок*, который они якобы хотят основать. При этом в песне топографически точно описывается местоположение городка, находящегося в устье реки *Чаган* (правый приток *Урала*):

Ты пусти нас, батюшка, на *Яик-реку*,
Мы заведем на *реке Яике* славный *Яик-город*,
Заведем мы его между двух речушек:
При первой речке при *Яике* быстрым,
При другой речке при *Чагане тихиим*.

[ИП XVII, № 161, ст. 46–50]

Далее в данном варианте описывается:
Потом побывали они во городе *Гурьеве*,
Из *Гурьева* пошли они на матушку Волгу-реку,
С Волги-реки пошли они на *Узень-реку*,
С *Узень-реки* переправились за *Яик-реку*,
Прошли-то они, изошли всю орду азиатскую.

[ИП XVII, № 161, ст. 51–55]

Неизвестно, ходил ли описанным маршрутом когда-нибудь Степан Разин, но сам маршрут вполне правдоподобен. Из *Яицкого городка (Уральска)* по *Яику* можно спуститься к *Нижне-Яицкому городку (Гурьеву)*; оттуда Каспием пройти в Волгу и, поднявшись по реке в район саратовских степей, на левом берегу Волги можно попасть в местность, которая называется *Узени* (между реками Большой и Малый Узень, текущими в Камыш-Самарские болота и озера (ныне Казахстан)). От *Узений* по степям (Астраханская степь) известен путь на Яик, а, следовательно, и за Яик, т. е. в «орду азиатскую».

Топонимика песен с яицкими географическими названиями, таким образом, свидетельствует, что за ней стоит не только желаемая биографическая достоверность. Топонимы в историко-песенном фольклоре решают и более глобальную проблему — стремление представить освоенное (или точнее — осваиваемое) русское пространство. Вторая черта этого слоя разинских топонимов связана с реагированием песни на переименование локусов.

3. Каспийское пространство. *Каспийское море* в его северной части было знакомо Степану Разину, по крайней мере, со времени его перехода из устья Волги в Яик. Повторим еще раз: весной 1668 г. разинцы разбойным походом пошли на дагестанский (западный) берег моря, где пограбили города Дербент, Решт, Фарабат (Фарахабад). В Фарабате они зазимовали. Следующей весной, 1669 г., Разин перешел на восточный («трухменский») берег Каспия. Здесь произошло столкновение разинских стругов с персидским флотом; тогда-то, по одной из версий, он и полонил «персидскую княжну» — дочь Мамед (Мемед)-хана, ставшую героиней известного предания, воплощенного в стихотворении Д. Н. Садовникова, известного в качестве

популярной народной песни «Из-за острова на стрежень». К зиме 1669 г. Разин вернулся в Астрахань, а затем ушел на Дон, в Кагальницкий городок.

Каспийский поход Разина в песенном фольклоре в конкретике названия захваченных и пограбленных разинцами городов не отразился. Устная традиция не запомнила ни одного каспийского города, в котором побывал «воровской» атаман. Топоним *Каспийское море* зарегистрирован всего в четырех текстах, причем данный водоем обозначен только этим топонимом: подчеркнем, что разинские песни XVII в. не знают имени *Хвалынского море*, который известен и в былинах, и в песнях XVI в. Скорее всего, в момент создания разинских песен топоним *Хвалынского море* в них наличествовал, но со временем он заместился более поздним гидронимом *Каспийское море*. Названный топоним мы находим в двух вариантах сюжета «Разин и казацкий круг». На корабле, стоящем в *Каспийском море*, с золотым бунчуком в руках сидит Разин и размышляет, куда направиться со своей ватагой:

Как по морюшку, морю синему,
По тому *морю Каспицкому*
Бросил якорь воровской корабль.

[ИП XVII, № 150, ст. 1–3;
см. также: № 152, ст. 3–5]

Единственный вариант сюжета «Разин на Каспийском море» [ИП XVII, № 162] отражает окончание каспийского похода: разинский струг скован осенним льдом, атаман приказывает разбить лед и направиться в «тихие места»:

Тихохонько сине море становилося,
Ничем наше *Каспийское море* не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалося <...>
«Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
Что до той ли до *проточки Червонныя*,
Как до славного до *острова Кавалерского*».

[ИП XVII, № 162, ст. 1–14]

Топоним *Каспийское море* зафиксирован и в песне «Разин видит сон» — сон, предвещающий гибель атамана (упала с головы шапка):

Как по морю было, морю синему,
По тому *морю по Каспицкому*,
Супротив было *Орловых островов*,
Стоял на якоре воровской корабль.

[ИП XVII, № 349, ст. 1–4]

Топонимы *Червоная протока*, *Кавалерский остров*, *Орловы острова* — по-видимому, локусы, находящиеся в самых низовьях дельты Волги (напомним, что это самая разветвленная дельта в Европе). В одном из вариантов песни «Разин и казачий круг» употреблен термин ‘морцо’ — заливы в Волжской дельте: «Как на *морыще*, на взморьце / Стоял воровской корабль» [ИП XVII, № 151, ст. 1–2]. Один из самых известных местных заливов — Синее морцо. Протоки и острова в дельте Волги, без сомнения, служили разинцам базами, в которых собирались разные группы казаков, желавших присоединиться к атаману, где они готовились к походам, отдыхали после воровских набегов и делили награбленное.

Можно найти в разинских песнях и *Колыванский остров*. Разин обращается к морю и острову:

Спасибо те, спасибо морю синему всему!
 Еще же, братцы, спасибо *Колыванскому острову*.
 А и упито тут было, братцы, зеленого вина,
 Еще ж, братцы, уедено сорочинского пшена,
 Еще ж, братцы, уношено цветного платья.

[ИП XVII, № 160, ст. 14–18;
 сюжет «Поход Разина на Яик»]

Рискнем предположить, что *Колыванский остров* — это отголосок имени Кулалинского острова (Кулы, Кулалы), одного из группы Тюленьих островов в северо-восточной части *Каспийского моря*. Известно, что летом 1668 г. из Яицкого городка казаки, желавшие присоединиться к Разину, уже ушедшему с Яика, в поисках атамана направились на *Кулалинский остров*. Сюда для усмирения «воровской» ватаги были посланы стрельцы, состоялся бой, после которого стрельцы обратились к царю Алексею Михайловичу с челобитной о награде: «...съехали мы, холопи твои, тех воровских казаков на море на Кулалинском острове и учинили с ними бой, и на том бою нас, холопей твоих, те воровские казаки многих переранили» [Крестьянская война, т. 1, № 94, с. 125; см. также: № 96, с. 126; № 101, с. 130; № 106, с. 142–143; № 106, с. 150].

Возможное превращение в песенном языке *Кулалинского острова* в *Колыванский* обусловлено фольклорной традицией. Напомним, что в былинах есть герой по имени Самсон Колыванович, отчество которого исследователи связывают с древнерусским именованием Таллина (*Колывань*). Созвучие — *Кулалы / Колывань* и могло стать причиной появления в разинском цикле *Колыванского острова*.

Укажем, что каспийское пространство в песнях отражается в этнонимических именовании кораблей, пограбленных Разиным на *Каспийском море*. В одном из текстов сюжета «Поход Разина на Яик» атаман призывает товарищей:

Побежимте мы, ребяташки, в сине море,
Станемте, ребяташки, разбивать бусы-кораблики,
Татарские, армянские, все басурманские,
Без того только без сиза орла без государева.

[ИП XVII, № 161, ст. 20–23]

В данном варианте, в соответствии с реальностью, называются суда восточных народов (*армянские, татарские*), обобщенно (в соответствии с традицией) названные «басурманские». Русские государевы корабли, отмеченные «сизым орлом» (гербом), Разин грабить опасается.

Восточное пространство в разинских песнях обозначено как «орда *азиатская, киргизская, тухменская, кызылбацкая*» [ИП XVII, № 161, ст. 55–56]. В этом ряду имеются лексемы самого общего характера (*азиатская орда*). *Кызылбацкой стороной* в документах XVII в. называли Персию; *киргизская* и *тухменская* орда, очевидно, относятся к восточному берегу Каспия. В другой песне упоминаются *азиатская степь, степь киргизская* и некие *Рандырские горы* [ИП XVII, № 357, ст. 6–7; сюжет «Разин в киргизской степи»].

4. Волга и Волжское пространство. *Волга*, где разворачивались основные события Крестьянской войны в 1670 г., в разинских песнях занимает особо важное место. В сюжете «Разин и казачий круг» для разинцев, находящихся на Дону, *Волга*, в соответствии с исторической правдой, рисуется как цель разбойного похода: «Побываем мы, погуляем / На *Волге* широкой реке» [ИП XVII, № 144, ст. 28–29]. Через *Волгу* совершаются маршруты разинских походов, что обозначено в песне «Поход Разина на Яик» [ИП XVII, № 161, ст. 52]. *Волга* устойчиво встречается в самом популярном разинском сюжете «Сынок» [ИП XVII, № 163–294] в вопросе астраханского губернатора, желающего узнать, откуда родом «сынок».

В песне «Разин под Астраханью» [ИП XVII, № 295–310] *Волга* предстает абсолютно разинским пространством (пространством воли), по которому передвигаются струги атамана:

Вниз по матушке да по *Волге*,
Как на матушке да на *Волге*
Не черняночки чернеют,
Зачернелися на *Волге*
Легли (легки? — *Т. И.*) дубовы стружочки,

Забелелися на *Волге*

Тонки белы парусочки.

[ИП XVII, № 296, ст. 23–29;

см. также: № 297, ст. 19]

Ценность *Волги* в разинских песнях закреплена в родительской семье «матушка», устойчиво наличествующей во многих текстах (см. также варианты в форме «матя *Волга*» [ИП XVII, № 298, ст. 1], «на матке *Волге*» [ИП XVII, № 305, ст. 1]).

Заметим, что *Волга* воплощает не только тему воли и свободы, но и тему горя и печали. Так, в песне «Девушка горюет по Разину» атамана, в нарушение исторической правды, схватили на *Волге*: «Что поймали разбойничка на большой *Волге-реке*» [ИП XVII, № 353, ст. 29]. В другой песне — «Девушка оплакивает Разина» [ИП XVII, № 354] — птица бросает в *Волгу-матушку* руку Разина, по которой героиня и узнает о его гибели. Семантическое наполнение образа *Волги* в разинском фольклоре, таким образом, предстает многомерным.

Разинские песни демонстрируют хорошее знание волжского пространства. Песенный фольклор помнит о некоторых его географических особенностях. Так, в районе Саратова река четко делит пространство на нагорную сторону (правый берег) и луговую сторону (левый берег). Песня запечатлевает эту особенность: «Как по матушке, братцы, по *Волге*, / По *Нагорной стороне*» [ИП XVII, № 222, ст. 1–2].

Интересно, что разинский фольклор знает и термин '*Воложка*' — пространное название рукавов Волги, образующихся чаще всего после половодья. Так, «сын» Разина, находясь в тюрьме, «Ох, и из окошечка да все на *Воложку* / Да все поглядывает» [ИП XVII, № 209, ст. 31–32; см. также: № 278, ст. 11–12; № 213, ст. 24–25].

В песнях зафиксирован целый ряд волжских городов. Наиболее частотно встречается *Астрахань*, которую разинцы захватили в 1670 г. Этот город, без сомнения, является центральным в топографии разинского цикла. Согласно некоторым вариантам песни «Разин под Астраханью», целью речного похода вольницы является *Астрахань*: «Да ко полуночи, / Ребята, в *Астрахань-город* приплывайте» [ИП XVII, № 307, ст. 37–38]; «А ко утреней ко зорьке / В *Астрахань-город* поспевати» [ИП XVII, № 308, ст. 49–50].

В *Астрахани* происходят события еще одной песни — «Сынок»: удалый молодец гуляет по *Астрахани*, губернатор (воевода) требует его к себе на допрос, тот отвечает, что он «сын» Степана Разина («сын» — это разинский разведчик, лазутчик, посланный в город); молодца сажают в темницу; Разин призывает своих товарищей разобрать тюрьму по камешку:

А и гряньте, удалые, к *Астрахани*.
 А мы в *Астрахань* придем, и мы крепость разберем,
 Удалых молодчиков повыпустим,
 А любезного сыночка мы повыручим.

[ИП XVII, № 169, ст. 44–47]

Астраханское пространство обозначено в первых строках многих вариантов песни «Сынок»: «Во городе было во *Астрахани*» [ИП XVII, № 163, ст. 3]; «Как во городе во *Астрахани*» [ИП XVII, № 164, ст. 1; и др.]. Наличествует в песнях и форма *Астраханский городок (город)* [ИП XVII, № 238, ст. 1; № 240, ст. 6] и явно рудиментарная форма *царство Астраханское* [ИП XVII, № 292, ст. 5]. *Астраханское (татарское) ханство*, напомним, перестало быть для Московской Руси актуальным с 1556 г., когда Иван Грозный присоединил его к крепнущему Русскому государству. Город *Астрахань* нередко наделяется эпитетом «славный»: «Как во *славном* было городе во *Астрахани*» [ИП XVII, № 165, ст. 1; и др.]. Имеется у *Астрахани* и родительская сема «матушка» [ИП XVII, № 173, ст. 1].

Укажем на еще одну особенность текстов о «сынке». В некоторых текстах *Астрахань* сопрягается с *Саратовом*, который, подчеркнем, явно предстает как вторичный топоним в данном сюжете. Имена двух городов (*Астрахани* и *Саратова*) противопоставляются в конструкциях с отрицательным параллелизмом: «Не в *Саратове*-та было, / Было в *Астрахани*» [ИП XVII, № 273, ст. 1–2; см. также: № 287, ст. 29–30]. *Саратов* может сопоставляться с *Астраханью* («Ой, да не во городе было / Да во *Саратове*, / Ой, да не во городе было / Да на *Астрахани*» [ИП XVII, № 241, ст. 1–4]). В некоторых вариантах коллизия сюжета «Сынок» разворачивается не в *Астрахани*, а в *Саратове*, т. е. *Саратов* функционально заменяет собой изначальную *Астрахань*: «По *Саратову* детинушка погу... вот погуливает» [ИП XVII, № 214, ст. 4; № 271, ст. 1–2; № 276, ст. 1–3].

В единичных вариантах *Астрахань* функционально в песнях «Сынок» заменяется *Царицыном* («По городу по *Царицыну*» [ИП XVII, № 266, ст. 1]), что логически вполне объяснимо: как и Саратов, этот город был втянут в события крестьянской войны.

Астрахань, повторим еще раз, в реальных событиях крестьянской войны является безусловным примером успешных действий Разина. *Астрахань* — это территория восставших. Тем не менее этот город в песнях может представлять пространством опасным для Разина. То, что Разин остерегается *Астрахани*, прочитывается в следующих строках песни «Разин под Астраханью»:

Во полночь бы нам, ребята,
Астрахань-город проехать,
Никто бы нас не (у)видел,
Да никто бы нас не услышал.

[ИП XVII, № 305, ст. 20–23;

см. также: № 303, ст. 8; № 304, ст. 11]

Именно с этим городом в песни о Разине вторгается тема «женской измены». В сюжете «Разин под Астраханью» атаман, явно намекая на магическую заговоренность, предупреждает нападающих на него, что пушки и ружья его не возьмут. Опасна для него только *Астрахань*, где живет «девка Машка»:

Никого я, братцы, не страшуся,
Опричь *Астраханского городочку*,
В *Астраханском городочку*
Живет девка Машка.

[ИП XVII, № 296, ст. 39–42]

Причина опасности «девки Машки» раскрывается в варианте № 295: в результате хитрых действий «астраханской девки Машки» Разин схвачен в *Астрахани* и посажен в железную клетку. Однако наделенный магическими способностями атаман окатывается водой и освобождается из заключения — оказывается на *Волге*: «Он во клетке окатился / И на *Волге* очутился» [ИП XVII, № 295, ст. 44–45]. См. также № 298 (вариант с «девкой *Астраханкой*»).

Очевидно, что в данных версиях песни, где *Астрахань* предстает опасным для Разина городом, на глубинном мифопоэтическом уровне противопоставляются природное пространство (*Волга*), принадлежащее вольнице, и культурное (*Астрахань*), за которым стоят представители власти. Тема воли и неволи, таким образом, оказывается тесно связанной с системой топонимов.

Следует сказать, что песни эпохи Разина свидетельствуют о прочной памяти исторического фольклора о волжском пространстве, которое рисуется географически правильно. В одном из вариантов песни «Сынок» движение ватаги определяется вниз по течению *Волги* от *Саратова*: *Саратов—Царицын—Астрахань*:

Мы *Саратов-городочек* поутру мы прогребем,
А *Царицын-городочек* ввечеру мы прогребем,
В *Астраханскую губернию* ко белу свету поспеем.

[ИП XVII, № 172, ст. 39–41]

Подобная формула может начинаться и от *Нижнего Новгорода*, опять-таки правильно обозначая порядок городов:

Как со вечера нам, братцы, к *Нижню Новгороду* плиты,
 Как со полной ночью *Казань-город* миновати,
 А ко белому свету *Острохань-город* побити.

[ИП XVII, № 306, ст. 16–18]

Очевидно, что формула движения мимо волжских городов, причем движения скрытного, наследована разинским циклом от песен Ермакова круга (сюжеты «Поход голытьбы под Казань», «Разбойный поход на Волгу») [ИП XIII–XVI, № 308–317, 318–327]; см. нашу статью: [Иванова 2020b]).

Казань и *Нижний Новгород*, упомянутые в песнях, подчеркнем, в разинском восстании играли стороннюю роль (см. карту территории восстания, данную выше). *Казань* была ставкой князя Ю. А. Долгорукого, стоявшего во главе правительственных войск. В военных столкновениях под Симбирском воевода князь Юрий Барятинский сначала уходит в *Казань*, где пополняет свое войско, и потом вновь направляется к Симбирску, где наносит Разину сокрушительное поражение. Сам *Нижний Новгород* находился вне территории повстанцев, но Нижегородские земли были охвачены восстанием (особенно Арзамас).

Однако, без сомнения, и *Казань*, и *Нижний Новгород* были в планах Разина. *Казань* в одном из вариантов песни «Разин и казачий круг» называется целью похода Разина: «Мы пойдемте-ко, ребята, на святую Русь. / Мы *Казань-то городок* возьмем с вечера» [ИП XVII, № 146, ст. 13–14]. *Казань* же наличествует в варианте № 310, где разинская тема трансформируется к имени какого-то «вора» Гаврюшки: «Чтоб к заутрене нам, ребята, / В *Казань-город* поспеть» [ИП XVII, № 310, ст. 22–23].

Из волжских городов разинские песни знают город *Черный Яр* (расположен между Царицыном и Астраханью): «Нам бы *Астрахань-город* ополноче бы пробежати, / *Черноярской городочек* — что на утренней на зоре» [ИП XVII, № 303, ст. 8–9; см. также: № 304, ст. 11–12; № 299, ст. 46–47; № 300, ст. 28].

Обратим внимание, что волжское пространство (как и донское) рисуется в разинских песнях избирательно. Фольклорная традиция, с одной стороны, вбирает в себя топонимы, не связанные с биографией Разина (*Казань*, *Нижний Новгород*), а с другой — опускает такой драматически значимый для него локус, как *Симбирск*, взять который он так и не смог и где был ранен.

Укажем на два природных локуса, отраженных в разинском песенном фольклоре. Рискнем предположить, что в одном из вариантов песни «Сынок» скрывается память об одном из островов дельты *Волги* — **Четыре Бугра**: «Я с *Волги-матушки реки, / Со большого со бугра, Стеньки Разина сынок*» [ИП XVII, № 205, ст. 24–25]. Этот остров явно находился в сфере деятельности Разина. В августе 1668 г. астраханский воевода дает наказ стрелцкому сотнику Ивану Логинову следовать на стругах до *Четырех Бугров*, чтобы расспросить служилых караульщиков о продвижении разинской ватаги [Крестьянская война, т. 1, № 89, с. 122 («Наказная память из Астраханской наказной палаты стрелцкому сотнику И. Логинову»)]. По рассказам оказалось, что Разин побывал на *Четырех Буграх*: «...воровские казаки Стенька Разин с товарищи с учюгов пошли на взморье и, быв на Четырех Буграх, пошли на море, а с моря хотят идти для воровства и для хлебных запасов на Волгу» [Крестьянская война, т. 1, № 106, с. 140 («Выпись в приказе Казанского дворца по отпискам городских воевод о действиях отрядов С. Разина на Волге и Каспийском море»)].

Своеобразное место в разинском цикле занимают **Змиевы горы** — белые меловые возвышенности, находящиеся на правом берегу Волге в районе между Балаково и Саратовом:

Уж вы горы ли,
Вы мои горы,
Вы крутые мои
Горы Сиёвы,
И *Сиёвы* вы горы,
Горы Змиёвы!

[ИП XVII, № 296, ст. 1–6;
см. также № 297, ст. 1–2]

Этот природный локус дан в начале двух вариантов песни «Разин под Астраханью», причем локус относится не к Разину, а к его противникам: они обращаются к *Змиевым горам*, прося их позволить переночевать, чтобы дожидаться Разина и убить (расстрелять) его. Далее в песне рисуется картина разинских стругов, плывущих по *Волге*, а сам атаман, намекая на свою неуязвимость, заявляет нападающим: «Ваши пушечки меня не возьмут (возьмут. — *Т. И.*)» [ИП XVII, № 296, ст. 36]. *Змиевы горы*, заметим, оказываются локусом, опасным для Разина.

Волжское пространство, таким образом, в разинском песенном фольклоре предстает в природных и культурных локусах. Оно рисуется в основном

в рамках реальной биографии Степана Разина, но порой выходит за ее пределы (*Казань, Нижний Новгород*).

* * *

Как показал анализ песен, фольклорная традиция в основном исторически верно отражает пространство, в котором разворачивалась крестьянская война под руководством Степана Разина. Пространство это, подчеркнем, дано в преломлении к биографии «воровского» атамана. Те локусы, где восставшие действовали без Степана Разина (Саранск, Пенза, Наровчат, Нижний Ломов, Макарьевский Желтоводский монастырь и др.), в историко-песенном фольклоре места не нашли. Однако и в связи с биографией атамана называются отнюдь не все важные в его жизни локусы. Так, в устной традиции не упоминаются ни его родная станица Зимовейская, ни Кагальницкий городок, который он сделал своей зимней ставкой на Дону, ни Симбирск, под которым потерпел поражение от правительственных войск.

Отметим, что топонимы, запечатленные в песнях, позволяют сделать вывод о том, что фольклорная традиция находилась в постоянном развитии и реагировала на изменения в системе географических имен (Черкасск → Старочеркасск; река Яик → река Урал; Верхне-Яицкий городок → Уральск; Нижне-Яицкий городок → Гурьев). Такого рода процессы также свидетельствуют о напряженности исторического сознания внутри устно-поэтической традиции.

С другой стороны, в построении исторического пространства разинских песен большую роль играет предшествующая фольклорная традиция. Разинские песни не только наследуют фольклорные формулы, родившиеся задолго до XVII в. (*тихий Дон, батюшка Дон Иванович, славный Черкасск, Яик Горыныч* и пр.), но и прочно связывают биографию «воровского» атамана с Азовом и Азовским морем, которые занимали важное место в сознании казаков. Очевидны также связи разинского фольклора с поэзией о Ермаке Тимофеевиче [Шептаев 1966].

Литература

- Акимова — *Акимова Т. М.* Сюжетный состав народных песен о Степане Разине // Вопросы славянской филологии: К V Международному съезду славистов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1963. С. 27–46.
- Догадин — *Былины и песни астраханских казаков / Собрал А. А. Догадин; под ред. Н. С. Кленовского.* Астрахань: Астраханск. казачье войско, 1911. Вып. 1. 112, [XVI] с.; Вып. 2. 96 с.

- Иванова 2020а — *Иванова Т. Г.* Трансформации былинного типического места «расспросы о роде-племени» в исторических песнях о Степане Разине // Русская литература. 2020. № 1. С. 5–20.
- Иванова 2020б — *Иванова Т. Г.* Два топоса в исторических песнях о Ермаке // Русская литература. 2020. № 4. С. 186–198.
- ИП XIII–XVI — Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 696 с.
- ИП XVII — Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л.: Наука, 1966. 377 с.
- Костомаров — *Костомаров Н. И.* Бунт Стеньки Разина. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1859. 237 с.
- Крестьянская война — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док.: [в 4 т.] / Сост. Е. А. Швецова. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 324 с.; 1957. Т. 2, ч. 1. 665 с.; 1959. Т. 2, ч. 2. 242 с.; 1962. Т. 3. 491 с.; М.: Наука, 1976. Т. 4. 280 с.
- Лозанова — *Лозанова А. Н.* К библиографии о Степане Разине: Устно-поэтическое творчество о Степане Разине, историко-литературное изучение его. Исторические материалы, исследования, статьи // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1927. Т. 6, вып. 3. С. 279–289.
- Лунин — *Лунин Б. В.* Степан Разин: Краткий исторический очерк. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1971. 126 с.
- Миллер — *Миллер В. Ф.* Казацкие эпические песни XVI–XVII вв. // Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. Т. 3. С. 305–315.
- Панченко 1973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
- Панченко 1984 — *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
- Панченко 2000 — *Панченко А. М.* О русской истории и русской культуре. СПб.: Азбука, 2000. 462 с.
- Пиксанов — *Пиксанов Н. К.* Социально-политические судьбы песен о Степане Разине // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. 1. С. 54–65.
- Путилов — *Путилов Б. Н.* Текстологические заметки к песням разинского цикла // Русская народная поэзия. Горький: [б. и.], 1961. С. 94–115 (Фольклористические записки Горьковского ун-та; Вып. 1).
- Сахаров — *Сахаров А. Н.* Степан Разин (хроника XVII века). М.: Молодая гвардия, 1973. 319 с. (Жизнь замечательных людей).
- Соколова 1953 — *Соколова В. К.* Песни и предания о крестьянских восстаниях Разина и Пугачева // Русские народное поэтическое творчество: Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 17–56 (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; Т. 20).
- Соколова 1960 — *Соколова В. К.* Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 330 с.
- Чистякова, Соловьев — *Чистякова Е. В., Соловьев В. М.* Степан Разин и его соратники. М.: Мысль, 1988. 221 с.

- Шептаев 1958 — *Шептаев Л. С.* Песня о «сынке» Степана Разина // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1958. Т. 170. Кафедра рус. лит. С. 253–274.
- Шептаев 1961 — *Шептаев Л. С.* Историко-бытовые черты в песнях разинского цикла // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 6. С. 287–304.
- Шептаев 1963 — *Шептаев Л. С.* Донские песни разинского цикла // Народная устная поэзия Дона: Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества (18–23 декабря 1961 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1963. С. 97–113.
- Шептаев 1966 — *Шептаев Л. С.* Песни разинского цикла и песни о Ермаке // Очерки по истории русской литературы. Л., 1966. С. 3–24 (Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена; Т. 309).
- Шептаев 1967 — *Шептаев Л. С.* Песенный разинский цикл и исторические песни XVIII века // Историко-литературный сборник: Статьи и сообщения. Л., 1967. С. 3–24 (Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена; Т. 321).
- Яковлев — *Яковлев М. А.* Народное песнотворчество об атамане Степане Разине: (Из исторических песен XVII века). Л.: П. П. Сойкин, 1924. 168 с.

References

- Akimova, T. M. (1963). 'Syuzhetnyi sostav narodnykh pesen o Stepane Razine', in: *Voprosy slavianskoi filologii. K 5 Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 27–46.
- Alekseeva, O. B., Dobrovolskii, B. M., Emel'yanov, L. I., Korguzalov, V. V., Lozanova, A. N., Putilov, B. N., Sheptayev, L. S., eds. (1966). *Istoricheskie pesni 17 veka*. Moscow; Leningrad: Nauka, 377 p.
- Chistyakova, E. V., Solov'ev, V. M. (1988). *Stepan Razin i ego soratniki*. Moscow: Mysl', 221 p.
- Dogadin, A. A., ed. (1911). *Byliny i pesni astrakhanskikh kazakov*. Astrakhan': Astrakhanskoe kazach'e voisko. Vol. 1, 112, [XVI] p.; Vol. 2. 96 p.
- Ivanova, T. G. (2020). 'Transformatsii bylinnogo tipicheskogo mesta "rassprosy o rode-plemeni" v istoricheskoi pesne o Stepane Razine', *Russkaya literatura*, 1, 5–20.
- Ivanova, T. G. (2020). 'Dva toposa v istoricheskikh pesnyakh o Ermake', *Russkaya literatura*. 4, 186–198.
- Kostomarov, N. I. (1859). *Bunt Sten'ki Razina*. Saint-Petersburg: D. E. Kozhanchikov, 237 p.
- Lozanova, A. N. (1927). 'K bibliografii o Stepane Razine. Ustno-poeticheskoe tvorchestvo o Stepane Razine, istoriko-literaturnye izuchenie ego. Istoricheskiye materialy, issledovaniya, stat'i', in: *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. G. Chernyshevskogo*. Vol. 6, 3, 279–289.
- Lunin, B. V. (1971). *Stepan Razin: Kratkiy istoricheskii ocherk*. Rostov na Donu: Knizhnoe izdatel'stvo, 126 p.
- Miller, V. F. (1924). 'Kazatskie epicheskie pesni 16–17 vekov', in: Miller, V. F. *Ocherki russkoi narodnoi slovesnosti*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. 3, 305–315.
- Panchenko, A. M. (1973). *Russkaya stikhotvornaya kul'tura 17 veka*. Leningrad: Nauka, 280 p.
- Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kull'tura v kanun Petrovskikh reform*. Leningrad: Nauka, 205 p.
- Panchenko, A. M. (2000). *O russkoi istorii i russkoi kul'ture*. Saint Petersburg: Azbuka, 462 p.

- Piksanov, N. K. (1926). 'Sotsial'no-politicheskie sud'by pesen o Stepane Razine', *Khudozhestvennyi fol'klor*, 1, 54–65.
- Putilov, B. N. (1961). 'Tekstologicheskie zametki k pesnyam razinskogo tsikla', in: *Russkaya narodnaya poeziya*. Gor'kii [s. n.], 94–115 (Fol'kloristicheskiye zapiski Gor'kovskogo universiteta; Vol. 1).
- Putilov, B. N., Dobrovolskii, B. M., eds. (1960). *Istoricheskie pesni 13–16 vekov*. Moscow; Leningrad: Nauka, 696 p.
- Sakharov, A. N. (1973). *Stepan Razin (khronika 17 veka)*. Moscow: Molodaya gvardiya, 319 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei).
- Sheptaev, L. S. (1958). 'Pesnya o "synke" Stepana Razina', in: *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A. I. Gertsena*. Vol. 170. Kafedra russkoi literatury, 253–274.
- Sheptaev, L. S. (1961). 'Istoriko-bytovye cherty v pesnyakh razinskogo tsikla', in: *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 6, 287–304.
- Sheptaev, L. S. (1963). 'Donskie pesni razinskogo tsikla', in: *Narodnaya ustnaya poeziya Dona: Materialy nauchnoi konferentsii po narodnomu tvorchestvu donskogo kazachestva* (18–23 dec. 1961). Rostov na Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 97–113.
- Sheptaev, L. S. (1966). 'Pesni razinskogo tsikla i pesni o Ermake', in: *Ocherki po istorii russkoi literatury*, 3–24 (Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A. I. Gertsena; Vol. 309).
- Sheptaev, L. S. (1967). 'Pesennyi razinskii tsikl i istoricheskie pesni 18 veka', in: *Istoriko-literaturnyi sbornik. Stat'i i soobshcheniya*, 3–24 (Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A. I. Gertsena; Vol. 321).
- Shvetsova E. A., ed. (1954–1976). *Krest'yanskaya voina pod predvoditel'stvom Stepana Razina: Sbornik dokumentov*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vols 1–4.
- Sokolova, V. K. (1953). 'Pesni i predaniya o krest'yanskikh vosstaniyakh Razina i Pugacheva', in: *Russkoe narodnoye poeticheskoye tvorchestvo. Materialy dlya izucheniya obshchestvenno-politicheskikh vozzrenii naroda*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 17–56 (Trudy Instituta etnografii imeni N. N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya; Vol. 20).
- Sokolova, V. K. (1960). *Russkie istoricheskie pesni 16–18 vekov*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 330 p.
- Yakovlev, M. A. (1924). *Narodnoe pesnotvorchestvo ob atamane Stepane Razine (Iz istoricheskikh pesen 17 veka)*. Leningrad: P. P. Soikin, 168 p.

М. Б. Плюханова

О ДЕЛЕ ОФОНЬКИ НАУМЕНКА И О КАЛАБРИЙСКОМ ПРОРОКЕ ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛЕ: ЛЮДИ ЭПОХИ БАРОККО

Резюме

Московское сыскное дело стрельца Офоньки Науменка 1642 г., обвиненного в намерении «испортить» царицу, не содержит определенных исторических сведений; как исторический источник оно полезно в основном для истории пыток. Под розыск попали сотни людей: стрельцы, пушкари, иноземцы и пр., — руководили бояре и царь. Дело передает атмосферу времени — жестокость, хаотичность, социальный динамизм, общее доверие к магии. Особую ценность представляет текст, найденный при обыске и приведенный в деле, — о калабрийском пророке, объявившем себя сыном Христовым, мессией, собравшем множество людей и намеревавшемся создать царство мира и справедливости. Эта легенда в нашей статье соотнесена с историей калабрийских восстаний 1599 и 1633 гг., с фигурой Томмазо Кампанеллы, вдохновителя волнений, принявшего роль пророка, с его планами создать идеальное общество и обновить мир ввиду приближающейся всеобщей гибели. Эсхатологическая мессианская легенда о калабрийском пророке-избавителе могла найти благодатную почву в московской среде конца 1630-х — 1640-х гг., отмеченной религиозными и социальными брожениями. Как инструмент, помогающий сопоставлять западноевропейские и русские явления XVII в., в статье используется понятие «эпоха барокко», разработанное историком Р. Виллари и в сходном ключе — А. М. Панченко.

Ключевые слова: XVII век в России и в Италии, социальные и религиозные движения XVII в., Томмазо Кампанелла, легенда об избавителе, эпоха барокко, эсхатология, миллениаризм, мессианство, магия

Maria B. Pliukhanova

THE CASE OF OFON'KA NAUMENOK AND THE CALABRIAN PROPHET TOMMASO CAMPANELLA: PEOPLE OF THE BAROQUE PERIOD

Abstract

In 1642, the *strelets* Ofonka Naumenok stood trial in Moscow for intending to “spoil” the tsarina. The proceedings of this trial do not contain specific historical information. As a historical source they are useful mainly in the context of the history of torture. Hundreds of people were involved in the criminal proceedings, which were directed by the boyars and the tsar. The account of the trial gives a good sense of the atmosphere of the time — cruelty, chaos, social dynamism, and a widespread belief in magic. Especially valuable is a text that was found during the investigation and included in the trial proceedings. The text was about a Calabrian prophet who proclaimed himself the son of Christ, the Messiah, who gathered numerous followers, and who intended to create a kingdom of peace and justice. This article connects the legend with the history of the Calabrian uprisings of 1599 and 1633, which were inspired by Tommaso Campanella. Campanella took on the role of a prophet with the intention to create an ideal society and to rejuvenate the world before its impending destruction. The eschatological, messianic, and salvational legend about the Calabrian prophet was bound to find rich resonance in Moscow, which was marked by religious and social unrest at the end of the 1630s and in the 1640s. In the juxtaposition of the seventeenth-century Western European and Russian phenomena, this study employs the concept of the “Baroque period” developed by the historian Rosario Villari and, in a similar way, by Aleksandr Panchenko.

Keywords: the 17th century in Russia and Italy, seventeenth-century social and religious movements, Tommaso Campanella, legends about salvation, Baroque period, eschatology, millenarism, magic

DOI 10.31860/2712-7591-2022-3-42-71

Сближение в одной статье имен московского стрельца Офоньки Науменка¹ (а также его товарищей, стрельца Гришки Казанца и его жены Катеринки) с фигурой калабрийского пророка и философа Томмазо Кампанеллы может показаться странным и даже экстравагантным, в барочном стиле, совмещением элемента простого и грубого с явлением высокой культуры.

¹ Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г. — 20 мая 1643 г. Дело опубликовано: [Московская деловая и бытовая письменность, с. 254–276]. В следственном деле орфография нерегулярная, имя и фамилия стрельца пишутся по-разному: Офонка или Офонька Науменок. Мы в данной статье, не стремясь к лингвистически точному воспроизведению текста, будем использовать вариант Офонька. При цитировании дела орфографию упрощаем, но не приводим к современным нормам.

И действительно, Кампанелла — автор множества богословских, философских сочинений и стихов, его трактаты, эсхатологические учения и проекты широко распространялись уже при жизни в рукописях и печатных изданиях².

А Офонька высказался только в одной форме — в следственных показаниях, в пыточных речах. Правда, показания эти составляют текст довольно протяженный, поскольку следствие по делу Офоньки длилось более года. Но, с другой стороны, и многие произведения Кампанеллы связаны с судебными процессами, написаны в заключении как объяснения и оправдания, часто между пытками, которым он подвергался много лет. Оба были простого происхождения; возможно даже, что великий калабриец — сын неграмотного сапожника — по рождению ниже московского стрельца Офоньки; оба они, однако, оказывались при дворах государей. И Кампанелла, и Науменок были допущены в высокие сферы для занятий магией, для волхвования. Магическая наука Кампанеллы восходила к учению Марсилио Фиччино [Walker] и опиралась на натурфилософское учение о взаимном сочувствии всех составов человека со всеми элементами природы и космоса, но вместе с тем он имел в виду и опыты традиционной калабрийской народной магии. Современный исследователь Дж. Бранкаччо, изучающий историю восстания 1599 г. и идеи Кампанеллы, считает, что на него вообще оказали значительное влияние калабрийская народная религиозность и народные суеверия³. Кампанелла магическими средствами старался оградить высоких особ от опасностей, которыми грозили затмения и неблагоприятные сочетания планет, использовал при этом травы, камни... Вряд ли ренессансная магическая астрология входила в поле зрения Офоньки, но народный компонент был общим. Коллекцию корней, лечебных трав, таинственных камней, раковин нашли у стрелецкой жены Катеринки, попавшей под розыск по наговору Офоньки. В коробе на ее дворе, где хранилась эта коллекция, обнаружили также и тексты, известия из Неаполя, в том числе рассказ о калабрийском пророке и его намерении создать новое общество.

Кампанелла и Науменок были причастны к каким-то большим планам. Оба обвинялись в государственных преступлениях, в покушении на жизнь властвующих особ. Кампанелла — организатор заговора-восстания в Калабрии в 1599 г. — объяснял судьям свою идею нового гармонического обще-

² Списки текстов Кампанеллы, библиографические описания изданий, описания рукописей, а также большое собрание оцифрованных текстов см. на сайте: Archivio Tommaso Campanella // Archivio dei filosofi del Rinascimento. URL: https://www.iliesi.cnrit/ATC/index_campanella.php (дата обращения: 10.07.2022).

³ Двоюродная сестра Томмазо была знахаркой, колдуньей, лечила людей и животных и предсказывала будущее [Firro, цит. по: Brancaccio, p. 11, 25].

ства и оправдывался с помощью философских, политических, социальных трактатов, в том числе трактата «Город Солнца», но всё это было в стороне от потребностей следствия. Офонька, обвиненный в намерении «испортить» царицу Евдокию Лукьяновну, признавался во многом, в том числе и в сношениях с дьяволом, но не прояснил для следствия вопрос о покушении на жизнь царицы. В том и другом случае высокие сановники, которые вели долгие розыски, подвергали подследственных длительным и ужасным пыткам. Кампанелла пробовал облегчить свою участь имитацией безумия. Или он действительно иногда терял разум? В обоих случаях розыск имел сходное развитие: дело шло к казни самой жестокой, но угроза отодвигалась, сходила на нет, намерения обвиняемых оставались непонятными и пугали...

И московский стрелец Науменок, и калабрийский философ принадлежали одной хаотической, жестокой, кровавой эпохе — времени Смуты, Тридцатилетней войны.

Итальянский историк Розарио Виллари предложил определить это время как эпоху барокко — определение довольно условное, скорее оперативное, нужное, чтобы выделить ряд черт, характеризующих в целом ментальность, институции, идеологии, социальные структуры определенного периода, не теряя при этом из виду значительный опыт, накопленный при изучении барокко как стиля искусства и литературы⁴.

Эпоха конца XVI — второй половины XVII в. характеризуется, с точки зрения Виллари, конфликтностью, странностью и новизной, оцениваемой не как позитивная, а вызывающей тревогу; этот период в Европе отмечен напряжением, нестабильностью, беспорядком, сильным ощущением опасности. Как реакция на это рождаются консервативные течения.

Век сам себя ощущает как железный, облик его — жестокость и безобразии пыток, растерзанные трупы казненных по краям дорог. Не прекращаются войны; заговоры, бунты, восстания, революции вспыхивают повсюду, всеми оцениваются как бедствия, не ведут к позитивным изменениям. Виллари отмечает хаотическую перемешанность социальных сил и интересов в бунтах и прочих движениях и противоречивость социально-политических установок: самое свирепое восстание, жестоко подавляемое властями, может провозглашать верность монархии и демонстрирует преданность монархическому мифу [Villari 1998, p. XII].

⁴ Сборник «Человек барокко» 1991 г. цитируем по переизданию: [Villari 1998]. Здесь используем разделы сборника, написанные самим Р. Виллари: *Introduzione* (p. VII–XV); *Il ribelle* (p. 107–137).

Наблюдения Виллари и собранного им коллектива авторов над эпохой барокко и человеком барокко имели своей исторической основой его же исследования антииспанского движения в Неаполитанском королевстве [Villari 1980]. Важное из начальных событий — заговор калабрийцев 1599 г. (главой его был признан молодой Кампанелла); кульминации — восстание населения в Неаполе против налогов и пошлин, введенных испанским вице-королем, в июле 1647 г. (его вождем считался рыбак Мазаньелло), и восстание в Мессине в 1674–1678 гг.

Для русских земель период, сопоставимый хронологически и по существу, начинается Смутой, проходит восстаниями и бунтами через весь век, включая такие важные и протяженные события, как борьба стрельцов и посадских людей Пскова в 1650 г. против налогов и пошлин, против Москвы и шведов, как консервативный протест сторонников старой веры, как война Степана Разина, и завершается к концу века стрелецкими восстаниями⁵.

В русских исследованиях к пониманию единства XVII века и человека XVII века в сходном ключе ближе всех подошел А. М. Панченко, он употреблял понятия «дух эпохи», «эпоха барокко» и «люди барокко», хотя предпочитал для России определение «бунташный век» [Панченко А. М. 1977]. Господствующими началами оказываются динамизм, противоречие, хаос. Культурные доминанты находятся во взаимном противостоянии. Панченко использовал выражение Декарта «соударение тел», чтобы описать общий принцип эпохи: мир осознается как «соударение» людей, находящихся в хаотическом движении. «Все группировки русской интеллигенции так или иначе (...) „соударяются“ с европейским барокко» [Панченко А. М. 1977, с. 101]. Научная и личная склонность А. М. Панченко к бунтовскому, «вне-системному» на фоне системы, «неизящному» на фоне стройного и культурного определяла его исследовательскую оптику. Он наблюдал, как сталкивались с культурными традициями и преломляли их дикие, демократические, бунтовские элементы. Он открывал поэтов в протопопе Аввакуме, в приказных, в справщике Савватии и стрельце-самозванце Тимофее Акиндинове. С большим удовольствием приводит он сердитую приписку неизвестного культурного читателя к стихам одного из своих героев — Евстратия: «Co widzisz, to brydzisz, moskalu, grubianine, chłopie, prostaku» [Панченко А. М. 1973, с. 30]⁶. А. М. Панченко находил освобождающую энергию в дурачестве и «бешенстве» юродствующих, в обценном «глумстве» скоморохов,

⁵ О стрелецком войске, об участии стрельцов в восстаниях, бунтах, движениях XVII века, а также и в подавлении их — глава 4 в книге: [Чернов, с. 106–132]. Новая работа о структуре стрелецкого войска и о восстаниях конца века: [Романов].

⁶ Рукопись с этой припиской была обнаружена О. А. Белобровой.

в грубом неуклюжем стиле Петра Первого, в объявлении им войны «словесному этикету», и не только словесному, разумеется [Панченко А. М. 2000, с. 337–354 (Юродивые на Руси), с. 355–368 (Скоморохи и «реформа веселья» Петра I)].

Итак, мы начнем рассмотрение некоторых документов московского следственного дела 1642–1643 гг., что позволит нам потом вернуться к фигуре Томмазо Кампанеллы: Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну, 18 марта 1642 г. — 20 мая 1643 г.⁷ Стрелец Офонька Науменок обвинялся в намерении «испортить» царицу ворожбой, в связях с темными силами. Положение стрельца по тем временам не соотносилось четко с определенным социальным статусом и культурным уровнем, возможности были довольно широкими. В деле поначалу считалось, что Науменок — золотых и серебряных дел мастер и делал для царицы золотую цепь, но он отговорился незнанием ремесла. Сам он представлялся во время розыска человеком незначительным, потеряннным, слабого здоровья и без всяких специальных знаний и способностей, из стрельцов вышел по болезни — черной немочи, поляка Рябицкого встретил в тюрьме, попав туда, как он говорил, по делу о табаке. Из тюрьмы был взят в дом к Стрешневу, царицыному двоюродному брату, дав ему за себя кабалу.

В деле трудно выявить разумное содержание, найти следы политической интриги. Покушаться на жизнь царицы Евдокии Лукьяновны в начале 1640-х гг. — намерение довольно бессмысленное. Эта цель, будь она достигнута, не могла иметь серьезных политических последствий. Плодовитая Евдокия к тому времени уже перестала рожать, жизни царя и царицы склонялись к закату — оба умерли в 1645 г., оставив царство шестнадцатилетнему сыну Алексею Михайловичу. С практической стороны идея о существовании заговора Офоньки на жизнь царицы могла питаться фактом пребывания его в доме Стрешнева, родственника царицы, из этого вытекала возможность доступа в ее покои. Может быть, к делу как-то примешивалась придворная вражда к царицыным родственникам Стрешневым, достигшим непомерного могущества. Но если цели повредить им и ставились, они провалились на первом же этапе следствия.

⁷ Дело, хранящееся ныне в РГАДА, было дважды опубликовано. Первый раз — в XIX в., с кратким предисловием, анализирующим дело [Зерцалов]. В относительно недавнее время этот материал был оценен как интересный памятник русского языка XVII в., и была осуществлена его научная публикация, но без комментария [Московская деловая и бытовая письменность, с. 254–276]. В. М. Живов рассмотрел использование форм инфинитива в «деле» [Живов, с. 810–811].

Формулировка дела — о намерении «испортить» царицу с помощью кореньев — в то время могла быть использована как абстрактная, подразумевающая некий неопределенный заговор против существующего порядка. В «Новом летописце», незадолго до того завершеном [Солодкин] и содержащем апологию рода Романовых, был помещен рассказ о клевете на Федора Никитича Романова с братьями, якобы инспирированной Борисом Годуновым и повлекшей за собой большие несчастья для всех братьев. Рассказ построен на двойном употреблении слова «корень» — царский корень и коренья, которыми хотят извести царский корень. В разделе «О Федоре Никитиче с братьею» рассказано, как царь Борис, изведя царский корень — убив царевича Дмитрия, захотел царских последних родственников (Романовых) извести: «...хотя и достальной корень царьской известь». «Раб» Александра Никитича — казначей его Бартенев — вместе с Семеном Годуновым подложил в казну Александра Никитича «мешки с кореньем» и пошел доносить на своего государя. Федора Никитича с братьями отдали приставам и заковали, и с людьми их и другими родственниками, пытали долго, потом разослали по городам и монастырям и многих там удавили [Новый летописец, с. 52–53].

Не можем знать, обобщали ли подобным образом идею «корня» бояре, которым было поручено дело Науменка; на поверхностный взгляд расследование занималось вопросами о происхождении и перемещениях кореньев, трав.

Протоколы розыска весьма обширны, но из них трудно извлечь исторические сведения. Офонька, подвергавшийся в течение многих месяцев жесточайшим пыткам, то возводил на себя обвинения: отречение от Христа, сношение с бесами Народилом и Сатанаилом и иными⁸, наведение порчи на людей, главное — намерение отравить царицу, — то отказывался от них, называл сообщников, потом отказывался от сказанного. При пытках столь ужасных и продолжительных правде и фактам не могло найтись места. Офонька то показывал, что всех и себя оговорил под пытками, «чтобы его скорее велел государь казнить» (с. 269), или, наоборот, объяснял свои показания тем, что боялся смерти (с. 269), то жаловался, что испортился и озяб, и просил отложить пытки. За восемь месяцев, по подсчетам издателя дела Зерцалова, Науменок получил 137 ударов кнутом и был «сожжен» огнем три раза.

⁸ Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка... [Московская деловая и бытовая письменность, с. 257]. Далее номера страниц по этому изданию указываются в тексте в круглых скобках.

Делом руководил царь, и вели его высшие люди государства: царь сперва поручил следствие князю и боярину Ивану Борисовичу Черкасскому, но тот оказался болен (он умер в апреле 1642 г.), и дело перешло в ведение князя и боярина Бориса Александровича Репнина и дьяка Гаврилы Левонтьева⁹ (с. 254–255). Участвовали и другие высокие лица. Хозяин Офоньки — Иван Федорович Стрешнев, двоюродный брат царицы, — был допрошен о положении Науменка в его доме, но сам под розыск не попал¹⁰, хотя Офонька на него и показывал. Позиции Стрешневых были так сильны, что с марта царь приказал ведать дело и Репнину по-прежнему, но еще и окольнику Василию Ивановичу Стрешневу (с. 262)¹¹.

Науменок вообще на ранней стадии допросов говорил, что указание уморить царицу хоть и дошло к нему через третьих лиц, но изначально исходило «с Верху добрых людей», однако тема вовлеченности важных лиц не получила развития в расспросных листах. Представители верхов исключались — во всяком случае, на уровне письменного делопроизводства, зато допрашивались их дворовые люди. В деле фигурировали, например, два дома Карповых: окольные Лев Иванович Долматов-Карпов и Федор Борисович Долматов-Карпов должны были лишь называть своих людей — дворовых и крестьян, и великое множество их допрашивались как разным образом причастные к делу, но о самих хозяевах нет речи¹² (с. 267).

Приговор выносили люди могущественные: боярин князь Дмитрий Матрюкович Черкасский, двое бояр Шереметьевых, Б. А. Репнин, окольные — князь Масальский, Федор Васильевич Волынский, Василий Иванович Стрешнев и другие. За намерение «испортить» царицу было решено Офоньке Науменку «обсечь» руки и ноги и потом сжечь, по возможности еще живым (с. 275–276). Царь же своим указом повелел отправить его в Сибирь, в Красноярск, на Тару, и держать там в тюрьме, ни по пути, ни на месте никого к нему не допускать и «говорити с ним не о чом давати не влети», и следить, чтобы он над собой ничего дурного не учинил, держать его

⁹ Боярин князь Иван Борисович Черкасский, двоюродный брат царя и крупнейший государственный деятель того царствования, фактический глава правительства, в те годы ведал военным Иноземским приказом. Борис Александрович Репнин, тоже крупный деятель, приближенный к царю, ведал Приказом золотого дела [Богоявленский, с. 70–71]. О Репнине и вообще о высшем «чиновном» боярстве этого периода см.: [Соловьев, с. 248–251].

¹⁰ Федор Степанович Стрешнев — отец Ивана и дядя царицы Евдокии — в то время ведал Приказом царицыной мастерской палаты [Богоявленский, с. 198].

¹¹ Должности всех Стрешневых см.: [Богоявленский, с. 290].

¹² Долматовы-Карповы и сами по себе были важными лицами в государстве, но к тому же, возможно, они находились в родстве с Дмитрием Герасимовичем Карповым, ведавшим в то самое время Сыскным приказом [Богоявленский, с. 246–247].

в большом бережении до государева указа (с. 276). Царь Михаил Федорович, очевидно, не был удовлетворен розыском и надеялся продолжить выяснение дела, но сам умер два года спустя.

Итак, подозревались ворожба, еретичество, заговор против властей. В центре оказался отставной стрелец Офонька — Афанасий Науменок.

Царь после первых расспросов указал «Офоньку Науменка пытаться, по какому он умышлению про государыню царицу и великую княгиню Евдокею Лукьяновну непригожее слово говорил. И не знает ли он какова ведовства и воровских заговоров». Далее добавлено и еретичество: «не знает ли он какова ведовства и еретичества» (с. 256). Обсуждались в основном ведовство, происхождение знаний, трав и кореньев и прочего, фигурировала «книга, которою призывают бесов» (с. 257). Речь заходила и о некоем корне, которого домогались «в Верху»: в корне худого нет, кто его получит — того люди будут любить (с. 260). Тема ведовства стала инструментом расследования, с ее помощью определялась среда, с которой хотели соотнести предполагаемый заговор. В дело постепенно было вовлечено множество людей: стрельцов, пушкарей, стрелецких и пушкарских жен, казаков, попов, иноземцев, горожан-ремесленников, крестьян, гулящих людей. Опрошены были чуть ли не все московские пушкари. Многие допрошенные или упомянутые были немосковские люди, из разных сторон; контакты между стрельцами, казаками были широкие, и они довольно активно перемещались по России. Военные и бунтовские опыты недавнего прошлого еще сохранялись в памяти, вернее сказать, беспокойное Смутное время оказывается не завершившимся, тянется, чтобы перейти в восстания рубежа 1640—1650-х гг. Офонька подговаривал стрельцов, которые караулили его, отпустить его на Дон и предлагал им бежать с ним вместе, обещая им на Дону атаманство, а иным — есаульство (с. 274).

В деле фигурирует как место беспокойное и поставляющее людей сомнительных Путивль, еще недавно бунтовской центр (с ним связаны восстание Болотникова и продвижение Лжедмитрия). От путивльских людей, согласно делу, шли магические знания (путивльский казак Васька учил знаться с бесами (с. 274)). В Путивле в прошлом (вероятно, во время войны с поляками) служили и сам Офонька, и его друг Гришка Казанец, который там хвастал, что пуля его не берет (с. 269—270). По другой версии Казанца, он в Путивле хотел защититься от пули с помощью «Сна Богородицы», но пуля его все равно взяла, «Сон» оказался бесполезен (с. 273).

Стрелец и сапожный мастер Григорий Казанец и его жена Катерина — важные персонажи дела. Возможно, они и в социальном, и в культурном

отношении были людьми не простыми. О Григории упомянуто, что он сын попа Софийской церкви. Офонька заявил после очередной серии пыток, что Гришка занимался наведением порчи, что корень для порчи царицы был им получен от Гришки, указал, где именно хранились корни в его дворе. Во время обыска там было обнаружено очень большое собрание корней, трав, камней (таких как громовая стрела и чертов палец), костей, раковин и некоторые тексты, представляющие здесь для нас особый интерес. Последовали допросы Гришки и его жены. Они проявили во время следствия исключительную собранность, присутствие духа и чуда изворотливости. Первоначальное обвинение, предполагавшее пытки с последующей казнью, было ими отведено. Впрочем, нельзя исключить и какого-то высокого покровительства. Напрашивающиеся обвинения в ведовстве Григорий и Катерина отвели, объяснив происхождение каждого объекта — случайное, принесенное издалека, полученное от неизвестного; цель хранения — для личных лечебных конкретных нужд или просто так. Катерина проявила премудрость и медицинские познания, объясняя значение и происхождение множества объектов, включенных в роспись по обыску: «Трава божья, а скуривают де тою травою квашню, а привез муж ее Гришка тое траву с Волуики. 2 раковины сказала Катеринка привез муж ее Гришка из Асторохани. 3 щипка цвету сказала, привез муж ее ис Путивля. 2 раковины пияфочных сказала привез муж ее от города. Трава кореня сказала привез муж ее от города, а едят от сердешные болезни. Камен сказала привез муж ее от города а сказал громовая стрела. Семя сказала горчица. 2 раковины Катерина сказала привез муж ее от города. Трава сказала конская а привез к ней мужик поморец а имени ему не ведает. Сенной скип сказала привез муж ее с Волуики а дают пить от поносу и у ково выйдет задней проход. Трава божья сказала привез муж ее из Асторохани для духу. Семя сказала из шипов что привез муж ее из Путивля...» и т. д. (с. 270–271).

Гришка и Катеринка отводили подозрения настолько подробно и убедительно, что даже современный историк верит, будто ими руководили любовь к диковинам и чистое любопытство и что ниже рассматриваемое письмо из Неаполя было для них очередной диковиной¹³.

¹³ «Естественноисторическая» коллекция московского стрельца и его супруги выдает в них «людей Нового времени» — интересующихся всем необычным, выходящим за рамки повседневного быта, склонных к собиранию редкостей, которые не приносили никакой практической пользы. Вестовое письмо с известием о пророке из Разрядного приказа стало для них очередной диковиной» [Шамин 2020а, с. 429–230; 2020b, с. 82]. Таким образом, уважаемый коллега демонстрирует доверие к расспросным речам как историческому источнику.

В деле помещаются особые документы, тексты, найденные во время обыска в доме Гришки Казанца и Катеринки: «вынято с тем же корнем письмо» (с. 271), — рассказ о Римском цесаре, письмо из Неаполя с рассказом о восстании в Калабрии и следующий за ним в деле текст — «Сон Пресвятой Богородицы»¹⁴. По ходу допросов делались попытки прояснить происхождение этих документов, так что о них есть там и некоторые дополнительные сведения, впрочем не обязательно достоверные, учитывая специфику пыточных речей или близких к ним по степени достоверности показаний, сделанных под угрозой пыток.

⟨Рассказ о Римском цесаре⟩

«Дума розная есть как римской цысарь в праздник с бояры и з думными со многими людми и над ним носят покров над головою четыре человека и тогда как он ходил над ним вверху показывался орел и как цысарь пришел на свой двор и тот покров с него сняли и тот орел сверху упал на землю мертв всяких чинов многие люди видели и они в сумнение, что от того проявления будет».

⟨Рассказ о калабрийском пророке⟩

«Из города из Наполи пишет, что в великой Калабрее новой пророк являлся и сказывался что Мисеев сын а по руски Христов сын Калабрейская земля ему дались все и пошел на великие горы со многими тысящами и с полным воинским оружием и о том де стала в Калабрийском королевстве великая страсть».

⟨Следует сразу за рассказом о калабрийском пророке⟩

«Галанской немчин Вилим Фандоблок сказал: объявился де в Калабрейской земли пророк новой а сказался что он будто с небес сын Христов, я де миротворец землю де вашу всею обороню и иные страны и земли поемлю и простые де люди ему преклоняютца и он де им говорит что он их ото всего избавит и станете де на сем свете царствовать и жить беспощлинно и без дани и ни от кого де вам обиды не будет а та де Калабрейская земля на границе меж шпанской и турской земли» (с. 271).

¹⁴ «Сон Пресвятой Богородицы» в версии из дела Науменка — наиболее раннее письменное свидетельство существования этого произведения в русской традиции. «Сон Богородицы» происходит из Италии, где засвидетельствован в рукописях XIV–XV вв. и имеет сложную историю распространения [Плюханова 2021a; 2021b]. Текст из дела Науменка требует особенного внимания, анализу его посвятим отдельную работу.

Рассказы о Римском цесаре и о калабрийском пророке не раз оставали на себе внимание исследователей, занимающихся «Вестями-Курантами», вопросами перенесения и распространения в России XVII в. иностранных известий. В предисловии к первому тому издания «Вестей-Курантов» эти документы отмечены как специфический случай обнаружения листов с вестями в среде «простых людей», при том что подобные вести обычно «предназначались для сравнительно узкого круга лиц — приближенных царя» [Вести-Куранты. 1600—1639, с. 9]. Авторы предисловия к «Вестям-Курантам» позволяют нам таким образом отнестись со вниманием к текстам, хранившимся у стрелецкой жены Катерины как особым по характеру распространения.

Гришка Дмитриев сын Казанец в своей версии происхождения документов уверял, что они попали к нему как случайный обрывок бумаги: «А што де у него вынято письмо а написано в нем появился **месия** (выделено нами. — М. П.), то де письмо дал ему розрядной подячей Федор Семенов с ыным письмом на заряды и он де Гришка прочети то письмо подивился» (с. 273).

Семенов подтвердил, что дал ему то письмо «в драной бумаге а писаны де те вести в отписке из Пскова, а та де отписка в Разряде и ныне есть» (с. 273). Версия передачи драной бумаги плохо согласуется с содержанием письма — о появлении мессии, в важности которого и Семенов, и Казанец отдают себе отчет. Если в тексте письма пророк назван «**Мисеев сын** а по руски **Христов сын**», то сам Гришка прямо называет его **месия**.

Катерина была осторожнее: «А против писма стрелецкая Гришкина жена Катеринка сказала ходил де муж ее к соловецким чудотворцом молитца и сшелся де на дороге неведомо с каким человеком и тот де человек то письмо дал мужу ее а велел на Москве отдат а кому отдат того она не ведает и муж де ее то письмо покинул у себя в коробке» (с. 271).

Документы из сундука Катерины имеют много общего с вестовыми письмами. Сама форма «Из города из Наполи пишет», объем известия — обычны для вестовых писем того времени; а странная для русских вестей форма названия города — Наполи — близка к итальянскому написанию. В числе вестей можно встретить похожие подробности о цесаре, например: «Перевод вестового письма о событиях в Риме и др. присланного из Стокгольма М. Бекманом. 1630—1631» [Вести-Куранты. 1600—1639, с. 219 и далее]:

«А на Троицен день цисарь своими детьми поехал к доминиканову чину обложити церков, и тут цисарь сам на оклад первой камень положил своею

рукою, и божию службу отслушал и опять к себе на двор поехал» [Вести-Куранты. 1600–1639, с. 223].

Появляются и описания знамений¹⁵, например, из вестового печатного листа, присланного из Стокгольма М. Бекманом в 1631 г., — «Вести из города Брунзвика» — знамение над городом в связи со столкновением цесарского воеводы Тилля с войском швейского короля: 11 июля радуга, а на ней белый крест с мечом, а 12 июля «подле городской церкви с неба упало огненное ядро с огненным хвостом а куды то девалось того неведомо прошло субботи королевское величество швейское на Тилевы таборы ударился и его погнало что он от неволи в город Магденбурх ушел да к королю же швейскому шесть региментов новых людей пришло и чаети что вскоре нечто новое учинитца а меж Тиллевыми людьми такой великой страх что они не ведают куды детьца» [Вести-Куранты. 1600–1639, с. 225].

Вести-Куранты здесь описывают события Тридцатилетней войны: речь идет о летних сражениях незадолго до решающей победы шведов над имперскими войсками. Небесные знамения предвещают несчастье, которое вот-вот наступит: вскоре, 17 сентября 1631 г., граф фон Тилли, фельдмаршал цесаря Густава II Адольфа, императора Священной Римской империи, потерпит поражение от войск короля Швеции у Брейтенфельда.

Достаточно часто появляются вести из Италии, касающиеся Неаполитанского королевства, например:

«Вести из Риму июля 5 де.

В неделю князь Сулмона от короля шпанского папе римскому перед церквью Святого Петра переводных грамоток на две тысячи золотых дал за то что ему доведетца погодной дани имати с королевства Неополитанского» [Вести-Куранты. 1600–1639, с. 136].

Тексты из собрания Катерины при всем сходстве с известиями вестовых писем обладают рядом специфических черт: они изолированы, выведены из исторического контекста. Предсказания и знамения в вестовых письмах обычно встроены в ряд исторических событий и имеют статус таковых. Здесь же, в текстах из сундука Катерины, эти известия приобретают характер тревожный и стимулирующий.

Крупнейший специалист по «Вестям-Курантам» и истории проникновения в Россию иностранных известий Д. К. Уо в устном обсуждении доклада, предшествовавшего нашей статье, счел возможным ассоциировать рассказ о калабрийском пророке со сказанием о двух старцах, известным в XVII в.;

¹⁵ См. о знамениях в иностранных известиях: [Шамин 2020b, с. 55–79 (Гл. 2. Небесные знаки)].

изучение его начал А. И. Соболевский, описавший четыре списка, и продолжил С. М. Шамин, добавивший ряд других версий, проникавших в Россию в разное время¹⁶. Известие, короткое, условно называемое сказанием о двух старцах, в основном распространявшееся во второй половине XVII в., но в ранней версии проникшее в Россию в 1620-е гг., имеет эсхатологический характер. Это элементарный, свернутый вариант эсхатологического сюжета, существующий на фоне обширной развитой эсхатологической словесности XVII в. Сообщается о появлении двух пророков-старцев, чаще в Палермо, но может быть указание на Неаполь, Мальту и пр.; старцы необычного, странного, святого поведения предсказывают наступление последних бедствий. Известие иногда расширяется, добавляя некоторые детали в описание судьбы старцев или в эсхатологическую картину, но главный интерес его не в подробностях, а в указании даты конца света, варьирующейся от одной версии к другой, но всегда представляющейся близкой. С интересующим нас здесь рассказом о калабрийском пророке легенду о старцах сближают пророческая модальность, упоминание Италии и эсхатологическая направленность. Не исключено, что ранняя версия легенды о двух старцах, пришедшая в Россию в 1620-е гг., как-то связана с эсхатологической ситуацией в Неаполитанском королевстве, с ранними пророчествами Кампанеллы о конце света, о близости которого он заключал на основании явления звезды в Кассиопее и по другим знамениям, хотя Кампанелла не называл год конца света и не интересовался этим. Традиция пророчеств о близком конце с указанием года восходит к Иоахиму Флорскому и интенсифицируется в эпоху контрреформации; в России XVII в. она постоянно воспроизводится, на что указывает среди прочего сам факт всё новых поступлений сказания о двух старцах в обновленных версиях.

Речь в калабрийской истории идет о восстании народа, возглавляемого сыном мессии или мессией, а не о конце света, как в сказании о двух старцах.

В Письме из Неаполя сведения о появлении пророка и калабрийских событиях предстают почти как исторические, но в рассказе голландского «немчина» Вилима Фандоблока миссия пророка расширяется, обнимая все земли, время становится эсхатологическим¹⁷. Реплика Фандоблока передает сведения о калабрийском восстании, которыми, судя по тексту, он лично располагал, во всяком случае, он ссылается на самого руководителя восстания:

¹⁶ [Соболевский, с. 239–240; Шамин 2020b, с. 90–130 (Гл. 4. Сказание о двух старцах)].

¹⁷ Из дела Науменка не ясно, как соотносились формально письмо из Неаполя и версия голландского «немчина». С. М. Шамин считает, что Фандоблок был вызван и допрошен и его версия — это дополняющие показания в деле, что он просто уточняет известия из какого-то летучего листка.

«Галанский немчин Вилим Фандоблок сказал: объявился де в Калабрийской земле пророк...» Рассказ Фандоблока яснее артикулирован, чем предыдущая версия, определеннее обозначены претензии пророка: «объявился что он, будто с небес сын Христов»; цитируются основные положения программы: «я де миротворец», «землю вашу обороню», пророк намеревается овладеть и другими землями; центральное конкретное обещание — отменить пошлины и дани; в целом — защитить от обид и избавить «от всего»: «Простые де люди ему преклоняются и он де им говорит, что он их ото всего избавит, и станете де на сем свете царствовать».

С помощью Вилима Фандоблока известие о заговоре в Калабрии — «великой страсти» — превращается в легенду об избавителе — знаменитый жанр «бунташного» или «барочного» века, такими легендами вдохновлялись и питались движения и бунты.

К. В. Чистов, автор классического исследования русской избавительской легенды [Чистов 1967], описывает период Смуты и последующий как время, когда легенды об избавителе жили и действовали, проявляясь и в отсутствие реального кандидата на эту роль. К. В. Чистов, говоря об особом статусе избавительской легенды в культуре, ссылаясь на слова А. Н. Веселовского, что в этом случае мы имеем дело не только «с народно-поэтическим, но и народно-политическим верованием» [Чистов 1986, с. 215]. В работе «Легенда об избавителе и проблема повторяемости фольклорных сюжетов» К. В. Чистов представил обзор актуальных к тому времени западных исследований европейской легенды об избавителе. Из обзора видно, что более привычному для русской традиции определению «избавительская легенда» соответствует западное понятие милленаристской легенды. Русская исследовательская традиция, начатая А. Н. Веселовским, помещает в центр внимания как базовый текст «Откровение Мефодия Патарского» с его легендой о возвращающемся императоре. Западные исследования больше концентрируются на протяженной во времени традиции милленаристских учений, восходящих к Иоахиму Флорскому.

Уже после обзора, сделанного К. В. Чистовым, появилось фундаментальное, теоретического плана исследование Б. Топфера, систематизирующее избавительские легенды [Törfer]. Топфер выделяет два типа эсхатологических учений. Один — консервативное, опирающееся на пророчества типа «Откровения Мефодия Патарского» учение об обстоятельствах завершения мировой истории, о последнем императоре. Второй тип — определим его как революционный — предусматривает преобразование, радикальные изменения общества, очищение Церкви, власти как необходимые при приближении последних времен. Здесь Топфер использует понятие «милленаризм»,

то есть учение о временном преодолении змия-дьявола и утверждении тысячелетнего царства Христова, царства святых в период перед Страшным судом, развивающее пророчество Апокалипсиса в главе XX. Милленаристские движения не обязательно масштабны, преобразованная жизнь может быть достоянием общины, монашеского ордена; небольшая группа, секта может выбрать особый путь преобразования веры и жизни ввиду близкого конца света, наступления антихриста. Подобные учения, и особенно действия, направленные на их реализацию, вызывали, как правило, неприятие со стороны ученых-клириков, приверженных доктрине Блаженного Августина, согласно которой тысячелетнее царство, провозвещенное Апокалипсисом, началось Христом, выражает себя в Церкви и длится вместе с ней [Töpfer, p. 92–93].

Голландский «немчин» предложил версию калабрийской истории не в качестве более привычной для русской традиции избавительской легенды о последнем царе, который вступает в битву с темными силами и возвращает власть Богу, а в милленаристском, скорее западном, понимании: является пророк, сын Христа, ведущий людей к всеобщему царству мира и справедливости.

Братья Виллим и Альберт фан до Блок — торговые люди, известные издателям «Вестей-Курантов» в качестве участников в передаче иностранных известий¹⁸. Братья действовали в 1640-е гг. между Псковом и прибалтийскими городами. Предположительно, они были в родстве с семьей van den Block или van den Blooske. Ван ден Блоки были меннонитами и, спасаясь от религиозных гонений, к концу XVI в. переместились из Голландии в прибалтийский регион. Глава семьи Willem van den Block был скульптором и архитектором, работал в Польше и Кенигсберге¹⁹. Он и двое его сыновей умерли в 1627 г. Прибалтийские коммерсанты Виллим и Альберт могли быть его родственниками и, вероятно, оставались меннонитами. Меннониты — движение, начавшееся в Голландии во второй половине XVI в., связанное с анабаптистами, милленаристского характера; особенность его — радикальный пацифизм, отказ от применения оружия. В Польше они строили идеальный мир в своей замкнутой среде, к рассматриваемому периоду времени они пе-

¹⁸ «Альберт фан до Блок, немчин из Риги, в Псков к нему везет два немецких вестовых листа от рижского немчина его наемный малый Митька Григорьев». В 1645 г. Вилима фан до Блока упоминает как хозяина корреспондент фон Стаден, передавая А. Л. Ордину-Нащокину известия голландского печатного листа [Вести-Куранты. 1645–1646, 1648, с. 5, 115]. В источниках написание фамилии неустойчиво: Фандоблок, фан до Блок, фан да Блок и другие варианты. Не было единого написания и в западных источниках того времени.

¹⁹ О нем см. диссертацию: [Skibiński].

рестали быть радикальной группой, распространились в Прибалтике, растворяясь в местном населении, и часто посвящали себя коммерции²⁰.

Признак принадлежности к меннонитам есть в рассказе Вилима Фандо-блока-младшего о калабрийском пророке. В этой версии пророку приписана цель миротворства, что противоречит самому известию о калабрийском вооруженном восстании, но совершенно соответствует учению меннонитов, миротворцев, не бравших в руки оружия.

Связь с фан да Блоками прослеживается у круга лиц, причастных к составлению псковского сборника 1640-х гг., называемого по месту хранения Копенгагенским. А. Г. Бобров, исследовавший и описавший сборник, считает его основным составителем и переписчиком стрельца Демитьку Воинова, которого он идентифицирует со стрельцом Демидкой Воиновым, входившим в число руководителей Псковского восстания 1650 г. В результате этого отождествления исследователь считает возможным видеть в сборнике «отражение круга чтения и интересов одного из руководителей Псковского восстания 1650 г. как раз накануне его начала» [Бобров, с. 473]²¹. Сборник, помимо ряда древнерусских текстов, содержит некоторые иностранные известия и описания знаменей. Иностранные вести имеют то сходство с материалами, попавшими к Катеринке, что им не обнаруживается соответствия в документации «Вестей-Курантов»: это в обоих случаях информация из европейских стран, особым образом направленная²². Знамена, представленные в Копенгагенском сборнике, так же как и в материалах Катеринки, носят открытый характер — это знаки чего-то, чему предстоит случиться: великое знамение на солнце, оно переменялось красным и черным, от солнца падали кровавые ядра. «А что будет, то Бог весть» [Бобров, с. 470].

Подобно этому, в материалах Катеринки есть текст — описание знамени, которое тревожит, повергает в задумчивость, но не внесено ни в какой исторический контекст, открыто к актуальному будущему: «Дума разная есть...» Появление в одном сюжете Римского цесаря и орла не может не быть символичным. Орел летит сверху, цесарь покрыт покровом, защищен. «И как цысарь пришел на свой двор, тот покров с него сняли и орел упал на землю мертв. Всяких чинов люди видели и они в сумненье, что от того проявления будет».

²⁰ О меннонитах см. новый обзор: [Горбенко].

²¹ Об этих же известиях, опираясь на работу А. Г. Боброва, пишет С. М. Шамин, включая их в последовательность иностранных известий о небесных знаках, попавших в Россию XVII в. [Шамин 2020b, с. 56–57].

²² А. Г. Бобров высказывает предположение, что в иностранных известиях Копенгагенского сборника можно подозревать попытку иностранного влияния на ситуацию в Пскове.

Опираясь на «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году», можем прояснить значение этого знамения. При основании Царьграда цесарь с вельможами видят орла и змия. Орел находится в небе, из норы выползает змий, орел слетает вниз, змий оплетается вокруг него, орел вновь взлетает, исчезает «из очию на долг час, и паки явися низлетающъ и паде со змием». Погибают и змий, и орел. Книжники и мудрецы, призванные цесарем, толкуют знамение как предвещание, что христианство — орел одолеет бесерманство — змея, но цесарь смущен: «о сем возмутися зело» [Повесть о взятии Царьграда, с. 28]. В Повести знамение помещено в начале, а далее следует история гибели императорской столицы и последнего императора. Орел — символ имперской христианской власти, падение его с неба и гибель — плохое предзнаменование для империи.

Таким образом, перед нами два документа: один — о колебании имперской власти: знаки падения власти цесаря; другой, милленаристский, — о восстании народа, ведомого новым мессией-избавителем с целью создания универсального царства справедливости, мира. В совокупности эти документы передают атмосферу беспокойства, свойственного эпохе, но вряд ли собственно московскую, русскую, во всяком случае, хоть и перенесенную в Московскую землю, но еще не ставшую здесь своей. Замешанность в этом деле голландцев — в лице Вилима Фандоблока — очевидна. Примем во внимание и широкую вовлеченность в дело Науменка пушкарей. Отец Гришки Казанца — поп Софийской церкви при Пушечном дворе. Голландцы в тот период присутствовали в России по делам металлургических заводов, производства пушек, вместе с тем занимались дипломатическими делами, преимущественно голландцы переносили вестовые письма, иностранные известия. Фандоблоки, корреспонденты «Вестей-Курантов», имели отношение к Петру Марселису, дипломату между Данией и Россией, политическому деятелю, промышленнику. Марселисы — голландско-немецкая семья — занимались в России металлургическими заводами, сотрудничали с Андреем Д. Виниусом²³. Таким образом, грамотные московские стрельцы и пушкари, Катерина Андреевна — невестка священника церкви у Пушечного двора — не отделены от голландцев, взаимодействуют с ними, образуя общую, социально и культурно смешанную среду высокого динамизма, культурные возможности которой от нас скрыты.

²³ А. Г. Бобров выявляет известия о контактах фан дер Блоков с Петром Марселисом, см.: [Бобров, с. 467–469]. О деятельности А. Д. Виниуса в сотрудничестве с Петром Марселисом см.: [Лисейцев, Шамин].

Легенда о калабрийском пророке — текст, на первый взгляд, нелепый, в действительности содержательный, в нем можно выявить задачи, которые ставил перед собой Томмазо Кампанелла, когда в 1599 г. попытался организовать в Калабрии восстание против испанского владычества с целью создания идеальной республики и обновления мира. Опираясь на эсхатологические учения, на данные астрономии, астрологии, на натурфилософские теории, молодой Кампанелла пришел к заключению, что человечество в начале XVII в. ожидают потрясения и перемены, ведущие к концу света. Решающей угрозой он считал приближение Солнца к Земле и последующее перегревание планеты, подготовляющее ее гибель²⁴.

Калабрийский заговор стоил Кампанелле 27 лет заключения в тюрьме. Розыск с пытками вели представители испанской короны, обвиняя его в заговоре с целью покушения на власть и жизнь испанского вице-короля; церковное инквизиционное расследование вело дело по обвинению в ереси. Заговор 1599 г. был предан, не успев осуществиться, несколько человек были сразу казнены; в расследовании, вовлекшем многих подозреваемых разных социальных слоев, даже из калабрийской знати, речь шла не о реальных действиях, а о неопределенных намерениях. Материалы допросов плохо сохранились, но, поскольку многие подследственные показывали на Кампанеллу как ответственного за заговор, а также в связи с тем, что сам он оставил множество текстов, интерпретирующих цели заговора и свою роль в нем, его фигура выдвинулась на первый план и в процессе следствия, и в дальнейшем в истории. Само следствие в некоторых чертах походило на дело Науменка — бесконечные пытки, оговоры, смутные намерения, которых, может быть, и не было... На одном из поздних этапов Кампанелла избрал стратегию полного отрицания самого факта заговора и объявил заговор выдумкой испанского правительства²⁵. Некоторые историки поддерживают эту версию, исходя из того, в частности, что свидетельства о существовании заговора были исторгнуты пытками. Историк Л. Перини разработывал гипотезу о влиянии на Кампанеллу движения анабаптистов в их пацифистском ответвлении и, соответственно, утверждал, что участие его в вооруженном заговоре 1599 г. было невозможно²⁶.

В тюрьме Кампанелла создал свои основные труды, стремясь оправдаться и защитить себя, но вместе с тем и прежде всего выполнить свою

²⁴ Текст времени восстания, не сохранившийся: «Segnali della morte del mondo per fuoco» («Предзнаменования гибели мира от огня»).

²⁵ «Narrazione della Istoria sopra cui fu appoggiata la favola della ribellione» («Повествование об истории, на которую опирается сказка о бунте») — об этом см.: [Brancaccio, p. 198].

²⁶ Ссылку на идеи и труды Перини см.: [Brancaccio, p. 198].

миссию пророка: перечислял предзнаменования великих потрясений, ссылался на книги Иоахима Флорского, Писание и творения отцов Церкви, астрологию и пр., призывал создать на земле царство высшей чистой веры, мира и справедливости как этап в приближении человечества к Страшному суду.

Само восстание 1599 г. как событие не получало устойчивой формы описания в документации расследования, в пыточных речах: оно то укреплялось в значении и возрастало, то преуменьшалось и совсем пропадало, — но, отталкиваясь от него, Кампанелла за годы тюрьмы создал грандиозную эсхатологическую картину — пророчество-откровение, учение о великом преображении — революции, имеющей свершиться и свершающейся в текущем времени перед наступлением последних времен.

Наиболее важный обобщающий труд Кампанеллы этого периода — «16 артикулов с пророчествами, для оправдания своего, согласно всем наукам Божественным и натуральным природным, о событиях, предшествующих наступлению конца света, проявившихся после лета Господня 1600, о коих автор проповедовал в 1599 году»²⁷.

Труд Кампанеллы — это не трактат с последовательным развитием философских идей (жанр вполне ему доступный), в данном случае он выбирает форму компендиума из цитат и отсылок. Бесчисленные ссылки на Писание и церковные авторитеты нужны ему среди прочего и для того, чтобы защищать свои взгляды и действия перед властями, и как гарантия истинности его идей²⁸. В «Артикулах» представлено учение о временах истории, о формах пребывания в мире антихриста, о значении и роли пророков, каковым он мыслит и себя, об обновлении мира перед концом — о всемирном царстве добра, чистой единой веры. Он исходит из Апокалипсиса, следует толкованиям на него Иоахима Флорского. Это историософия, опирающаяся на идею параллельного и вместе с тем линейного развития от Ветхого Завета, через

²⁷ Сочинение составлялось в период после основной серии пыток 1602 г. и до 1607 г. Авторское название: *Articuli prophetales XVI apologiae suae inserti secundum omnes scientias divinas ac naturales, de eventibus praecedentibus instantem mundi finem, manifestandis post annum Christi 1600, prout auctor praedicavit in anno 1599*. Здесь пользуемся научным изданием Германы Эрнст [Campanella].

²⁸ По особенностям композиции, характеру аргументов, по общей эсхатологической направленности это произведение несколько напоминает «Книгу» Спиридона Потемкина, хотя у Потемкина, разумеется, нет астрологического компонента, сильно присутствующего в «Артикулах». Сопоставление «Артикулов» Кампанеллы с «Книгой» Потемкина могло бы дать результаты, полезные для понимания путей развития европейской эсхатологической мысли в XVII в. К сожалению, труд Кампанеллы не переведен с латыни, и поэтому подробный анализ нам недоступен.

Новый Завет, представляющий высшие, центральные идеальные события, к Третьему времени; или развитие видится идущим через семь времен — семь печатей Апокалипсиса, семь чаш-фиалов, семь дней творения, семь эпох Синагоги и семь Церквей, по Иоахиму Флорскому. Это параллельное развитие времен с повторяющимися пришествиями множественных антихристов или предтеч антихриста. В исторических книгах Ветхого Завета Кампанелла указывает фигуры предтеч антихриста. Например, Антиох, разоривший Иерусалим и воздвигший идолов в храме. Маккавеи, поднявшие восстание против него, — первые пророки пришествия Христова [Campanella, p. 33–34]. Лютера Кампанелла представляет как фигуру, повторяющую по эсхатологической роли Антиоха, явившуюся, когда опрокинулась на землю 5-я чаша, по Апокалипсису. К Лютеру Кампанелла присоединяет и других его соратников, определяя их как ересиархов, отстраняясь от всех (в частности, например, от анабаптистов), уклонявшихся с путей Римской церкви, отводя с помощью этих деталей возводившиеся на него обвинения в еретических наклонностях.

Проповедуя обновление мира перед наступлением конца его, Кампанелла опирается на Новый Завет, на XX главу Апокалипсиса, восходит к истокам миллениаристского учения у ветхозаветных пророков (у пророка Исайи и других), исходит из учения Иоахима Флорского о 7-м времени Церкви, присоединяет к ним учения о золотом веке, свое собственное учение о Городе Солнца [Campanella, p. 80]. Обновление мира тоже неоднократно, оно градуально, множественно и рукотворно. Кампанелла учит революции, радикальному преобразованию, потрясению, используя это слово. Наступающие новые революционные времена объявляют о себе особыми сочетаниями звезд и планет, вернее, революция в звездах и планетах соответствует революции в истории.

Среди прочего сочетание планет и небесных светил 24 декабря 1603 г. указывает на революцию нового рождения — прихода мессии, поскольку оно соответствует тому, что было при Рождестве Христове. И никогда после этого и до наступившего момента не соединялось столь великое преобразующее мир собрание (сочетание планет и светил) — как говорит Кампанелла, великий синод в его революции²⁹.

Мессия — в центре нового универсума, по Кампанелле, он рождается или приходит в начале XVII в. Акцентирование фигуры мессии как почти уже

²⁹ Haec figura est ipsamet revolutio nativitatis Messiae, quoniam ipse Solem habuit in 2 Capricorni, et numquam post eius ortum occurrit synodus magna in eius revolutione, ut nunc punctim Articuli prophetales [Campanella, p. 285].

актуальной, исторической, воплощенной, мало свойственно культурным эсхатологическим учениям милленаристской направленности. Иоахим Флорский, учению которого следовал Кампанелла, видел мир близким к завершению времен, на границе нового миллениума, времени Св. Духа, и иногда усваивал себе эсхатологическую роль пророка Ильи, одного из двух последних пророков наряду с Енохом. Сам Кампанелла видел себя пророком в цепи пророков и учителей, начавшейся в ветхозаветные и новозаветные времена, протянувшейся через последовательность учителей Церкви и святых вплоть до его времени. Искушали ли его какие-либо более конкретные самоотжествления — нам неизвестно. Но несомненно, что внимание его к эсхатологической фигуре мессии было значительным.

Возникновение у молодого Кампанеллы интереса к мессианству, к фигуре нового мессии Дж. Бранкаччо связывает с влиянием на него еврея-каббалиста Исаака Луриа и его ученика визионера Хаима Витала Калабрийца [Branaccio, p. 29].

В московском тексте о калабрийском восстании есть ряд деталей, соответствующих исторической ситуации 1599 г. и планам Кампанеллы. Например, в версии фан дер Блока указано, что Калабрия находится между Испанией и Турцией — это не географическое, а политическое положение ее в период восстания: Калабрия находилась под властью испанской короны и управлялась вице-королем, а турецкий флот, враждебный испанцам, стоял у восточного берега Калабрии, и заговорщики полагали возможным в какой-то момент прибегнуть к турецкой помощи. Горы в московском тексте обозначены как место создания нового царства. В планы Кампанеллы как руководителя заговора (по последующим версиям и допуская, что заговор был и что Кампанелла действительно им руководил) входила идея создать новый мир на горе — в Стило, месте его рождения. В более определенных версиях — в сочинениях Кампанеллы тюремного периода, и в «Городе Солнца», и в «Articuli prophetales», и других — расположение на горах, на горе неизменно характеризует идеальный мир, создаваемый в конце времен. Протест против налогов и пошлин при отсутствии антимоноархических лозунгов отличал выступления против испанской власти в Калабрии и Неаполитанском королевстве в целом весь период волнений.

Возникает вопрос, почему легенда о калабрийском восстании оказалась передана русским стрельцам в период 1630-х — рубежа 1640-х гг. как актуальное известие.

Для объяснения можно сослаться на обстоятельства 1633 г., когда в Риме появились слухи о новом восстании в Неаполитанском королевстве против испанского вице-короля, повторяющем заговор 1599 г., поднятом

учеником Кампанеллы доминиканцем Томмазо Пиньятелли. Кампанелле опять приписывалась роль вдохновителя, ответственного за всё. Легенда воплотилась с такой конкретностью, что Кампанелле под угрозой ареста пришлось спешно покинуть Рим и искать приюта во Франции, где он и окончил свои дни. Не знаем, насколько реален был этот новый заговор и был ли он вообще, одно несомненно: в 1630-е гг. легенда о калабрийском пророке и его восстании, с компонентами нам известными, существовала и проявляла способность к актуализации³⁰.

Не знаем, насколько выраженной была мессианская тема в легенде, донесшейся до Рима в 1633 г., но учтем, что, согласно расчетам Кампанеллы, новое рождение мессии уже произошло в 1603 г. и, таким образом, 1633-й был подходящим для его вступления в действие. Некоторый намек на мессианский элемент содержится в показаниях Пиньятелли, путаных, данных под пыткой во время следствия (потом он от них отрекся); по этой пыточной версии, Кампанелла был великим врагом испанской короны и ждал явления французского короля, как иудеи ждали мессию³¹.

Неясно, почему текст легенды, не циркулировавшей среди иностранных известий, не получившей отражения в других русских источниках, представлявшей собой отзвук проектов Кампанеллы, оказался в руках московского стрельца Григория Казанца и его жены.

Отметим только, что Московия была безразлична Кампанелле, на нее было направлено его внимание, к ней имел отношение один из его милленаристских проектов — план религиозного объединения мира под властью папы. В 1616–1617 гг., еще будучи в тюрьме и надеясь добиться освобождения и признания, на основе многих предшествующих идей Кампанелла составил для папы меморандум о преобразении мира, которому предстояло соединиться в единой вере³². Меморандум включал конкретные планы римско-католической миссии, которые Кампанелла готов был брать на себя. Задача сочинения — созвать религиозный конгресс мира ввиду близкого конца света. В первой части помещались послания к разным властителям, среди которых находится Послание к великому князю Московскому и к греческим

³⁰ Исследователь калабрийского восстания Дж. Бранкаччо не отвечает на эти вопросы и не углубляется в анализ ситуации 1633 г., отсылая к реконструкции истории заговора 1633 г., осуществленной в специальной работе Л. Амабиле [Amabile], см.: [Brancaccio, p. 308–311].

³¹ Так — в докладе, составленном для испанского короля на основании признания Пиньятелли, сделанного под пытками 3–8 октября 1634 г. [Amabile, p. 157, цит. по: Brancaccio, p. 310].

³² Меморандум был впервые представлен на одобрение папы в 1618 г., но потом из-за смерти папы дождался духовной цензуры еще десятилетие. Об этом сочинении — «Volumen Quadrupartitum» — писал авторитетный исследователь манускриптов Кампанеллы И. И. Квачала, см.: [Квачала, с. 9–11].

прелатам. Ватиканская рукопись была изучена И. И. Квачалой, который опубликовал Послание Московскому великому князю на латыни с развернутым предисловием [Квачала].

Судьба Московии, согласно Кампанелле, предопределена расположением звезд и предуказана знамениями. Новая звезда в Кассиопее 1572 г. [Квачала, с. 27] и старые пророчества свидетельствуют, что Московии предназначена большая задача — одоление мусульманства. (На миссию Московии победить турок и овладеть Константинополем Кампанелла указывал уже в раннем произведении — в книге об испанской монархии [Квачала, с. 13]).

Как и римские власти предшествующих эпох, но с элементом астрологического прогностика, Томмазо Кампанелла предлагал Московии миссию освобождения Царьграда от турок, и в качестве награды — власть над Царьградом.

Но прежде всего Московия нуждается в просвещении, имеется в виду не культура, но правильность вероучения. По словам Кампанеллы, земля Московского великого князя велика, но неплодородна и необразованна, образование позволит московскому властителю возвыситься над всеми, но нужно помнить, что греки во многом ошибались, и не справедливо ссылаться на них — они наказаны Магометом. (Говоря о падении Византийской империи, Кампанелла упоминает доктрину Иоахима Флорского.)

Призывая великого князя заняться образованием своего народа, чтобы прийти к пониманию учения соборов и значения Римской церкви, Томмазо Кампанелла изъявляет готовность приехать, чтобы оказать в этом деле помощь. А пока Московский великий князь остается схизматиком и еретиком³³.

Маловероятно, что царь Михаил Федорович получил это послание, но какие-то попытки передать его не исключаем, принимая во внимание религиозный жар убеждений и силу намерений Кампанеллы, активность в попытках реализации идей.

После окончательного освобождения в 1629 г. Кампанелла несколько лет оставался в Риме, пользуясь поддержкой папы Урбана VIII, с которым находился в личном общении, имел даже доступ в папские покои. Папа нуждался в его натурфилософских, медицинских, астрологических, магических познаниях. С помощью трав, кореньев, камней, окуливания комнаты специальными ароматами, неизвестно каких словесных внушений и заклинаний Кампанелла должен был бороться с болезнями и угрозой смерти, предуказанной папе то ли несчастливими небесными знамениями, то ли злокоз-

³³ Излагаем преимущественно по предисловию в книге И. И. Квачалы.

ненными интерпретаторами знамений, старавшимися смутить, напугать и, возможно, даже уничтожить Урбана VIII. Кажется, существовал заговор с намерением «испортить» папу. Философ успокаивал тревоги и меланхолию папы уговорами, философскими и астрологическими рассуждениями и даже письменным сочинением о методах уклонения от несчастливой астральной судьбы³⁴.

Какие корни и зачем носили Офонька или Катерина Андреевна в покои к царице? Уж конечно, не для «порчи», а скорее в помощь ей, угнетенной расстройством здоровья и всё растущей меланхолией царя³⁵. Непривычно представлять себе, что ко двору ходили Екатерина Андреевна или отставной стрелец Офонька, а не кто-нибудь, сформированный более высокой культурой и принадлежащий более высокой среде. Но, как отмечает В. Ф. Райян в своем исследовании по истории русской магии, гадательная, астрологическая прогностическая литература и практика не вписываются в бинарную схему разделения на высокую и низкую культуру, и национальная специфика их невелика. Хотя в России XVII в. формировался особый культурный слой и сам царь Алексей Михайлович проявлял интерес и внимание к западным научным известиям, но при всем этом он «продолжал сильно опасаться порчи, как и любой из его подданных-крестьян» [Райан, с. 544].

Кампанелла, при всей своей учености, на раздваивающихся путях естественных наук не выбирает путь специфических научных методов Нового времени; прогностическое значение сверхновой звезды 1572 г. в созвездии Кассиопеи интересует его больше, чем роль ее для новых астрономических расчетов. Для него рождение новой астрономии означает прежде всего новое видение мироздания, оно больше не обладает теми качествами устойчивости и упорядоченности, которые ему приписывал Аристотель. (Аристотеля Кампанелла в своих трактатах обличает с большей горячностью, чем предтечу антихриста.) Мир и космос находятся в драматическом движении, в которое можно вмешаться, предупреждая худшие бедствия религиозным, интеллектуальным, магическим действием. Рассчитав пути звезд, Кампанелла отдается задачам религиозного преобразования мира ввиду пришествия антихриста и приближающегося конца света. В этом смысле он похож на русских религиозных радикалов XVII в. больше, чем на Галилея.

³⁴ Эта история хорошо задокументирована в источниках, письмах современников и пр., опубликованных Л. Амабиле, см.: [Brancaccio, p. 296–299].

³⁵ Тяжелое состояние здоровья царя Михаила, по свидетельствам иностранных медиков времени, близкого к его смерти в 1645 г., определялось сочетанием психологических и физических факторов, см.: [Соловьев, с. 241–242].

Брожение идей, религиозных, эсхатологических, даже с элементами миллениаризма, шло в России в 1630—1640-е гг. и продолжалось далее: ревнители церковного благочестия, деятельность Печатного двора — «Кирилла книга» и «Книга о вере»; движение «капитонов», одним из основателей которого был иностранец Вавила, учившийся в Сорбонне («все художественные науки прошел» в «славней парижстей академии»³⁶), возможно, в то самое время, когда там подвизался Кампанелла, — всё это может быть отнесено к эпохе барокко в том значении, которое ей придавали Р. Виллари и А. М. Панченко³⁷.

Литература

- Агеева — *Агеева Е. А.* Капитон // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012. Т. 30. С. 547–551.
- Берман — *Берман А. Г.* Социальный контекст истории ранней христовщины // *Aliter*. 2019. № 12. С. 7–23.
- Бобров — *Бобров А. Г.* Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Демидка Воинов // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 463–476.
- Богоявленский — *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.
- Вести-Куранты. 1600–1639 — Вести-Куранты: 1600–1639 гг. / Подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. М.: Наука, 1972. 347 с.
- Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 — Вести-Куранты: 1645–1646, 1648 гг. / Подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов. М.: Наука, 1980. 408 с.
- Горбенко — *Горбенко А. Н.* Меннониты // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. Т. 44. С. 701–715.
- Живов — *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 1. 816 с.

³⁶ Это известие о Вавиле содержится в «Винограде российском». Цит. по: [Зеньковский, с. 150–151]. О Капитоне и его последователях см. новый обзор: [Агеева].

³⁷ Вопросы о тенденциях, которые мы здесь называем мессианскими и миллениаристскими, в русских религиозных и социальных движениях XVII в. мы ставили вместе с Присциллой Хант в параллельных исследованиях на рубеже 1970–1980-х гг. Тогда речь шла о евангельских реминисценциях в автобиографических текстах Аввакума (см.: [Хант] и ряд последующих ее работ), о самосакрализации и мистериальности, о чертах мессианизма в легендах и слухах народных движений XVII в. (Степана Разина, Кузьмы Косого), о ранней христовщине и ее христах ([Плюханова 1982] и другие наши работы, итоговая публикация: [Плюханова 1996], в частности глава «Самосакрализация и Страшный суд в христовщине» [Плюханова 1996, с. 430–435]). А. М. Панченко отнесся к этому подходу внимательно и критически: см. в предисловии к его труду «Русская культура в канун Петровских реформ» [Из истории русской культуры, с. 46–47]. Сейчас учеными, возглавляемыми А. А. Панченко [Панченко А. А.], ведется углубленное исследование христовщины и других мистических сект. В частности, А. Г. Берман, рассматривая социальные корни христовщины, возводит это течение к сословию московских стрельцов XVII в., или к солдатскому, или к иноземцам на русской службе [Берман, с. 8–11].

- Зеньковский — *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. = Zenkovsky Serge A. Russia's Old-believers. Spiritual Movements of the Seventeenth Century. München: Fink Verlag, 1970. 528 с.
- Зерцалов — *Зерцалов А. Н.* К материалам о ворожбе в Древней Руси: Сыское дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М.: Унив. тип., 1895. Кн. 3. С. 1–38.
- Из истории русской культуры — Из истории русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 3: (XVII — начало XVIII века) / Сост. А. Д. Кошелев. 624 с.
- Квачала — *Квачала И. И.* Послание Ф. Кампанеллы к великому князю Московскому. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1905. 28 с.
- Лисейцев, Шамин — *Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* «Годы бедствий» первого российского заводчика Андрея Денисовича Винуиса // *Quaestio Rossica*. 2018. Vol. 6, No 4. P. 984–994.
- Московская деловая и бытовая письменность — Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968. 338 с.
- Новый летописец — Новый летописец // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 14 / Под ред. С. Ф. Платонова, П. Г. Васенко. С. 23–154.
- Панченко А. А. — *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. 542 с.
- Панченко А. М. 1973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
- Панченко А. М. 1977 — *Панченко А. М.* Два этапа русского барокко // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1977. Т. 32. С. 100–106.
- Панченко А. М. 2000 — *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.
- Плюханова 1982 — *Плюханова М.* О некоторых чертах личностного сознания в России XVII века // *Художественный язык Средневековья* / Отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 184–200.
- Плюханова 1996 — *Плюханова М.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // *Из истории русской культуры* / Сост. А. Д. Кошелев. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 3 (XVII — начало XVIII века). С. 380–459.
- Плюханова 2021a — *Плюханова М. Б.* «Сон Богородицы» у А. Н. Веселовского и далее: некоторые вопросы итало-русского компаративного исследования христианской легенды // *Пространство безграничной словесности: Сб. ст. к 70-летию В. Е. Багно*. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 376–405.
- Плюханова 2021b — *Плюханова М. Б.* «Сон Богородицы» — “Sogno di Maria” в контексте итальянской словесности о Страстях Христовых // *Словесность и история*. 2021. № 3. С. 34–61.
- Повесть о взятии Царьграда — Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // БЛДР. СПб.: Наука, 2005. Т. 7: Вторая половина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. С. 26–71.
- Райан — *Райан В. Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.

- Романов — *Романов М. Ю.* Стрельцы Московские. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 352 с.
- Соболевский — *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. 460 с.
- Соловьев — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч.: в 18 кн. М.: Мысль, 1990. Кн. 5, т. 9–10: История России с древнейших времен / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. Т. 9. 718 с.
- Солодкин — *Солодкин Я. Г.* О датировке и хронологической структуре Нового летописца // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 39–46.
- Хант — *Хант П.* Самооправдание протопопы Аввакума // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1977. Т. 32. С. 70–83.
- Чернов — *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (с образования централизованного государства до реформ при Петре I). М.: Воениздат, 1954. 224 с.
- Чистов 1967 — *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.
- Чистов 1986 — *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986. 304 с.
- Шамин 2020а — *Шамин С. М.* Иностранная пресса и русская культура конца XV — начала XVIII столетия: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 627 с.
- Шамин 2020б — *Шамин С. М.* Иностранные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI — начала XVIII столетия. М.: Весь Мир, 2020. 392 с.
- Amabile — *Amabile L.* Fra Tommaso Pignatelli: La sua congiura e la sua morte. Napoli: Morano, 1887. 218 p.
- Brancaccio — *Brancaccio G.* Calabria ribelle. Tommaso Campanella e la rivolta politica del 1599. Milano: Biblioteca di Storia Franco Angeli, 2019. 356 p.
- Campanella — *Campanella Tommaso.* Articoli prophetales / Ed. crit. a cura di Germana Ernst. Firenze: La Nuova Italia, 1977. XLVI + 317 p.
- Firpo — *Firpo L.* Tommaso Campanella e la sua Calabria // Atti del III Congresso storico calabrese. Napoli: Fausto Fiorentino Editore, 1964. P. 1–20.
- Skibiński — *Skibiński F. Jan.* Willem van den Blocke Netherlandish sculptor in the Baltic Region. Utrecht: Utrecht University, 2013. 611 p.
- Töpfer — *Töpfer B.* Il regno futuro della libertà: lo sviluppo delle speranze millenaristiche nel Medioevo centrale. Genova: Marietti, [1992]. 407 p.
- Villari 1980 — *Villari R.* La rivolta antispagnola a Napoli. Le origini (1585–1647). Bari: Laterza, 1980. VIII + 306 p.
- Villari 1998 — *L'uomo barocco / a cura di R. Villari.* Bari: Editori Laterza, 1998. 384 p.
- Walker — *Walker D. P.* Spiritual and Demonic Magic: from Ficino to Campanella. Pennsylvania: The Pennsylvania state University Press, 2000. 144 p.

References

- Ageeva, E. A. (2012). 'Kapiton', in: *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnyaya Entsiklopediya". Vol. 30, 547–551.
- Amabile, L. (1887). *Fra Tommaso Pignatelli: La sua congiura e la sua morte*. Napoli: Morano, 218 p.
- Berman, A. G. (2019). 'Sotsial'nyi kontekst istorii rannei khristovshchiny', *Aliter*, 12, 7–23.
- Bobrov, A. G. (1999). 'Kopengagenskii sbornik serediny 17 veka i ego veroyatnyi sostavitel' pskovskii strelets Demidka Voinov', in: D. S. Likhachev, ed. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 51. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 463–476.

- Bogoyavlenskii, S. K. (2006). *Moskovskii prikaznyi apparat i deloproizvodstvo 16–17 vekov*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 608 p.
- Brancaccio, G. (2019). *Calabria ribelle. Tommaso Campanella e la rivolta politica del 1599*. Milano: Biblioteca di Storia Franco Angeli, 356 p.
- Campanella, T. (1977). *Articuli prophetales*. Firenze: La Nuova Italia, XLVI + 317 p.
- Chernov, A. V. (1954). *Vooruzhennyye sily Russkogo gosudarstva v 15–17 vekakh. (s obrazovaniya tsentralizovannogo gosudarstva do reform pri Petre I)*. Moscow: Voenizdat, 224 p.
- Chistov, K. V. (1967). *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy 17–19 vekov*. Moscow: Nauka, 341 p.
- Chistov, K. V. (1986). *Narodnye traditsii i fol'klor*. Leningrad: Nauka, 304 p.
- Firpo, L. (1964). 'Tommaso Campanella e la sua Calabria', in: *Atti del III Congresso storico calabrese*. Napoli: Fausto Fiorentino Editore, 1–20.
- Gorbenko, A. N. (2016). 'Mennonity', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr 'Pravoslavnaya entsiklopediya'. Vol. 44, 701–715.
- Khant, P. (1977). 'Samoopredelenie protopopa Avvakuma', in: D. S. Likhachev, ed. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 32. Tekstologiya i poetika russkoi literatury 11–17 vekov, 70–83.
- Koshelev, A. D., ed. (1996). *Iz istorii russkoi kul'tury*. Moscow: Shkola 'Yazyki russkoi kul'tury'. Vol. 3. (17 — nachalo 18 veka), 624 p.
- Kotkov, S. I., Oreshnikov, A. S., Filippova, I. S., eds. (1968). *Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' 17 veka*. Moscow: Nauka, 338 p.
- Kvachala, I. I. (1905). *Poslanie F. Kampanelly k velikomu knyazyu Moskovskomu*. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 28 p.
- Likhachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A., Ponyrko, N. V., eds. (2005). 'Povest' o vzyatii Tsar'grada turkami v 1453 godu', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 7. Vtoraya polovina 15 veka, 581 p.
- Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. (2018). 'Gody bedstvii pervogo rossiiskogo zavodchika Andrey a Denisovicha Viniusa', *Quaestio Rossica*. Vol. 6, 4, 984–994.
- Panchenko, A. A. (2004). *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt*. Moscow: Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 542 p.
- Panchenko, A. M. (1973). *Russkaya stikhotvornaya kul'tura 17 veka*. Leningrad: Nauka, 280 p.
- Panchenko, A. M. (1977). 'Dva etapa russkogo barokko', in: D. S. Likhachev, ed. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka, 1977. Vol. 32: Tekstologiya i poetika russkoi literatury 11–17 vekov, 100–106.
- Panchenko, A. M. (2000). *O russkoi istorii i kul'ture*. Saint Petersburg: Azbuka, 464 p.
- Platonov, S. F., Vasenko, P. G., eds. (2000). 'Novyi letopisets', in: *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 14, 23–154.
- Plyukhanova, M. (1982). 'O nekotorykh chertakh lichnostnogo soznaniya v Rossii 17 veka', in: V. A. Karpushin, ed. *Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya*. Moscow: Nauka, 184–200.
- Plyukhanova, M. (1996). 'O natsional'nykh sredstvakh samoopredeleniya lichnosti: samosakralizatsiya, samosozhzhenie, plavanie na korable', in: A. D. Koshelev, ed. *Iz istorii russkoi kul'tury*. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury". Vol. 3 (17 — nachalo 18 veka). 380–459.
- Plyukhanova, M. B. (2021). "'Son Bogoroditsy" — "Sogno di Maria" v kontekste ital'yanskoi slovesnosti o Strastyakh Khristovykh' ["Dream of the Virgin" — "Sogno di Maria"

- in the Context of Italian Literary and Folk Texts about the Passion of Christ], *Slovesnost' i istoriya*, 3, 34–61.
- Plyukhanova, M. B. (2021). "Son Bogoroditsy" u A. N. Veselovskogo i dalee: nekotorye voprosy italo-russkogo komparativnogo issledovaniya khristianskoi legendy', in: *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: sbornik statei k 70-letiyu V. E. Bagno*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 376–405.
- Ryan, V. F. (2006). *Banya v polnoch': Istoricheskii obzor magii i gadanii v Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 720 p.
- Romanov, M. Yu. (2004). *Strel'tsy Moskovskie*. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, 352 p.
- Shamin, S. M. (2020). *Inostrannaya pressa i russkaya kul'tura kontsa 15 — nachala 18 stoletiya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Moscow, 627 p.
- Shamin, S. M. (2020). *Inostrannye "pamflety" i "kur'ezy" v Rossii 16 — nachala 18 stoletiya*. Moscow: Ves' mir, 392 p.
- Skibiński, F. Jan. (2013). *Willem van den Blocke Netherlandish sculptor in the Baltic Region*. Utrecht: Utrecht University, 611 p.
- Sobolevskii, A. I. (1903). *Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi 14–17 vekov. Bibliograficheskoe materialy*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 460 p.
- Solodkin, Ya. G. (2004). 'O datirovke i khronologicheskoi strukture Novogo letopistsa', *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*, 3 (17), 39–46.
- Solov'ev, S. M. (1990). 'Istoriya Rossii s drevneishikh vremen', in: I. D. Koval'chenko, S. S. Dmitriev, eds. *S. M. Solov'ev, Sochineniya: v 18 knigakh. Kniga 5, Vol. 9–10. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen*. Moscow: Mysl'. Vol. 9, 718 p.
- Tarabasova, N. I., Dem'yanov, V. G., eds. (1980). *Vesti-Kuranty. 1645–1646, 1648 gody*. Moscow: Nauka, 408 p.
- Tarabasova, N. I., Dem'yanov, V. G., Sumkina, A. I., eds. (1972). *Vesti-Kuranty. 1600–1639 gody*. Moscow: Nauka, 347 p.
- Töpfer, B. (1992). *Il regno futuro della libertà: lo sviluppo delle speranze millenaristiche nel Medioevo centrale*. Genova: Marietti, 407 p.
- Villari, R. (1980). *La rivolta antispagnola a Napoli. Le origini (1585–1647)*. Bari: Laterza, VIII + 306 p.
- Villari, R., ed. (1998). *L'uomo barocco*. Bari: Editori Laterza, 384 p.
- Walker, D. P. (2000). *Spiritual and Demonic Magic: from Ficino to Campanella*. Pennsylvania: The Pennsylvania state University Press, 144 p.
- Zen'kovskii, S. A. (1970). *Russkoe staroobryadchestvo. Dukhovnye dvizheniya semnadsatogo veka* [Russia's Old-believers. Spiritual Movements of the Seventeenth Century]. München: Fink Verlag, 528 p.
- Zertsalov, A. N. (1895). 'K materialam o vorozhbe v Drevnei Rusi. Sysknoe delo 1642–1643 godov o namerenii isportit' tsaritsu Evdokiyu Luk'yanovnu', in: *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiyskikh*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. Vol. 3, 1–38.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti: 2 vols*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. Vol. 1, 816 p.

Н. В. Патроева

«ЕПИНИКИОН» ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА В РИТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

Резюме

Эпоха барокко главное внимание уделяла поиску приемов и способов художественного выражения как стиле- и жанроформирующих средств декорирования слога. В статье представлен анализ риторических приемов Феофана Прокоповича, принятый прежде всего в аспекте связи Феофановых опытов в стихах с рекомендациями, имеющимися в его же трактатах «О поэтическом искусстве» и «Об искусстве риторическом». Демонстрирующий приверженность раннего Феофана-поэта церковнославянской культурной стихии «Епиникион» содержит широчайшую палитру книжно-славянских лексических и грамматических особенностей и риторических приемов. Применение Феофаном риторических приемов свидетельствует об «умеренном» характере его барочных устремлений, на что указывал в своих работах А. М. Панченко. Наряду с метафорами, сравнениями, метонимиями, синекдохами, аллегориями, олицетворениями, парафразами, антономасией, гиперболой в одическом по своей жанровой устремленности «Епиникионе» применяются направленные против врагов — «варваров» и «еретиков» сарказм и едкая ирония. Отсутствие напыщенности и декоративных излишеств для «средних» жанров и еще более умеренное употребление фигур в «низком» стиле речи как требования Феофановых сочинений по искусству поэтическому и ораторскому соблюдаются достаточно строго в синтаксических творениях самого ритора. Не случайно призыв к отмене барочного «пиитического» и риторического аппарата прозвучал, вероятно, впервые именно в трактатах Феофана Прокоповича — в связи с этим закономерно, что и своим стихотворческим искусством суровый и строгий сподвижник петровских преобразований стремился продемонстрировать новые для российской словесности стилистику, риторику и поэтику, проложившие дорогу русскому классицизму, новейшим поэтам России в лице

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

Антиоха Кантемира, Василия Тредиаковского и Михаила Ломоносова и уже отличающиеся в значительной степени от ранних вирш XVII в.

Ключевые слова: риторика, поэтика, история русской поэзии первой половины XVIII в., история российской риторической традиции, троп, фигура речи

Natalia V. Patroeva

THE RHETORICAL ASPECT OF "EPINIKION" BY FEOFAN PROKOPOVICH

Abstract

The search for techniques and ways of artistic expression as a style- and genre-forming means of decorating the text was the main concern of baroque writers. This article analyzes the rhetorical devices of poetic texts by Feofan Prokopovich in comparison with recommendations that Feofan gives in his treatises "On the Poetic Art" and "On the Art of Rhetoric". "Epinikion" demonstrates the early Feofan's adherence to the Church Slavonic cultural tradition. It contains the widest range of Slavonic literary lexical and grammatical features and rhetorical devices. Feofan's use of rhetorical devices testifies to his "moderate" baroque aspirations, noted by Aleksandr Mikhailovich Panchenko. "Epinikion" is written in the ode genre. In it, along with metaphor, comparison, metonymy, synecdoche, allegory, personification, paraphrase, antonomasia, and hyperbole, Feofan uses sarcasm and caustic irony against enemies, whom he calls "barbarians" and "heretics". In his syllabic texts, Feofan quite strictly observes the requirements he prescribes in his works on poetic art and rhetoric: the avoidance of pomposity and decorative excesses in texts of the middle style and even a more moderate use of figures of speech in the plain style texts. It is no coincidence that Feofan Prokopovich was probably the first to call for the abolition of the baroque poetic and rhetorical devices in his treatises. With his poetic gift, this stern and strict supporter of Peter the Great's reforms sought to demonstrate the use of a new style, rhetoric, and poetics in Russian literature. Feofan's poetic texts differ to a large extent from seventeenth-century verses and paved the way for Russian classicism and the new Russian poets — Antioch Kantemir, Vasily Trediakovsky and Mikhail Lomonosov.

Keywords: rhetoric, poetics, history of Russian poetry, Russian poetry of the first half of the 18th century, history of Russian rhetorical tradition, tropes, figure of speech

DOI 10.31860/2712-7591-2022-3-72-86

...Не трудно понять (...) отношение к западно-европейской литературе литературы каждой иной народности, которая долгое время развивалась изолированно и потом примкнула к общему потоку европейской цивилизации. Усвоение форм литературного творчества есть для нее первый шаг к сближению и подчинению, но шаг еще незначительный, подчинение чисто внешнее, и при нем она может сохранять глубокую внутреннюю самобытность, может оставаться вполне национальной. Такова была вся русская литература XVIII века, исполненная надежд своего народа, тревог своего времени, повсюду под заимствованными формами отражая особый склад его ума и чувства. (...) в Феофане Прокоповиче или в Кантемире, несмотря на их чуждое внешнее убранство, мы слышим тон и звук, которые совершенно национальны, вытекают прямо из духа и жизни своего времени и народа.

[Розанов, с. 184]

Одним из основателей русской школы стиховорства и реформаторов литературного языка по праву считают Феофана Прокоповича¹, великого церковного и политического деятеля России, яростного защитника петровских преобразований², о чем неоспоримо свидетельствуют его проповеди-«слова» и стихотворные произведения. Собственные лингвистические, стилистические и риторические устремления Феофана, к сожалению, не реконструированы в полном объеме. Источниками, которые позволяют прояснить хотя бы в какой-то степени позицию поэта-оратора и политического деятеля в языковых спорах первой половины XVIII в., могут служить, прежде всего, его «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X». Написанные на латыни, прочитанные как курсы лекций в Киево-Могилянской академии и не имевшие долгое время печатного воплощения, как и перевода с латинского на русский, трактаты эти были известны первоначально только в списках, которые широко использовались в процессе преподавания цер-

¹ Ср. с мнением С. А. Кибальника: «На эстетических идеях Феофана, почерпнутых непосредственно из его сочинений или из лекций его многочисленных последователей и учеников, воспитывалось большинство деятелей русской культуры первой половины XVIII в. Так, например, Ломоносов, по-видимому, был знаком с „Поэтикой“ Прокоповича, а будучи студентом московской Славяно-греко-латинской академии, слушал и записал курс лекций по риторике его ученика Порфирия Крайского» [Кибальник, с. 205–206].

² О биографии и творческом пути Феофана Прокоповича см.: [Автухович 1999].

ковного красноречия в духовных училищах России, в том числе и в Славяно-греко-латинской академии. Изучение поэтического творчества Феофана представляется также важнейшим и необходимым звеном для обоснования его реформаторской роли в истории русской словесности. Все произведения Феофана Прокоповича: учебные, научные, публицистические, художественные — объединяет хорошо ему известная и признаваемая в качестве авторитетной традиция юго-западной и — шире — западноевропейской риторики, из которой писатель черпал образцы художественного выражения³, как и из лучших творений древнегреческих и римских поэтов.

По замечанию А. М. Панченко, барочная и классицистическая жанровая система «была всецело зависима от риторики» и не было «ничего в поэтике, чего не было в риторике» [Панченко 1974, с. 127], поэтому «Поэтика» и «Риторика» Феофана Прокоповича тесно связаны как взаимодополняющие трактаты, готовящие будущих мастеров слова не только к ораторскому, но и к писательскому поприщу. Далее анализ риторических приемов, применяемых Феофаном Прокоповичем, будет сосредоточен прежде всего на области тропов и фигур речи, так как мастера слова, писатели эпохи барокко особое внимание уделяли использованию этих приемов как способов украшения речи, слоگو- и жанроформирующих средств, поэтому для барочных поэтов и ораторов особенно значимым из пяти традиционных разделов трактатов об искусстве красноречия (*inventio*, *dispositio*, *elocutio*, *memoria*, *actio*) стал третий.

XVIII столетие знаменуется не только углублением личностного начала в художественном творчестве, но и расширением жанровой системы русского барокко, постепенное складывание которой началось еще во второй половине XVII в. и шло параллельно с первым процессом. Не случайно в трактате «О поэтическом искусстве» Феофан предлагает стилистические

³ Западноевропейские поэтические руководства в дополнение к риторическим трактатам в XVII в. нередко включали словники — списки составлявшихся в помощь мастерам слова готовых тропов, фигур, формул, крылатых слов, цитат из античных авторов, Библии. Библиотека Симеона Полоцкого включала подобные руководства — см. об этом: [Сазонова 2006, с. 166–168]. Нельзя исключить знакомство энциклопедически образованного и посетившего Италию Феофана с подобными же латиноязычными списками «общих мест» поэтических выражений — *Loci communes*. Не случайно Р. Лахманн определяет риторику как «вторичную грамматику» и «функциональную прагматику» языка: «Формулируя правила на основе знания грамматики первичного языка, грамматика *elocutio* как субкод, представляющий код поэтический, принимает на себя роль функциональной прагматики» [Лахманн, с. 7].

рекомендации (точнее, предписания⁴) для многих художественных жанров⁵, популярных в европейской литературе современной ему эпохи, возражая любителям излишних «словесных прикрас» и «неумеренной вычурности» фраз: «Стиль большей частью должен быть средним между возвышенным и низким; слова должны быть ясными и метафоры естественными, мысли же не должны быть раздуты многословием, но выражены в немногих словах, перифраза — проще и напоказ» [Прокопович 1961, с. 424].

В риторике Феофана Прокоповича находим, согласно установившейся с античных времен традиции включения в руководство обязательного раздела об элоквенции, подробное описание фигур речи (всего около семидесяти, в том числе тропов [Прокопович 2020, с. 235 и след.]), — и этот раздел оказывается одинаково полезен и составителю «слов» или «речей», и поэту.

С точки зрения манифестации (способа выражения) Феофан Прокопович разграничивает *фигуры словесные* (метафора, метонимия, синекдоха, антономасия, повтор, полисиндетон и пр.) и *фигуры смысловые* (аллегория, перифраза, олицетворение, гиперболла, эпифонема, апострофа и др.). С точки зрения своего предназначения (функции) риторические приемы разделяются Феофаном Прокоповичем уже на три группы: 1) служащие для «поучения», из которых важное место принадлежит «характеризму», «гипотипозе», участвующим в создании портрета, описания, и «этологии» как «нравоописательной речи» [Прокопович 2020, с. 237, 245]; 2) способствующие «услаждению» речи — «метатеза» (хиазм), антитеза, «антитетон», «антономасия», «диафора» (вид повтора), «гомэоза» (сравнение), «диализа» (бессоюзие), «гипербат» (инверсия, необычный порядок слов), метафора, метонимия, «оксиморон», парономасия, перифраза, аллегория, синекдоха и др. [Прокопович 2020, с. 251–259]; 3) «относящиеся к воз-

⁴ Сошлемся на трактовку модальности не столько рекомендующего, сколько предписывающего характера для ранних российских риторик, представленную у В. М. Живова: «Обнаруживая, например, что «Риторика» Феофана Прокоповича почти целиком основана на аналогичных трактатах европейского умеренного барокко (Никола Коссена и Юния Мельхиора (...)), мы естественно хотим поставить ее в тот же ряд, приписав ей тот же характер и те же функции, что и ее европейским образцам. Это сходство, однако, обманчиво. Риторика в Европе регулирует существующую речевую практику, рекомендуя читателю определенным образом сочетать риторическую стратегию с риторическими средствами. Та же риторика в России создает новую практику и поэтому не рекомендует, а предписывает (...) При пересадке на русскую почву меняется модальность (...) риторика превращается в устав...» [Живов, с. 928].

⁵ По рекомендации Феофана Прокоповича стиль таких лирических жанров, как ода, гимн, дифирамб — разновидностей «песен», «должен быть сладостным; в них необходимо применять все фигуры, которые способствуют услаждению» [Прокопович 1961, с. 442].

буждению переживаний» — «просопея» (олицетворение), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), «климакс» (усиление, восходящая градация), гипербола, «полисиндетон» (многосоюзиe), сарказм и пр. [Прокопович 2020, с. 259–267]. Каждая из трех групп обнаруживает тяготение к «сниженному», «среднему» и «возвышенному» стилям, с тем уточнением, что фигуры первой группы встречаются в «цветистом» и «возвышенном» стилях, когда требуется «описывать что-либо» [Прокопович 2020, с. 268], приемы второй группы не следует исключать из области «низменного» или высокого стиля, а фигуры третьего рода — из «сниженного». Таким образом, применение риторических приемов, образных средств регламентируется, согласно рекомендациям Феофана Прокоповича, прежде всего стилем и жанром произведения в их соответствии с целями автора, содержанием и композицией текста.

Проведенный в рамках подготовки данной работы анализ риторических приемов показывает, что Феофан в своей стихотворной речи предпочитает использовать в качестве средств эмоционального воздействия, смыслового подчеркивания и украшения те из них, которые в трактате «De arte rhetorica libri X» относятся к первой группе, то есть служат «для поучения».

Из всех писавшихся обычно «на случай» поэтических творений Феофана при его жизни было опубликовано только одно — положивший начало российской героической поэме и торжественной оде написанный в трех вариантах (латинском, русском и польском [Николаев, с. 132–138]) и посвященный Полтавской баталии «Епиникион, сиест пѣснь побѣдная о тоейжде преславной побѣде», который не мог не оказать влияния на развитие ранней российской поэзии, — именно поэтому представляется важным проанализировать практическую поэтику и риторику Феофана Прокоповича на этом материале.

«Характеризм» и «гипотипоза» создаются прежде всего не упоминаемыми у Феофана (как позднее и у Ломоносова, например) в качестве особого термина в ряду «словесных» и «смысловых» «фигур» эпитетами, яркими, часто метафорическими, иногда по-гомеровски двухкорневыми: *златый Орган рифмотворческий; вѣтыйских устен; плач умилный; безбѣдно здравие; главы проклятыя; лестной ереси; род благовѣрный; лютаго фараона; дивна Гордость... и мечта, естеству противна; благополучными объты; жестокий Марс; бѣс яростный; змѣнник неистовый; свѣй дерзкий; бог сильный; род лютый; лютая... брань; храброй России; род вѣрный; Крест... златый* [Прокопович 1961, с. 209–214]. При этом некоторые эпитеты Феофана являются столь необычными и свежими, что заслуживают право называться окказио-

нальными, хотя вопрос этот нуждается в специальном изучении с опорой на предшествующую традицию.

Второе место по степени активности в «Епиникионе» принадлежит различного типа *повторам*, в том числе анафорам, «диафорам» как возвратам к уже употребленному слову, анадиплосисам-«подхватам», «удвоениям», эпифорам-созвучиям концов попарно рифмующихся строк (однако хиазм маргинален), способствующим амплификации, играющим особую структуро-, смысло-, рифмо- и ритмообразующую роль в поэтическом синтаксисе Феофана:

— повтор лексический и морфемный:

*...Боже всесильный... Бог всемогущий...
Нынѣ и день лучшею красен добротою,
И солнце множайшая луча испущает,
И лицъ краснѣйшее цвѣт полный являет.
Летит свѣтъ, летит купно змѣнник неистовый.
Страшное блистание, страшный и великий
Град падает желѣзный; обаче толикий
Страх не может России сил храбрех сотерти...
Пѣти будет веселник по морю пространном;
Пѣти будет на холмѣ путник утружденный...*

— звуковые повторы и паронимасия:

*...По всей же вселенной
Разсѣй велегласие въсти торжественной!
На отца отчества мещеши меч дерзкий!..
Но и здѣ непостоян злый змѣнник явился,
Змѣнив царю и Марсу...*

[Прокопович 1961, с. 209, 210, 213]

— повтор с одновременным применением хиазма (перестановки, метатезы):

*И оповѣсть иногда лѣты изнуренный
Старец внуком, и, яко своима очима
Видѣ то, внуци старца нарекут блажима.*

[Прокопович 1961, с. 213]

«Амплефековати», или «наращати слова» [Прокопович 1961, с. 201–202], — обычное требование руководств по красноречию XVII — начала XVIII в. Феофан Прокопович обращает внимание, что применение амплификации не имеет прямого отношения к многословию: «Амплификация не заключается в том, чтобы то, чего можно коснуться вкратце, излагалось

многословно; это ведь перифраза» [Прокопович 1961, с. 416]⁶. К амплификации относятся такие приемы, как «приращение» (например, в виде градации), «сравнение» и «нагромождение» посредством введения синонимов, «побочных обстоятельств», перечисления, полисиндетона:

*Тако егда обоим странам Бог высокий
Судбы своя устрои, абие жестокий
Марс сию часть и ону начат поощряти;
Скорим бѣгом и вътру подобним до рати
Полки устремишася; сих ревность по въри
И отчество раждеже, овѣх же без мѣри
Распали бѣс яростный и жаждущий крови.*

[Прокопович 1961, с. 210]

Исследователи уже указывали на такие способы художественного выражения, часто применяемые в Феофановой лирике, как *аллегория* [Буранок, с. 252–348; Копаниця, с. 156–161], тесно связанная с эмблематичностью символического мировосприятия и представления тех или иных сущностей в искусстве барокко, и *антитеза*, свидетельствующая о барочном в своих истоках стремлении смешивать противоположное, высокое и низкое, большое и малое. Особенно часты в стихотворениях антитетичность добра, блага и зла, лукавства; контраст дня, света просвещения, солнца и ночного мрака, тьмы языческого невежества; противопоставление «своих», «правоверного воинства» верных государю сторонников, и предателей-перебежчиков, врагов — «варваров», «еретиков» и др.: *лев, иже многия устрашаше грады* [Прокопович 1961, с. 213] — о короле Карле XII; *лютот ехидной* [Прокопович 1961, с. 214] иносказательно называется униатская церковь. В аллегориях Феофана, как и у его предшественников, наряду с библеизмами используются нередко античные прецедентные имена⁷, что создает диалог многоязычия⁸ и широту интертекстуальных переключек.

⁶ Ср. с еще одной рекомендацией Феофана: «Для краткости повествования не пытайся выражать его немногими словами. Но что сказать, если сам предмет требует обилия слов?» [Прокопович 2020, с. 158].

⁷ Античные (у Феофана это, например, *Марс*) и христианские (образ *вертограда*, создающий аллюзийные связи не только с Библией, но и с поэзией Симеона Полоцкого) мотивы при этом часто переплетались, не противореча друг другу, в пределах одного контекста — см. подробнее об усвоении античной образности: [Живов, Успенский, с. 461–531].

⁸ По наблюдениям исследователей, набор аллюзий и — шире — иных приемов художественной выразительности не аналогичен в латинской, польской и русской редакциях произведений Ф. Прокоповича — см., например: [Трофимов, с. 335–353].

Обилие риторических восклицаний, вопросов и обращений («эпифонем», «апостоф») — также яркая черта слога и синтаксиса Ф. Прокоповича. Распространенное придаточной частью обращение создает еще и «парентезу», «при которой в непосредственно следующей фразе вставляется какое-либо <предложение>, занимающее промежуточное положение» [Прокопович 2020, с. 265] — пока очень редкий прием, который получит широкое распространение в более поздний период развития русской поэзии:

*<...> О Боже всесильный,
Еще наш приял еси вопль и плач умилный,
Еще нас не судиши в конец отринуты!*

[Прокопович 1961, с. 209]

*О племя ехиднино! О изверже мерзкий!
Забыв любов отчую и презрѣв самого
Твердый закон естества!*

[Прокопович 1961, с. 210]

*...О блаженство наше!..
О день благополучный! Кий язык и кое
Слово изреци может блаженство такое!*

[Прокопович 1961, с. 212]

*Коликия zde врагом возрастоса роги,
Тебѣ же неудобства и труды премноги!*

[Прокопович 1961, с. 213]

Чаще парентезы у Феофана создаются вставками, напоминающими спонтанные перебивы речевого потока, создающими эффект непринужденной устной беседы, и в этом проявляется яркое синтаксическое новаторство Феофана Прокоповича:

*Уже брань десятое льто начинаше
(Время брани Троянской)...*

[Прокопович 1961, с. 209]

*Обаче в толь тяжкий год (О безсмертной славы
Дѣло!) побѣдил еси...*

[Прокопович 1961, с. 213]

При построении парентез у Феофана Прокоповича используется и андиплосис (подхват — повтор элемента до и после вставки):

*...Абие бо от горняго дому
Низпосла щит (щит, им же во лютое время
Хранит грады, и царства, и людское племя)*

*И вся на главу твою и на твоя силы
Летуция сотвори бездълныя стрѣлы.*

[Прокопович 1961, с. 212]

Среди *метафор* преобладают именные — с учетом активности эпитетов, основанных на переносе по сходству признаков, однако глагольные и субстантивные метафоры используются Феофаном примерно в равном соотношении (*яд звѣрный; сотре ад; вливаает тверду дерзость; дати крѣпость и щит нерушимый; пройдет скоро глас сей торжественный, На мир весь сугубому верху подложенный; страх велий обиймет* [Прокопович 1961, с. 209–214])⁹, когда одна поддерживает в контексте предложения и целого произведения другую, развертываясь морфологически разнообразно (ср. с более поздними контекстами из Ломоносова типа *Открылась бездна, звезд полна...*).

Метафора, наряду с эпитетом, метонимией (*церковь попрати и род благовѣрный; Совосплещут градове* [Прокопович 1961, с. 213]), синекдохой (*Падесея супостат наш лютый; И погрузи во крови главы проклятыя; егда уже баше / внутр отчества супостат сверѣпий и дивый; моя (...) десница со Петром на брани будет; ожесточи тогда сердца супостатския; Укри труп свѣйский поле; молвы (...) востаха; Укрощевати молвы, предѣлы хранити* [Прокопович 1961, с. 209, 210, 213]), сравнением (*аки море земля потрясета; поражен силою десници твоя, аки с небес молнием; Блисну огнем все поле; многия воскорѣ / Излѣтеша молния; не таков во морѣ / Шум слышится, егда вѣтр на вѣтр ударяет, / Ниже тако гром з темных облаков рыкает, / Яко гримят армати...* [Прокопович 1961, с. 210–213]), перифразом (*отчества враг велий* [Прокопович 1961, с. 209] — о гетмане И. Мазепе; *Марс сей многобѣдный* [Прокопович 1961, с. 213] — о Карле XII; *рускаго Марса* [Прокопович 1961, с. 214] — о Петре I; *от горняго дому* [Прокопович 1961, с. 214]), олицетворением (*...грядет мир веселий / И безбѣдно здравие ведет со собою; побѣда ждет; внийде брань* [Прокопович 1961, с. 209–210]), гиперболой (*Пройдет стѣны и врата глас торжества велий; И всѣх силы твоя страх велий обиймет; Все твоей начнут дружбы, все мира желати...* [Прокопович 1961, с. 213–214]), риторическим обращением (*Ты рци, славо гласная!; О свѣю; О Пѣтре, царей славо; о царю и воине сильный; Царю Богом вѣнчанный; монархо державный; о храбрый царю* [Прокопович 1961, с. 209–213]) и прочими

⁹ См. комментарии к некоторым переносам слов у Феофана: [Балашова, с. 256, 261].

типами фигур, участвует у Феофана в создании таких *Locī communes* оды и панегирика¹⁰, как мотивы «протяженности России», монаршей славы и силы, символики света и тьмы, «золотого века» (времени) и пр. При этом наличие среди тропов «общих мест» (например, *щит, ад, солнце, яд* в метафорическом значении) в словесности риторической эпохи оценивалось как нечто положительное и необходимое, узнаваемое как знак семиосферы (топики) «своей» культуры.

В «Епиникионе» читатель не найдет ничего из того, что осуждал Феофан Прокопович в своей «Риторике»: ни нелепой «пышности», ни «вычурных и незначительных по содержанию фразок», ни «чрезмерной манерности» [Прокопович 2020, с. 45–53]. Более того, «речь может быть размеренной только в силу изобилия слов» [Прокопович 2020, с. 210], из которых складываются «звенья», «колонны», «периоды» и формируется ритм, «трогающий сердца», поэтому мерное течение речи в Феофановых стихотворениях развертывается часто в виде многочленного периода:

*Бог же, сие блаженство давший нам тобою,
Тожде твоим здравием и дний долготою
Да укрѣпит, желаем, всегда ти побѣдну
Дая помощь, да бы и лютую ехидну,
Пиющую кровь святых, твоим же убити
Дал тебѣ оружием, и вся сокрушити
Темници варварския и ярем безмѣрный,
И от долгих узилищ извести род вѣрный,
Да же, вся побѣдныя совершивше рати,
Крест на стѣнах Сионских водрузиши златый.*

[Прокопович 1961, с. 214]

Синтаксис, насыщаясь для создания едкой иронии и сарказма эмоциональными вопросами и восклицаниями, напоминает развертывание гневных «филиппик» Цицерона:

*Камо духом бѣсовским бѣжиши носимий,
Студе вѣку нашего, вреде нестерпимий?..
Что о воех и вождах речем во плѣнъ взятых?..
О користех, знаменах и бронях богатых?..
С малою ли бѣжиши, звѣре, срамотою,
Хоботом заглаждая слѣд твой за собою?
Кое убо торжество, кий лик будет равный
Сей побѣдѣ? Тебѣ же, монархо державный,*

¹⁰ См. подробнее в работе: [Сазонова 1987].

*Что в дар твоя Россия принесет и кия
Воспоет пѣсни?*

[Прокопович 1961, с. 210, 212, 213]

На порядок расположения слов, использование бессоюзия или (чаще) полисиндетона и синтаксическую переусложненность фразы влияет, несомненно, и схема длинного силлабического астрофического стиха (чаще всего 13-сложника):

*В полках же православных Бог непостижимый,
Хотя им дати крѣпость и щит нерушимый,
Всѣх сердца осязает и мысли подробну,
И, аще страх и трепет или неудобну
Ярость ко согласию тайнѣ ощущает,
Изъемлет, и всѣх дивнѣ духи сопрягает
Крѣпким любве союзом, и вливает твердо
Дерзость, но не безбожну и не жестосерду,
Дабы ни на смертную силу полка многа,
Ни на лук свой уповал воин, чтущий Бога.*

[Прокопович 1961, с. 210]

Заключая характеристику риторических приемов Феофана Прокоповича, способствовавших, помимо «услаждения» и «украшения» речи, еще и строительству нового светского языка, упомянем об участии Феофана в культурно-языковых реформах петровского времени и об эволюции его взглядов на церковнославянские грамматические и риторические образцы. «...Если в киевский период Прокопович считал славянский понятным языком, обладающим достоинством культурного языка, то, переехав в Петербург, Прокопович начинает смотреть на него как на непонятный клерикальный язык», о чем свидетельствуют и правка, собственноручно произведенная Феофаном для некоторых сочинений (например, «Истории Петра Великого»), и «Духовный регламент», написанный в 1718 г. Феофаном Прокоповичем и отредактированный Петром Первым [Живов, с. 945–984]. Всё это соответствует поддержанной Феофаном установке на создание нового («простого») языка, так и оставшегося на тот момент не кодифицированным, а только предполагаемым конструктом в будущем его строительстве последующими поколениями писателей российских. Однако уже в гораздо более скромном масштабе, чем на начальном этапе¹¹, снижается и роль мно-

¹¹ Ср. с заключением Б. А. Успенского о том, что ранний Феофан, выступая против экспансии латыни, обосновывает необходимость использования и понятность церковнославянского языка для русских и других славянских народов, но «в дальнейшем Феофан последовательно и целенаправленно стремится к упрощению языка церковных книг, к сближению его с языком

гих «фигур словесных» и «смысловых» в системе средств художественной выразительности¹², служащих «услаждению» речи и «возбуждению переживаний».

Итак, степень активности и качественный спектр использованных в «Епиникионе» фигур речи свидетельствуют об отмеченном А. М. Панченко «умеренном» характере барокко Феофана Прокоповича [Панченко 1973, с. 240–241]. Риторическая теория и практика Феофана Прокоповича оказали важное влияние на дальнейшее развитие русской поэзии и традиции российского красноречия, а вместе с этим и на эволюцию русского литературного языка¹³.

Литература

- Автухович — *Автухович Т. Е.* Прокопович Елисей (Елеазар) // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб.: Наука, 1999. Вып. 2: (К—П). С. 488–496.
- Балашова — *Балашова Л. В.* Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
- Буранок — *Буранок О. М.* Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М.: Флинта; Наука, 2014. 448 с.
- Бухаркин — *Бухаркин П. Е.* Риторика и история литературного языка // *Мир русского слова.* 2017. № 1. С. 47–53.
- Живов — *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 2. 480 с.
- Живов, Успенский — *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного языкачества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 461–531.
- Кибальник — *Кибальник С. А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 193–206.
- Копаниця — *Копаниця Л.* «Епиникион» Феофана Прокоповича: до питання про текстувальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття // *Література. Фольклор. Проблеми поетики: збірник наукових праць.* Київ, 2012. Вип. 37. Ч. 1. С. 154–162.
- Лахманн — *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.: Академический проект, 2001. 368 с.

разговорным» [Успенский, с. 123], упоминая о «темноте» старославянской учительной литературы в «Духовном регламенте».

¹² Позднейшие рекомендации М. В. Ломоносова коррелируются с этой «умеренностью» слога Феофана: так, например, описывая метафору, автор «Краткого руководства к риторике на пользу любителей сладкоречия» замечает, что не стоит обилием метафор перегружать строку, так как в этом случае в речи станет «больше темности, нежели ясности» [Ломоносов, с. 50].

¹³ О взаимовлиянии риторической традиции и языковой эволюции см., например, в работе: [Бухаркин, с. 47–53].

- Ломоносов — *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7. С. 19–79.
- Николаев — *Николаев С. И.* О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // *Русская литература*. 2015. № 2. С. 132–138.
- Панченко 1973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
- Панченко 1974 — *Панченко А. М.* О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л.: Наука, 1974. Сб. 9. С. 112–128.
- Прокопович 1961 — *Феофан Прокопович*. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 502 с.
- Прокопович 2020 — *Феофан Прокопович*. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.
- Розанов — *Розанов В. В.* Три момента в развитии русской критики // Розанов В. В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. С. 177–191.
- Сазонова 1987 — *Сазонова Л. И.* От русского панегирика XVII в. к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература / Отв. ред. А. С. Курилов. М.: Наука, 1987. С. 103–125.
- Сазонова 2006 — *Сазонова Л. И.* Литературная культура России: Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.
- Успенский — *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Наука, 1985. 215 с.

References

- Avtukhovich, T. E. (1999). 'Prokopovich Elisei (Eleazar)', in: *Slovar' russkikh pisatelei 18 veka*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 2: (K–P), 488–496.
- Balashova, L. V. (2014). *Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury, 496 p.
- Buranok, O. M. (2014). *Feofan Prokopovich i istoriko-literaturnyi protsess pervoi poloviny 18 veka*. Moscow: Flinta; Nauka, 448 p.
- Bukharkin, P. E. (2017). 'Ritorika i istoriya literaturnogo yazyka', *Mir russkogo slova*, 1, 47–53.
- Feofan Prokopovich (1961). *Sochineniya*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 502 p.
- Feofan Prokopovich (2020). *Ob iskusstve ritoricheskoy desyat' knig*. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 488 p.
- Kibal'nik, S. A. (1983). 'O "Ritorike" Feofana Prokopovicha', in: A. M. Panchenko et al., eds. *18 vek: Sbornik statei i materialov*. Leningrad: Nauka. Vol. 14: *Russkaya literatura 18 — nachala 19 veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste*, 193–206.
- Kopanitsya, L. (2012). "'Epinikion" Feofana Prokopovicha: do pitannya pro tekstual'nu strategiyu panegirichnoi poezii v pis'menstvi 18 stolit'ya', in: *Literatura. Fol'klor. Problemi poetiki: zbirnik naukovykh prats'*. Kiev. Vol. 37, 1, 154–162.
- Lakhmann, R. (2001). *Demontazh krasnorechiya: ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo*. Saint Petersburg: Akademicheskii projekt, 368 p.

- Lomonosov, M. V. (1952) 'Kratkoe rukovodstvo k ritorike na pol'zu lyubitelei sladkorechiya', in: *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 7, 19–79.
- Nikolaev, S. I. (2015). 'O kul'turnom statuse pol'skogo yazyka v Rossii vo vtoroi polovine 17 — nachale 18 veka', *Russkaya literature*, 2, 132–138.
- Panchenko, A. M. (1973). *Russkaya stikhotvornaya kul'tura 17 veka*. Leningrad: Nauka, 280 p.
- Panchenko, A. M. (1974). 'O smene pisatel'skogo tipa v Petrovskuyu epokhu', in: *18 vek*. Leningrad: Nauka. Vol. 9, 112–128.
- Rozanov, V. V. (1989). 'Tri momenta v razvitii russkoi kritiki', in: Rozanov, V. V. *Mysli o literature*. Moscow: Sovremennik, 177–191.
- Sazonova, L. I. (1987). 'Ot russkogo panegirika 17 veka k ode M. V. Lomonosova', in: A. S. Kurilov, ed. *Lomonosov i russkaya literatura*. Moscow: Nauka, 103–125.
- Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 896 p.
- Uspenskii, B. A. (1985). *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka 18 — nachala 19 veka. Yazykovaya programma Karamzina i ee istoricheskie korni*. Moscow: Nauka, 215 p.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti*. 2 vols. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. Vol. 2, 480 p.
- Zhivov, V. M., Uspenskii, B. A. (2002). 'Metamorfozy antichnogo yazychestva v istorii russkoi kul'tury 17–18 vekov', in: *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 461–531.

И. В. Федорова

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ РАЗЫСКАНИЯХ В ОБЛАСТИ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ*

Резюме

В статье представлен обзор истории археографических разысканий в области отечественной паломнической литературы петровского времени и проанализированы их результаты. Показано, что расширение источниковой базы исследования, произошедшее благодаря усилиям специалистов XIX — нач. XXI в., позволяет сегодня решать вопросы, связанные с литературной историей таких произведений, уточнить их атрибуцию, время совершения богомолий и их описаний. В статье предпринята попытка охарактеризовать специфику бытования паломнических рассказов в книжной культуре XVIII столетия, реконструирован социальный круг читателей.

Ключевые слова: археография, текстология, список, редакция, паломничество, Святая земля, паломническая литература, петровское время

Irina V. Fedorova

ARCHAEOGRAPHIC RESEARCH IN THE FIELD OF PILGRIMAGE LITERATURE PRODUCED IN THE TIME OF PETER THE GREAT

Abstract

This is an overview of the history of archaeological research in the field of Russian pilgrimage literature produced in the time of Peter the Great. The work, which was carried

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием ИРЛИ РАН в рамках Программы фундаментальных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» в 2022 г.

out by specialists in the 19th and early 21st centuries, led to an expansion of the source base for the study of the field. This allows us to examine issues related to the literary history of texts about pilgrimage, clarify their attribution, the date of a pilgrimage and the date when its description was written. The article reconstructs the social characteristics of readers of pilgrimage stories and attempts to describe the distinctive features of the circulation of these stories in eighteenth-century books.

Keywords: archaeography, textology, textual studies, manuscript copy, redaction, pilgrimage, Holy Land, pilgrimage literature, Petrine period

DOI 10.31860/2712-7591-2022-3-87-111

Академик А. М. Панченко воплотил в себе редкий тип ученого, органично совместившего работу в области полевой археографии с камеральными исследованиями русской литературы и культуры. Результаты его плодотворных поездок за рукописями на Русский Север представлены в отчетах и обзорах, опубликованных на страницах «Трудов Отдела древнерусской литературы», и воплощены в рукописях, привезенных из экспедиций 1950–1970 гг. для Древлехранилища Пушкинского Дома¹. Работа Александра Михайловича в этом направлении обогатила новыми списками средневековых «хождений» и отечественную паломническую литературу. В настоящей статье описана история археографических разысканий паломнических описаний Петровской эпохи и охарактеризованы их результаты.

* * *

Начало разысканий паломнических описаний петровского времени нужно связать с деятельностью А. С. Норова, который был паломником на Святую землю, описавшим свое богомолье, а также собирателем всего, «касающегося до паломнического отдела нашей литературы» [Леонид (Кавелин), с. I]. Благодаря этому в его библиотеке оказались и рассказы богомольцев петровской поры — *Хождение Иоанна Лукьянова*, *Путешествие Макария и Сильвестра*, *Путешествие Андрея Игнатъева*, *Пелгримация Ипполита Вишенского*, *Путник Варлаама Леницкого* [Норов, с. 101–102]. Об особом интересе ученого к ним свидетельствует то, что в книжном собрании А. С. Норова находились рукописные копии произведений, выполненные по его заказу. Как следует из комментариев, сопровождающих библиографическое описание «путешествий» в каталоге библиотеки А. С. Норова, *Путешествие Макария и Сильвестра* и *Путник Варлаама Леницкого* скопи-

¹ Деятельности А. М. Панченко-археографа посвящено немало работ, см., например: [Александр Михайлович Панченко, с. 8–10].

рованы с рукописей из собрания В. М. Ундольского, Пелгримация Ипполита Вишенского и Путешествие Андрея Игнатъева — списки с рукописей Императорской Публичной библиотеки [Норов, с. 102]. Хождение Иоанна Лукьянова в этом собрании было представлено изданием 1864 г.², хотя владелец отметил, что оно сохранилось и в «рукописях Имп. Публ. библиотеки... под именем Леонтия» [Норов, с. 101].

Очевидно, на эти комментарии А. С. Норова ориентировался архим. Леонид (Кавелин), разыскивая в рукописных собраниях списки описаний богомольцев петровского времени и готовя их к публикации³. Так, им была реконструирована история рукописи Путешествия Андрея Игнатъева, принадлежавшей сначала библиотеке князя Д. М. Голицына, затем рукописному собранию графа Ф. А. Толстого, а позднее попавшей в Императорскую Публичную библиотеку [Леонид (Кавелин), с. II]. Путешествие Макария и Сильвестра, Путник Варлаама Леницкого, как отмечено в издании архим. Леонида (Кавелина), перешли из библиотеки Норова в собственность Румянцевского музея⁴. Следовательно, речь шла о *копийных* списках последних произведений, но этот факт, похоже, издателя паломнических записок начала XVIII в. не смущал: «Где же находятся подлинники этих путешествий, неизвестно, доискаться их теперь было бы едва ли возможно, да и не видится в том особой надобности» [Леонид (Кавелин), с. III]. Добавим, что и шифры рукописей, использованных архим. Леонидом, не были указаны, что для того времени скорее было практикой, чем исключением.

Описания богомолий на Святую землю, совершенных с 1704 по 1722 г. священником Андреем Игнатъевым, иеромонахами Макарием и Сильвестром, иеромонахом Варлаамом, архим. Леонид (Кавелин) издал под заголовком «Паломники-писатели петровского времени» [Леонид (Кавелин), с. 1–77]. Так этот корпус источников условно называют исследователи и в наше время, включая в него еще четыре произведения. Это Пелгримация Ипполита Вишенского, Путник Сильвестра Диканского, Путешествие Матвея Нечаева и «Сказание путешествия от Константинополя до Святого града Иерусалима». Все произведения обнародованы еще в XIX в. и хорошо известны современной науке [см., например: Кириллина, с. 164–171]. Их хронологическая и типологическая близость, сходство в маршрутах, прой-

² Подробнее см.: [Seemann, S. 439, № 21].

³ Об этом см.: [Федорова 2020, с. 84–96].

⁴ В составе собрания рукописных книг А. С. Норова, хранящегося в Отделе рукописей РГБ (Ф. 201), не сохранились описанные владельцем рукописи паломнических записок. Поэтому предположение немецкого слависта К.-Д. Зееманна о том, что в нем могут находиться списки паломнических описаний петровского времени, несостоятельно [Seemann, S. 458].

денных к Палестине, и осмотре ее реликвий, репертуаре легендарных сюжетов, зафиксированных авторами, близость принципов описания и объектов поэтизации позволили К.-Д. Зеemannу представить корпус таких источников уже как особый период в истории развития русской паломнической литературы [Seemann, S. 377–403]⁵.

Обобщенный немецким славистом опыт археографических разысканий предшественников и его собственные камеральные исследования в этом направлении, а также работы специалистов второй половины XX — нач. XXI в. помогли не только установить современные места хранения уже известных списков, но и обнаружить новые рукописные копии произведений и тем самым расширить источниковую базу изучения паломнической литературы петровского времени.

Так, *Хождение Иоанна Лукьянова* сегодня известно в семнадцати списках: ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 13/1759, 191/1758, 261/1757; ГИМ. Музейское собр. № 437 и 2570; ГИМ. Собр. И. Е. Забелина. № 2570; ГИМ. Собр. П. И. Щукина. № 245; РГБ. Ф. 247 (собр. Рогожского кладбища). № 460; ГАТО. Ф. 1409 (Коллекция рукописных книг). Оп. 1. № 448 и 1468; РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1542 и 1543; РНБ. Q.IV.410 и F.IV.319; Древлехранилище ИРЛИ. Кол. В. Н. Перетца. № 532; Древлехранилище ИРЛИ. Кол. И. А. Смирнова. № 6; Собр. Черниговской духовной семинарии. № 150⁶.

Еще один список 1780 г., под заголовком «Книга Леонтия старца хождение его от Москвы до Иерусалима», некогда принадлежал библиотеке Императорского Православного Палестинского общества, но затем долгое время рукопись не удавалось найти. В настоящее время она хранится в РО БАН. Собр. ИППО. № 5327 (162 л.)⁷.

⁵ Эта идея получила развитие в работах С. Н. Травникова, сделавшего акцент на литературно-эстетических особенностях паломнических описаний петровского времени и рассмотревшего их как произведения низового барокко [Травников 1987; 1989]. Учитывая, что большая часть паломников Петровской эпохи — выходцы из Малороссии (Макарий и Сильвестр, Ипполит Вишенский, Варлаам Леницкий, Сильвестр Диканский), то их произведения являются органичной частью украинской паломнической литературы, как она представлена в монографии П. Билоуса [Билоус, с. 32–35].

⁶ Подробнее см.: [Seemann, S. 458; Поньрко, с. 157; Ольшевская, Решетова, Травников, с. 487–517].

⁷ Номер приводим по инвентарной описи. В настоящее время собрание Императорского Православного Палестинского общества описывают специалисты Отдела рукописей БАН В. Г. Подковырова и Е. С. Дилигул. Сердечно благодарю В. Г. Подковырову за возможность ознакомиться с рукописью.

До сих пор не удалось обнаружить новых рукописных копий «Сказания путешествия от Константинополя до Святого града Иерусалима», известного по рукописи, датированной Х. М. Лопаревым началом XVIII в., — РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 916. Л. 246–251 об.⁸ — или его полнотекстовой версии, если вслед за ученым воспринимать это Сказание как фрагмент неизвестного пространного описания богомолья либо как «подготовительные записки» для него [Лопарев, с. 13].

В рукописи РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 717 сохранилось *Путешествие Макария и Сильвестра* [Seemann, S. 458, № 22]. Его текст впервые был опубликован архим. Леонидом, о чем свидетельствуют следующие особенности, характерные для публикации и рукописи. В рукописном тексте содержится отмеченный издателем пропуск (либо он был в общем для списков протографе): «...а тотъ листъ намъ выправиль резидент московский Петр Андреевич Толстой, и тот лист вельми нам спомоществовалъ. А ежели бь мы во Иерусалимъ съ своими деньгами <...> Во Иопии церковь едина Святаго великомученика Георгия...» (л. 13 об.)⁹. В рукописи оставлены пустые места размером три-четыре строки, очевидно, для дальнейшего вписывания названий глав. Архим. Леонид (Кавелин), воспроизводя текст, сохранил такую структуру рукописи. Предположение К.-Д. Зееманна о списке Путешествия Макария и Сильвестра, хранящемся в Библиотеке Академии наук Украины [Seemann, S. 458], подтвердил С. Н. Травников: им приведен шифр рукописи — ЦНБ АН УССР¹⁰. Ф. Киево-Печерской лавры. № 82/704 [Травников 1987, с. 32, примеч. 92].

В единичных списках пока известно еще два произведения эпохи. *Путешествие Андрея Игнатъева* сохранилось в списке 1732 г. — РНБ. Q.IV.16. В приписке на л. 71 сказано, что он переписан в 1732 г. в «обители Живоносного Христова Воскресения монастыря Новаго Иерусалима» казначеем монахом Пахомием Агановым. Как известно, автор Хождения Андрей Игнатъев, вернувшись на родину, принял постриг в Новоиерусалимском монастыре под именем Аарон¹¹, поэтому в обители могло быть известно описание его паломничества на Святую землю. Следовательно, можно думать, что список РНБ. Q.IV.16 есть одна из копий авторского текста. Возможно,

⁸ Современная датировка кодекса, в составе которого читается этот текст, — конец XVII в. — не противоречит включению его в корпус паломнической литературы петровского времени, см.: [Рукописные книги собрания Погодина, с. 79].

⁹ Ср. с изданием произведения [Леонид (Кавелин), с. 8, примеч. 7].

¹⁰ В настоящее время — Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского.

¹¹ Подробнее об этом см.: [Леонид (Кавелин), с. II].

дальнейшие поиски позволят обнаружить списки в собрании Александровского художественно-краеведческого музея (Владимирская обл., г. Александров) или в Епархиальном собрании ГИМ, которые немецкий ученый указал как вероятные места их хранения [Seemann, S. 458], но пока достоверных сведений об этом нет.

С XIX в. *Пелгримация Ипполита Вишенского* известна по рукописи РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1544. От копии, снятой с нее для А. С. Норова, в его архиве сохранилось два листа формата in folio, аналогичного рукописи, — РНБ. Ф. 531 (архив А. С. Норова). № 840¹². Погодинская рукопись не является оригиналом произведения, была переписана Иоанном Евменовичем Аршуком в 1727 г., но «из каких рук получил этот список сам Аршук и существуют ли другие списки, — неизвестно» [Розанов, с. XLV]. Авторы новейшего издания *Пелгримации* полагают, что существовало не менее трех списков произведения: автограф Ипполита Вишенского, неизвестный список с него и его копия 1727 г. [Травников, Ольшевская 2019, с. 250]. По их мнению, Ипполит Вишенский был отправлен в Палестину с тайной миссией — прояснить возможность получения Украинской церковью автокефалии, поэтому ожидать большого количества списков этого произведения не приходится, так как в тиражировании ее текста не был заинтересован Иоанн Максимович — «один из главных инициаторов путешествия. Когда-то вместе с Мазепой лелеявший мысль о независимости Украинской церкви от русского патриархата (...) Появление и распространение путевых записок Вишенского могло стать причиной нового следствия по делу „мазепинцев“, что грозило иерарху церкви, как и автору книги, судом и казнью» [Травников, Ольшевская 2019, с. 250].

Иначе обстоит дело с *Путником Варлаама Леницкого*. Если архим. Леониду (Кавелину) он был известен в одном списке — РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 1221, то К.-Д. Зеemann привел шифры пяти рукописей [Seemann, S. 392, note 30; 458]. С. Н. Травников и Л. А. Ольшевская указали восемь списков этого рассказа о богомолье, а именно: РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 3111; РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 1221; БАН. 26.3.68; ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. № 132; ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 1780; ГИМ. Собр. Н. П. Вострякова. № 1270; РГАДА. Ф. 18 (Духовное ведомство). № 27; ЦНБ АН Украины. Собр. Историко-филологического института кн. Безбородко. № 36 [Травников, Ольшевская 2010, с. 756—

¹² Такие же научные копии при подготовке к изданию паломнических рассказов с помощью А. Ф. Бычкова получал и архим. Леонид (Кавелин). Подробнее об этом см.: [Федорова 2020, с. 84–96].

758]. К известным сегодня рукописям Путника Варлаама Леницкого добавим список первой трети XVIII в.¹³, обнаруженный нами, — РНБ. Q.IV.110 (л. 31–65).

Для списка *Путешествия Матвея Нечаева*, о котором упомянул его издатель Н. П. Барсов [Барсов, с. 1], немецким исследователем был установлен номер рукописи — РНБ. Q.IV.244 [Seemann, S. 458]. Издатель отметил, что рукопись подарена библиотеке П. И. Гундобиним, сделавшим на ней помету «автограф». Однако описки, ошибки, пропуски и пробелы в тексте заставили Барсова усомниться в том, что она принадлежала автору, поэтому он справедливо предположил, что рукопись — «скорее всего, список с оригинала, притом список, сделанный не очень даже сведущим любителем душеспасательного чтения, но, тем не менее, современный оригиналу. Сверх того, в рукописи недостает двух четверток» [Барсов, с. 1]. Правоту издателя подтверждают и палеографические особенности рукописи: по филиграням бумаги она может быть датирована только серединой XVIII в.¹⁴ Несмотря на неудовлетворительное состояние списка РНБ. Q.IV.244, его текст был обнародован, так как попытки Барсова разыскать другие рукописные копии рассказа ярославского паломника оказались бесплодными¹⁵. В рукописи РГБ. Ф. 722 (собр. Единичных поступлений книг древней традиции). № 127 (л. 108) Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников обнаружили отрывок из этого произведения [Ольшевская, Травников, с. 378]. Вслед за К.-Д. Зеemannом исследователи обратили внимание и на первую публикацию *Путешествия Матвея Нечаева* на страницах «Ярославского литературного сборника на 1849 год», оставшуюся неизвестной Барсову: в этом издании описание «ярославского жителя» воспроизведено по списку, местонахождение которого до сих пор не установлено [Seemann, S. 396, note 39; Ольшевская, Травников, с. 378]. О рукописи со слов издателей известно, что она «принадлежит, как видно по бумажным знакам, к половине прошедшего столетия» и является копией оригинального текста, «искаженного рукою и невежеством переписчика, так что в некоторых местах трудно угадать подлинный смысл ори-

¹³ По филиграням бумаги рукопись может быть датирована 30-ми гг. XVIII столетия. Филигрань: Герб города Амстердама, типа — Дианова, № 339 (1727 г.), № 349 (1733 г.), № 350 (1735 г.), № 386 (1711–1712 гг.). Уточнить датировку помогает опись 1737–1738 гг. Архангельской библиотеки князя Д. М. Голицына, которой принадлежала рукопись в эти годы. Следовательно, создана она не позднее этого времени. См.: [Градова, Клосс, Корецкий, с. 246].

¹⁴ Филигрань: Герб г. Ярославля с литерами ЯӨЗ, типа — Клепиков, № 3 (1748–1751 гг.).

¹⁵ Н. П. Барсов признавался: «...в течение с лишком пяти лет нам не удалось встретить другого, более исправного, — да и вообще „Хождение“ Нечаева остается, как кажется, неизвестным памятником литературы того времени» [Барсов, с. 1].

гинала» [Ярославский литературный сборник, с. 130–131]¹⁶. Этот список Путешествия издатели посчитали неполным, так как рассказ о богомолье заканчивается сообщением об отправлении паломников на родину, но описания обратного пути не содержит, а потому «оставляет читателя в неудовлетворенном ожидании продолжения» [Там же, с. 131]. Со своей стороны назовем еще один список Путешествия Матвея Нечаева, датируемый серединой XVIII в.¹⁷, — РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 159/1236 (л. 80–116). Как и в других списках, в этой рукописи текст полностью не сохранился: отсутствуют предисловие и эпилог о благополучном поклонении святым местам и возвращении в Россию, характерные для списка РНБ. Q.IV.244. При этом легенда о колонне Огня («Кривая Пасха») в рукописи из Кирилло-Белозерского собрания, как и в издании 1849 г., передана полностью (см. л. 112–113), а в опубликованном Барсовым списке лист с этой легендой потерян [Барсов, с. 31]. Также утрачен и лист с рассказом о пребывании паломника в Константинополе [Барсов, с. 10]: в нашей рукописи этот фрагмент текста читается на л. 88–89. Таким образом, составить представление о полном тексте Путешествия Матвея Нечаева возможно, если учитывать все известные списки, которые дополняют друг друга, но еще предстоит осуществить их текстологическое изучение.

Путник (или Путешествие) Сильвестра Диканского до сих пор цитируется специалистами по публикации его фрагмента на страницах журнала «Труды Киевской духовной академии» [Петров, с. 1–14], выполненной по рукописи, некогда принадлежавшей М. Г. Щербаку¹⁸. О местонахождении рукописи долгое время не было сведений, пока С. Н. Травников не отождествил ее с рукописью из собрания Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, указав шифр — ЦНБ АН УССР. ДА/404 л. [Травников 1987, с. 53, примеч. 168]. Благодаря разысканиям Е. К. Ромодановской обнаружена полнотекстовая версия произведения — НБ ТГУ. В-878 [Ромодановская, с. 346, № 28]. Еще один список произведения РНБ. Q.IV.485 датирован нами 1740–1750-ми гг. [Федорова 2019, с. 45–51]¹⁹. Сведения о списке Путника Варлаама содержатся и в описи Архангельской библио-

¹⁶ «Проблемные» места в тексте издаваемой рукописи Путешествия Матвея Нечаева авторы публикации отмечали многоточием. См.: [Ярославский литературный сборник, с. 137, 151, 153, 161, 169, 177].

¹⁷ На листах с Путешествием Матвея Нечаева филигрань: Герб г. Ярославля с литерами ЯӨЗ, типа — Клепиков, № 3 (1748–1751 гг.).

¹⁸ К.-Д. Зеemann, не сумев найти ни этот список, ни какой-нибудь другой, так и описал киевскую рукопись, опираясь на сообщение издателя, — «Киев, М. Г. Щербак» [Seemann, S. 458].

¹⁹ Этот список упомянул С. Н. Травников на страницах учебного пособия, посвященного проблемам историзма паломнической литературы петровского времени [Травников 1987, с. 53,

теки князя Д. М. Голицына, где он указан под № 210 [Градова, Клосс, Корецкий, с. 246 (№ 210), 252 (№ 210)], но его местонахождение не установлено. Возможно, что еще один список, под заголовком «Путешествие иеромонаха Сильвестра Рыхловской обители», не имеющий начала, помещен в сборник XVIII в. из собрания Е. В. Барсова под № 1778 (ГИМ). Однако эту информацию еще предстоит уточнить, так как рукопись пока нам недоступна и вызывает сомнение замечание ее бывшего владельца о том, что это «то же Путешествие», что и в собрании В. М. Ундольского (№ 717), в котором сохранилось Путешествие Макария и Сильвестра. Вероятно, Е. В. Барсова ввело в заблуждение совпадение имен паломников 1704 и 1722 гг., но указанный в описи Рыхловский монастырь²⁰, игуменом которого был Сильвестр Диканский, позволяет думать, что рукопись сохранила текст его Путника.

Введение в научный оборот новых списков паломнических описаний предоставило специалистам возможность обратиться к изучению их литературной истории. Если известные Н. В. Поньрко 13 списков Хождения Иоанна Лукьянова были распределены «на 3 варианта, разнящихся между собой только началом. Текст собственно паломничества во всех списках идентичен, не считая мелких разночтений» [Поньрко, с. 157], то в новейшем исследовании рукописная традиция Хождения представлена уже тремя редакциями — Первой, Второй и Третьей, однако ни одна из них в полном объеме не отразила авторский текст [Ольшевская, Решетова, Травников, с. 504, 514, 521, 530], а потому необходимо продолжить исследование литературной истории этого Хождения и прояснить, каким образом выделенные редакции связаны между собой и с текстом, вышедшим из-под пера богомольца.

В списках Путника Варлаама Леницкого, как показали авторы новейшего его исследования, сохранился один и тот же вид текста, переданный списками с небольшими разночтениями [Травников, Ольшевская 2010, с. 756–758, 780–794]. Однако не все списки Путника Варлаама Леницкого, названные С. Н. Травниковым и Л. А. Ольшевской, были ими исследованы [Там же, с. 758]. Следовательно, не все возможности изучения истории текста исчерпаны. В этом убеждает и найденный нами список РНБ. Q.IV.110, в котором произведение читается под нетрадиционным для него названием

примеч. 168]. Очевидно, что из-за характера издания приведенная ученым информация осталась без внимания специалистов.

²⁰ Имеется в виду Свято-Николаевский Пустынно-Рыхловский монастырь, расположенный в черниговском селе Рыхлы. Паломники 1704 г. Макарий и Сильвестр тоже были выходцами с Черниговщины, но принадлежали братии Спасо-Преображенского монастыря г. Новгорода-Северского.

«Трактъ от Царяграда до Иерусалима водянымъ путемъ»²¹. Характеристика текстуальных особенностей этого списка — предмет специальной статьи, которую мы планируем опубликовать, но уже сейчас можно говорить, что в нем сохранилась *редакция*²² Путника Варлаама Леницкого — результат сложной работы с авторским текстом, который подвергся сокращению и парафразу, изменена субъектная организация повествования. В результате редакторской работы *описание* богомолья было адаптировано к форме «*путеводителя*», или, используя определение составителя сборника РНБ. Q.IV.110, «тракта».

Если текстуальные особенности известных в настоящее время четырех списков Путешествия Матвея Нечаева еще предстоит описать, то изученные нами три списка Путника Сильвестра Диканского позволяют говорить о том, что в них дошел оригинальный текст произведения и его Интерполированная редакция²³. Редакторская работа с текстом Сильвестра Диканского, как и в случае со списком РНБ. Q.IV.110 Путника Варлаама Леницкого, отличается сложностью и разнообразием использованных редактором приемов: сокращение, пересказ источника, перестановка местами фрагментов текста, расширение описания через интерполяцию новых сведений, стилистическое редактирование. Сопоставление текста списков опровергает предположение С. Н. Травникова, что фрагмент рукописи, опубликованный в 1883 г. и по месту хранения называемый Киевским, и список РНБ.Q.IV.485 — две части одной рукописи. Предпринятое нами их сравнение показало, что в списках сохранились разные варианты текста Путника Сильвестра Диканского [Федорова 2022]. Киевский список точнее передал авторский текст, а список РНБ.Q.IV.485 вторичен по отношению к нему и воспроизводит новую редакцию произведения. К тому же в обоих списках содержится рассказ о посещении паломником Константинополя, и в его передаче списками обнаруживаются разночтения, что невозможно для текста некогда единой рукописи [Федорова 2019, с. 48–51].

²¹ Так, в рукописи РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 1221 произведение названо «Пегринуация, или Путник, в немже описуеться путь до Святаго града Иерусалима и вся святая места палестинская от иеромонаха Варлаама, бывшаго тамо в 1712-м году». В издании С. Н. Травникова и Л. А. Ольшевской по списку РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 3111 текст заголовка не имеет [Травников, Ольшевская 2010, с. 758].

²² Мы сознательно пока отказываемся давать этой редакции название, так как оно должно отразить характер редакторской работы и учитывать общий замысел составителя сборника РНБ. ОСПК. Q.IV.110, возможного автора новой редакции Путника Варлаама Леницкого.

²³ Подробно текстуальные особенности этих списков охарактеризованы нами в работе: [Федорова 2022].

Расширение источниковой базы изучения паломнической литературы Петровской эпохи позволяет уточнить, а в ряде случаев скорректировать представления, устоявшиеся в науке, о таких вопросах литературной истории произведений, как атрибуция и время создания. Например, богатство рукописного материала, в котором сохранилось Хождение Иоанна Лукьянова, помогло отождествить московского священника Иоанна Лукьянова, названного одним из списков автором Хождения, и старца Леонтия, на которого как на богомольца и автора описания указывает большинство рукописных копий, с ветковским старообрядческим священником Леонтием²⁴.

Фамилию иеромонаха Киево-Печерской лавры Варлаама — Леницкий — большинство списков не указывает: такой список был и в руках архим. Леонида (Кавелина), издавшего Путник [Леонид (Кавелин), с. 55]. Принадлежность богомольца к роду Леницких установила В. П. Адрианова, которой удалось познакомиться со списком из собрания библиотеки г. Нежина [Адрианова, с. 49]²⁵. Называет паломника Варлаамом Леницким и заголовок списка ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. № 132: «Проскинитарий, или Путник, всечестнаго иеромонаха Варлаама Лиеницкаго, игумена Святомихайловскаго Киевскаго, до Святаго града Иерусалима...» [Травников, Ольшевская 2010, с. 780, примеч. 1].

Полнотекстовая версия Путника Сильвестра Диканского, найденная Е. К. Ромодановской, прояснила атрибуцию и этого текста. Первый издатель опубликовал оказавшийся у него в руках фрагмент произведения под названием «Описание путешествия иеромонаха Рыхловского Николаевского монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим в 1722 г.». Посчитав, что рукопись датируется первой четвертью XVIII в., то есть близка по времени к богомолью монахов, он предположил, что писали ее оба паломника: «...большая часть рукописи писана иеромонахом Сильвестром и самая незначительная Никодимом» [Петров, с. 2]. Рукопись В-878 из собрания Научной библиотеки Томского университета убеждает в том, что автором этого рассказа был иеромонах Сильвестр, а Никодим — его спутник²⁶. Об этом прямо сказано в заглавии рукописи, где названа и фамилия (прозвище?) автора: «Сия книга Путник странствия моего трудом и тщанием мною,

²⁴ Об этом и историю вопроса см.: [Понырко, с. 157–158].

²⁵ Очевидно, это один из ранних списков произведения, который С. Н. Травниковым и Л. А. Ольшевской обнаружен под № 36 в собрании Историко-филологического института князя Безбородко Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского [Травников, Ольшевская 2010, с. 756].

²⁶ Так о нем отзывается Сильвестр: «Мене з моим путешественником, иеромонахом Никодимом, перевели до монастыря святого архангела Михаила...» (НБ ТГУ. В-878. Л. 15).

иеромонахом Сильвестром Диканским, игуменом обители Рихловской, написан прежде в Палестинской стране, в Святом граде Иерусалиме, в року 1722, а ныне в року 1728 в монастыру Рихловском. Декаврия 6» (л. 1)²⁷. Указание 1722 г. как времени описания паломничества является еще одним фактом в пользу того, что этим годом богомолье иеромонахов завершилось, а не начиналось, на что обратили внимание Л. А. Беляев и Қ. А. Вах, обнаружившие на стене Архангельского монастыря в Иерусалиме граффити с именами обоих паломников и датой посещения Святого града — 1722 г. [Беляев, Вах, с. 96]. Однако заголовок Томской рукописи опровергает предположение этих исследователей о 1728 г. как времени составления Путника [Там же], — это время копирования авторского текста и появления рукописи НБ ТГУ. В-878²⁸.

Традиционно началом богомолья на Святую землю Макария и Сильвестра из Спасо-Преображенского монастыря Новгорода-Северского считается 3 декабря 1704 г., указанное в рукописи РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 717. На это сообщение текста опирался его первый издатель, реконструируя хронологию паломничества [Леонид (Кавелин), с. 1, примеч. 1]. С. Н. Травников обратил внимание на то, что в рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке Украины, сказано, что иеромонахи Макарий и Сильвестр покинули монастырь 31 декабря 1704 г. [Травников 1987, с. 32, примеч. 92], тогда как в списке из собрания В. М. Ундольского сообщается, что 31 декабря паломники дошли до Киева (см. публикацию текста: [Леонид (Кавелин), с. 1]). Таким образом, прояснить это чтение и уточнить дату начала богомолья иеромонахов получится в том случае, если будут обнаружены новые списки произведения.

По-разному определяют время паломничества Матвея Нечаева и списки его Путешествия, называя 1719–1720 и 1721–1722 гг. [Ольшевская, Травников, с. 377]. Решить вопрос помогло сообщение текста о встрече Нечаева в Константинополе с послом И. И. Неплюевым, прибывшим туда в 1721 г. На этом основании путешествие купца на христианский Восток датируется 1721–1722 гг. [Ольшевская, Травников, с. 377]. В обнаруженном нами списке Путешествия также указано «лѣто от воплощения Слова

²⁷ Описание собрания рукописей Научной библиотеки Томского университета, выполненное Е. К. Ромодановской, С. Н. Травникову осталось неизвестно, но, опираясь на «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода», он считал, что «Диканский» — прозвище, под которым Сильвестр был известен в монашеской среде [Травников 1987, с. 54].

²⁸ Подробнее о списках Путника Сильвестра Диканского, особенностях его литературной истории см.: [Федорова 2022].

Божия 1721 году» как начало пути из Ярославля в Иерусалим (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 159/1236. Л. 80).

Сохранившиеся в некоторых рукописях владельческие и писцовые записи позволяют представить социальную среду читателей, у которых паломническая литература вызывала интерес, и географию ее распространения.

Так, Хождение Иоанна Лукьянова «бережно хранилось, читалось, переписывалось и редактировалось в старообрядческой, по преимуществу купеческой, среде» [Ольшевская, Решетова, Травников, с. 531]. Его читали ржевские, новгородские, петербургские и московские купцы, добренские и торжокские мещане [Ольшевская, Решетова, Травников, с. 487–492, 496, 531]. Этот круг читателей Хождения пополним священником Афанасие-Кирилловской церкви г. Белева Тульской губернии Алексеем Ивановым, переписавшим ее, как о том сообщает приписка в рукописи БАН. Собр. ИППО. № 5327 (л. 162). Сборник РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 916 со «Сказанием путешествия от Константинополя до Святого града Иерусалима» в XVIII–XIX столетиях принадлежал разным владельцам, проживавшим в селах Вятской губернии и в самом г. Хлынове (Вятка): среди них Иван Веретенников — «Хлынова города посадский человек» — и коллежский регистратор из села Вязовского Андрей Нестеров [Рукописные книги собрания Погодина, с. 80–81]. Список Пелгримации Ипполита Вишенского РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1944 выполнен пресвитером церкви Святой Троицы селения Старый Кривец на Черниговщине [Розанов, с. XLV]. Одна из рукописей Путника Варлаама Леницкого принадлежала священнику «Иякову Трофимову» из села Леонтьевского «Колязинского уезду Жабинского стану» Тверской губернии, а после его смерти перешла к сыну — дьячку Ивану Яковлеву. Еще один список Путника из собрания В. М. Ундольского (№ 1221) переписан Федором Логиновым, дьяконом «Сретенского сорока церкви Воздвижения Честнаго Креста Господня» [Ольшевская, Травников 2010, с. 757–758]. Рукопись Путника Сильвестра Диканского НБ ТГУ. В-878 — подносной экземпляр, подготовленный в Николаевском Рыжловском монастыре для митрополита Тобольского и Сибирского Антония (Стаховского)²⁹. В его библиотеке рукопись оставалась до смерти владельца [Мангилев, с. 55], поэтому можно думать, что архипастырь с содержанием этого описания богомолья по Святой земле был знаком, впоследствии рукопись перешла в собрание Тобольского древлехранилища [Ромодановская, с. 346, № 28].

²⁹ На это прямо указывает посвящение, открывающее текст (НБ ТГУ. В-878. Л. 1 об.–III), и сохранившееся сопроводительное письмо Сильвестра Диканского, приложенное к рукописи.

О социальной принадлежности читателей и переписчиков Путешествия Матвея Нечаева сведений не сохранилось, но можно говорить, что оно получило распространение в Ярославской земле, на родине паломника. Так, фрагмент из Путешествия читается в пространной рукописи, принадлежавшей местному жителю Кузьме Алексеевичу Шапкину (РГБ. Ф. 722 (собр. Единичных поступлений книг древней традиции). № 127. Л. 1). Ярославское происхождение сборника отражают и приписки разного времени, посвященные местным событиям, сохранившиеся в кодексе (см. л. 216) и на обороте нижней крышки переплета. Впервые Путешествие Матвея Нечаева было издано на страницах «Ярославского литературного сборника на 1849 г.» — регионального издания, ориентированного на публикацию местного материала, что особо подчеркивали его авторы: «...он истинно ярославский: чужого, иногородного в нем нет» [Ярославский литературный сборник, нумер. с.]. Поэтому и Путешествие Матвея Нечаева привлекло их не только своим содержанием, но и тем, что оно — «памятник ярославской письменности» [Там же, с. 128]. Очевидно, что и найденная издателями рукопись имела местное происхождение. Как и рукопись РНБ. Q.IV.244, принадлежавшая купцу-коллекционеру П. И. Гундобину, который проживал в Рыбинске Ярославской губернии.

Среди купечества и представителей торговой среды, мелкого служилого люда, крестьян и духовенства, согласно наблюдениям М. Н. Сперанского, в XVIII столетии распространялись и сборники, в состав которых входили «хождения» эпохи Средневековья [Сперанский, с. 86–90]. Таким образом, паломнические описания и старшей традиции, и петровского времени в XVIII в. вызывали интерес у читателей, происходивших из «низовой» среды, проживавших в разных губерниях России и в Малороссии. Выходцами из этой среды были и паломники XVIII в., посетившие Святую землю и описавшие свои богомолья³⁰. Полным представлением о социальном составе владельцев, читателей и составителей сборников с «хождениями» эпохи Средневековья, чтобы сравнить его с данными XVIII в., современная наука не обладает. Имеются отдельные наблюдения, опираясь на которые можно говорить, что сборники с «хождениями» составляли и переписывали преимущественно в монастырских скрипториях, среди которых были такие крупные книжные центры Древней Руси, как Кирилло-Белозерский мона-

³⁰ В этой связи интересным кажется предположение С. Н. Травникова и Л. А. Ольшевской, что одной из причин, побудивших Ипполита Вишенского совершить паломничество в Иерусалим, стало его знакомство с Путешествием Макария и Сильвестра [Травников, Ольшевская 2019, с. 141]. Правда, весомых аргументов в пользу этого исследователи не привели, а в тексте Пеллигримации следов знакомства с рассказом этих паломников не содержится.

стырь, Троице-Сергиева лавра, Соловецкая обитель [Seemann, S. 143, 150; Федорова 2004, с. 229–238]. То есть «хождения» как душеполезный рассказ были частью репертуара келейного чтения монахов. Они же были их редакторами, как, например, Ефросин Белозерский и книжники Кирилло-Белозерского монастыря последней трети XV — начала XVI в. И в этом мы склонны видеть одно из отличий бытования «хождений» в древнерусской книжности от истории тиражирования паломнических описаний в XVIII в.

Доступный рукописный материал позволяет говорить, что произведения писателей-паломников петровского времени в книжной культуре столетия распространялись в составе сборников и как списки. В сборники включались произведения небольшого объема либо выписки из них. Например, «Сказание путешествия от Константинополя до Святого града Иерусалима» помещено в сборник РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 916 как дополнительная статья к «Звезде Пресветлой» — чудесам Богородицы [Рукописные книги собрания Погодина, с. 79]. Фрагмент из Хождения Иоанна Лукьянова читается в составе старообрядческого сборника: Древлехранилище ИРЛИ. Кол. И. А. Смирнова. № 6 перед выписками из первой и третьей части Проскинитария Арсения Суханова. В сборник духовно-нравственного содержания РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 159/1236³¹ включено Путешествие Матвея Нечаева. А его фрагмент переписан в пространным кодексе РГБ. Ф. 722 (собр. Единичных поступлений книг древней традиции). № 127, где среди статей и выписок историко-литературного и естественно-научного содержания находится еще один рассказ о реликвиях Палестины — Хождение Трифона Коробейникова. Сборник с Путником Варлаама Леницкого РНБ. Q.IV.110 — это комплекс «дорожников», описывающих разные маршруты внутри России и Малороссии и за их пределами, в Константинополь, Иерусалим, Венецию, а также способы передвижения. А в рукописи РГБ. Ф. 178. № 3111 этому произведению предшествует «Сказание о Соловецком монастыре и об Афонской горе» Иоанна Дамаскина, датируемое 1701–1706 гг. Такой же двусоставный характер свойственен кодексу РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 717, где читается Путешествие Макария и Сильвестра и Повесть о крестном сыне.

³¹ Состав сборника обширный, в нем преобладают статьи духовно-нравственного содержания: проповеди (в день Казанской иконы Богородицы, на перенесение мощей Николая Мирликийского), «О вере» патриарха Геннадия, «Увещание к родителям о воспитании детей», Сказание Иеронима об Иуде-предателе, выписки из Духовного регламента, сочинения Стефана Яворского (прощальное слово, Завещание, Прощание с книгами, Эпитафия), «О святых иконах zde вопль и клич иконоборцев».

Тенденция тиражирования паломнических описаний отдельными списками зародилась в XVII в., когда в литературном обиходе появились такие пространные описания святых мест, как Проскинитарий Арсения Суханова и русский перевод 1677 г. польскоязычного издания «Путешествия в Святую землю и Египет» князя Николая Радзивилла (паломничество 1582–1584 гг.), которые совместить с другими статьями в одной рукописи было сложно. В XVIII в. эта практика продолжилась, и, как показывают сохранившиеся источники, способы распространения паломнических рассказов не всегда уже зависели от их объема. В отдельных списках дошли до нас и небольшие паломнические описания³²: — Путешествие Андрея Игнатъева, Путешествие Макария и Сильвестра, Путник Варлаама Леницкого, Путешествие Матвея Нечаева, — и пространные рассказы о богомолье в Иерусалим: Хождение Иоанна Лукьянова, Пелgrimация Ипполита Вишенского, Путник Сильвестра Диканского. Заметим, что «путешествия» по Святой земле, пополнившие репертуар паломнической литературы с середины XVIII в., распространялись преимущественно как самостоятельная книга — рукописная и / или печатная. Как и раньше, этому способствовала пространность содержания.

Так, «История жизни младшего Григоровича» архимандрита Леонтия (Зеленского) занимает 13 томов. Из четырех списков³³ книги «Пешеходец» Василия Григоровича-Барского (богомолье 1723–1747 гг.), известных Н. П. Барсукову, только один был включен в состав кодекса — рукопись из собрания Казанского университета, в которой сочинение передано не полностью, а содержит только описание Кипра и Афона, после которого читаются еще несколько статей [Странствования Василья Григоровича Барского, с. XLI–XLII]. Таким образом, если описание Григоровича-Барского и включалось в сборники, то это были *фрагменты* из его книги, содержание которых заинтересовало составителей рукописей. Назовем еще один такой сборник — РНБ. Q.XVII.319, где на л. 167–181 переписан фрагмент из «Пешеходца», а за ним следует «Описание Иерусалима» Симона Симоновича (л. 181 об. — 185), впервые переведенное Василием Григоровичем-Барским с греческого и включенное в его книгу³⁴. Возможно, на распростра-

³² Как правило, это рукописи формата 4°, содержащие 35–50 л., реже — 70 л., как список Путешествия Андрея Игнатъева РНБ. Q.IV.16.

³³ К.-Д. Зеemann привел шифры 10 рукописей произведения Василия Григоровича-Барского [Seemann, S. 458, № 28].

³⁴ Фрагмент этого же перевода, извлеченный из «Пешеходца», помещен в состав кодекса РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 6388 (л. 56–56 об.), не учтенный К.-Д. Зеemannом. Можно пред-

нение паломнических рассказов как самостоятельных рукописей оказала влияние печатная книга: во второй половине XVIII в. наряду с рукописным способом тиражирования паломнических описаний стали появляться их издания. В 1778 г. увидело свет первое издание «Пешеходца» Василия Григоровича-Барского, в конце века, в 1783 и 1786 гг., опубликовано Хождение Трифона Коробейникова, в 1787 г. обнародован второй русский перевод «Путешествия в Святую землю и Египет» князя Николая Радзивилла, осуществленный с издания на латинском языке. Уникальный случай представляет собой описание паломничества Мелетия, иеромонаха Саровской пустыни, совершенного в 1793–1794 гг., в 1798 г. оно уже было опубликовано, а спустя два года появилось второе издание, что не способствовало тиражированию произведения в рукописных списках, хотя подлинная рукопись сохранилась — РГАДА. Ф. 357 (собр. Саровской пустыни). № 114.

Обратим внимание еще на один момент. Введенные в научный оборот списки паломнических описаний в большинстве своем датируются первой пол. XVIII в., то есть хронологически близки времени совершения богомолья и оформлению рассказа о нем. Исключение составляет Хождение Иоанна Лукьянова, которое в старообрядческой среде переписывали и в XIX в.³⁵ Чем можно объяснить этот факт? На наш взгляд, причина кроется в том, что в книжной культуре XVIII в. наряду с современными паломническими рассказами широкое распространение получили и памятники старшей традиции. В это время продолжали переписывать Хождение игумена Даниила и Хождение Трифона Коробейникова, Проскинитарий Арсения Суханова, Ксенос иеродиакона Зосимы и Хождение Василия Гагары [Сперанский, с. 158; Федорова 2004, с. 242–243]. Поэтому у читателей эпохи был богатый выбор памятников, рассказывающих о странствии по Святой земле и ее реликвиях, и их не только читали и переписывали, но и использовали

положить, что названными рукописями распространение в сборниках фрагментов из книги Василия Григоровича-Барского не ограничилось и если будут обнаружены новые списки, то появится возможность представить их уже как самостоятельную ветвь рукописной традиции этого произведения. Напомним и о том, что книга «Описание Иерусалима» Симона Симоновича с гравюрами Христофора Жефаровича в конце XVIII — XIX в. пользовалась большой популярностью среди читателей, выдержала несколько переизданий и распространялась в рукописных списках. Некоторые из них приведены К.-Д. Зеemannом [Seemann, S. 459, № 10].

³⁵ Этим временем датируется пять списков, см.: [Поньрко, с. 157; Ольшевская, Решетова, Травников, с. 495–501]. А потому, как полагают исследователи, дальнейший «поиск новых списков и редакций произведения прежде всего следует вести среди собраний старообрядческих книг, в коллекциях рукописей, принадлежавших купцам, причем не только в центральных, но и в областных архивохранилищах страны» [Ольшевская, Решетова, Травников, с. 530].

для создания новых произведений³⁶. Показательна в этом случае анонимная компиляция под заголовком «Описание Святого града Иерусалима, собрано от различных странников и достоверных писателей», сохранившаяся в рукописи РНБ. Q. XVII. 85 (л. 1–9). Это описание Иерусалима составлено не ранее 1721 г. и не позднее конца 1730-х гг. из фрагментов, заимствованных автором из Проскинитария Арсения Суханова, Хождений игумена Даниила и Трифона Коробейникова, а также сведений из Проскинитария Арсения Каллуды, переведенного Евфимием Чудовским с греческого в 1686 г. [Федорова 2016, с. 114–116].

Об авторитете и актуальности средневековых «хождений» для литературного обихода XVIII в. свидетельствует и то, что к ним обращались книжники, редактируя описания паломников петровского времени. Примером этого могут служить так называемые Вторая и Третья редакции Хождения Иоанна Лукьянова, текст которых начинается преамбулой, заимствованной из Хождения игумена Даниила [Ольшевская, Решетова, Травников, с. 125, 244, 501]. А Путник Сильвестра Диканского в рукописи РНБ. Q. IV. 485 редактор расширил описанием Мертвого моря, извлеченным из «Путешествия в Святую землю и Египет» князя Николая Радзивилла³⁷.

С вопросом о литературном контексте описаний богомолий петровского времени связан и вопрос о круге чтения писателей-паломников этого периода и возможности использования ими «хождений» при создании собственных произведений. В этом аспекте паломническая литература нач. XVIII в. комплексно еще не изучена. На материале Пелгримации Ипполита Вишенского вопрос разрабатывают С. Н. Травников и Л. А. Ольшевская, которые усмотрели в его тексте заимствования из Хождения игумена Даниила, Хождения Трифона Коробейникова, Хождения Варсонофия и Хождения Василия Гагары [Травников, Ольшевская 2019, с. 186–189]. Как видим, исследователями обозначен широкий круг возможных источников, но если Хождения игумена Даниила и Трифона Коробейникова распространялись в большом количестве списков, среди которых известны рукописи и малороссийского происхождения, а описание игумена Даниила в XVII в. перевели на украинский язык, следовательно, возможность познакомиться с ними у Ипполита Вишенского была, то Первое и Второе Хождения Варсонофия (богомолье 1456 и 1462 гг.) известности даже в древнерусской книжности не получили,

³⁶ Поэтому ожидать значительного увеличения числа списков паломнических описаний петровского времени, на наш взгляд, не приходится. Хотя любой список, вводимый в научный оборот, не только способен скорректировать представление о рукописной традиции конкретного произведения, но важен и для реконструкции истории паломнической литературы эпохи.

³⁷ Подробнее об этом см.: [Федорова 2022].

о чем свидетельствует сохранность текста в одном списке XVII в. — РГБ. Ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова). № 700. Где и при каких обстоятельствах иеромонах небольшого Борисоглебского монастыря на Черниговщине мог познакомиться с Хождением Варсонофия — вопрос открытый.

Показательно, что саму работу Ипполита Вишенского с источниками исследователи характеризуют как «вольный пересказ или творческую переделку фрагментов из предшествующей паломнической литературы» [Травников, Ольшевская 2019, с. 184]³⁸, то есть дословные совпадения текстов Пелгримации и «хождений» обнаружить сложно. Поэтому и приведенные в современном издании Пелгримации сравнения ее текста с одножанровыми памятниками древнерусской традиции и их интерпретация неоднозначны. Останавливаться на этом подробно не будем, так как в нашу задачу не входит рецензирование нового издания Пелгримации Ипполита Вишенского, но обратим внимание на то, что «общие места» в описаниях паломников, совпадение в приводимых сведениях и сюжетах местных легенд определены консерватизмом самой паломнической практики, традиционностью маршрутов, осваиваемых богомольцами из века в век в поиске следов земного присутствия Спасителя. Следовательно, близость в описании реки Иордан в Хождении Трифона Коробейникова и в Пелгримации Ипполита Вишенского, где отмечено, что она «небарзо велика, толко бистра» и вода у нее белая, стоит объяснить не заимствованием из Хождения Трифона Коробейникова сообщения о том, что «река Иорданъ быстра и глубока добръ, а вода въ ней бела» [Травников, Ольшевская 2019, с. 187], а тем, что из-за природных особенностей Иордана такой священную реку видели паломники разного времени, а их описания отразили реальный опыт богомольцев. Поэтому мы разделяем мнение С. П. Розанова, который не нашел в Пелгримации Ипполита Вишенского заимствований из древнерусских «хождений» [Розанов, с. XIV]. Его опыт сопоставления произведения Ипполита Вишенского с описаниями других писателей-паломников [Розанов, с. 121–168] следует продолжить и распространить на весь корпус паломнической литературы петровского времени. На наш взгляд, это поможет выявить характерные для произведений новаторские черты и прояснить их связь с традицией описаний Святой земли, оформление которой произошло в эпоху Средневековья. Результаты такой работы могут быть использованы и при составлении комментариев к паломническим запискам, которыми необходимо сопроводить новые критические издания их текстов. Потребность в таких изданиях остро ощущается в последнее время, когда активизировалось исследование рус-

³⁸ Курсив в тексте мой. — И. Ф.

ского присутствия на Святой земле и отечественной паломнической литературы. Можно надеяться, что в ближайшее время такие издания появятся.

Так, о намерении опубликовать полный текст Путника Сильвестра Диканского по рукописи НБ ТГУ В-878 объявил коллектив авторов [Есипова, Вах, Ромодановская, с. 89]. Учитывая, что обнаружена еще и новая редакция произведения, есть смысл обнародовать и ее текст. Если разыскание новых списков Путешествия Андрея Игнатьева не принесет результатов, то оправданно будет новое издание авторского текста произведения, как он известен по рукописи РНБ. Q.IV.16, но с 1873 г. не переиздавался. Сложнее обстоит дело с Путником Варлаама Леницкого, который сравнительно недавно был опубликован, хотя исследование его рукописной традиции еще не завершено, поэтому в ближайшее время нужно подумать о введении в научный оборот редакции Путника, обнаруженной в списке РНБ. Q.IV.110. В новых изданиях нуждаются и другие паломнические описания петровского времени, дошедшие в небольшом количестве списков и опубликованные в XIX в., — «Сказание путешествия от Константинополя до Святого града Иерусалима», Путешествие Макария и Сильвестра, Путешествие Матвея Нечаева.

* * *

Подведем итоги. Археографические разыскания паломнических описаний Петровской эпохи в последние 50 лет носили преимущественно камеральный характер и показали хорошие результаты. В настоящее время установлены места хранения и уточнены шифры рукописей, о существовании которых известно с XIX в., в научный оборот введены новые списки почти всех произведений эпохи (Хождение Иоанна Лукьянова, Путешествие Макария и Сильвестра, Путник Варлаама Леницкого, Путник Сильвестра Диканского, Путешествие Матвея Нечаева), обнаружена полнотекстовая версия Путника Сильвестра Диканского. Расширение источниковой базы позволило обратиться к изучению истории бытования паломнических описаний в культуре XVIII столетия: активизировалась работа по реконструкции рукописной традиции Хождения Иоанна Лукьянова, Путника Варлаама Леницкого, Путника Сильвестра Диканского, удалось уточнить авторство некоторых сочинений, а также время совершения богомолий и создания их описаний. Введенные в научный оборот рукописи предоставили возможность охарактеризовать круг читателей паломнических записок и географию их распространения, что, в свою очередь, позволяет наметить дальнейшие пути и «маршруты» разыскания новых рукописей, которые, по меткому

выражению А. М. Панченко, есть «мать сыра земля» любых научных построений³⁹.

Литература

- Адрианова — Занятия В. П. Адриановой // Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Нежин. 18–20 февраля 1914 г. Киев: Тип. Ун-та Св. Владимира, 1914. 86 с.
- Александр Михайлович Панченко — Александр Михайлович Панченко, 1937–2002 / Сост. и авт. вступ. ст. С. И. Николаев. М.: Наука, 2007. 94 с. (Материалы к биобиблиографии ученых: Литература и язык; Вып. 32).
- Барсов — Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719–1720) / Изд. под ред. Н. П. Барсова. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1875. II + 34 с.
- Беляев, Вах — Беляев Л. А., Вах К. А. Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация) // Славяноведение. 2019. № 2. С. 94–99.
- Білоус — Білоус П. Паломницький жанр в історії української літератури. Житомир: Вигот. у центрі оперативної поліграфії обл. газети «Житомир», 1997. 158 с.
- Градова, Клосс, Корецкий — Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Наука, 1979. С. 238–253.
- Есипова, Вах, Ромодановская — Есипова В. А., Вах К. А., Ромодановская В. А. Рукопись из фондов НБ ТГУ: Сильвестр Диканский и его путешествие // Наука, технологии и информация в библиотеках (Libway-2019): Тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 17–19 сент. 2019 г.) / Отв. ред. Е. Б. Артемьева. Новосибирск: Ред.-издат. отдел ГПНТБ СО РАН, 2019. С. 89.
- Кириллина — Кириллина С. А. «Благочестивые путешествия» в Иерусалим: российские паломники-писатели XVIII столетия // Исторический вестник: Османская империя и Россия / Под общ. ред. Т. Ю. Кобищанова. М., 2019. Т. 30. С. 164–187.
- Леонид (Кавелин) — Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели петровского и послепетровского времени, или Путники во Святой град Иерусалим // ЧОИДР. М., 1873. Кн. 3. С. I–IV, 1–129 (Отдел V. Смесь).
- Лопарев — Лопарев Х. М. Анонимное иерусалимское хождение начала XVIII века. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1912. 22 с.
- Мангилев — Мангилев П. И. Библиотека сибирского митрополита Антония Стаховского (по описи 1740 г.) // Книга в культуре Урала: XVI–XIX вв.: Сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГУ, 1991. С. 52–60.
- Норов — Библиотека Авраама Сергеевича Норова: Каталог. СПб.: Тип. Академии наук, 1868. Ч. 1. 311 с.
- Ольшевская, Решетова, Травников — Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова, 1701–1703 / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М.: Наука, 2008. 667 с.

³⁹ Об этом см.: [Александр Михайлович Панченко, с. 8].

- Ольшевская, Травников — *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Нечаев Матвей Гаврилович // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3: (XVII в.), ч. 2. С. 376–378.
- Петров — *Н. П.* [*Петров Н.*] Описание путешествия иеромонаха Рыхловского Николаевского монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим в 1722 г. // *Труды Киевской духовной академии*. 1883. № 5 (май). С. 1—14.
- Понырко — *Понырко Н. В.* Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума // *ТОДРЛ*. Л.: Наука, 1977. Т. 33. С. 156–163.
- Розанов — Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709 гг.) / Изд. под ред. С. П. Розанова. СПб.: Православное Палестинское общество, 1914. LVI + 196 с. (Православный Палестинский сборник; Вып. 61).
- Ромодановская — *Ромодановская Е. К.* Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского университета // *ТОДРЛ*. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 344—348.
- Рукописные книги собрания Погодина — *Рукописные книги собрания М. П. Погодина*: Каталог. СПб.: РНБ, 2014. Вып. 5. 162 с.
- Сперанский — *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 267 с.
- Странствования Василья Григоровича Барского — *Странствования Василья Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г.* / Изд. Православным Палестинским о-вом по подлинной рукописи под ред. Н. Барсукова. Ч. 1–4. СПб.: Тип. В. Киришбаум, 1885. Ч. 1. LXVI + 424 с.
- Травников 1987 — *Травников С. Н.* Путевые записки петровского времени: (Проблема историзма): Учеб. пос. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1987. 102 с.
- Травников 1989 — *Травников С. Н.* Писатели петровского времени: литературно-эстетические взгляды (путевые записки): Учеб. пос. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. 104 с.
- Травников, Ольшевская 2010 — *Травников С. Н., Ольшевская Л. А.* «Хождение в Святую Землю» Варлаама Леницкого: исследование и публикация текста памятника // *Герменевтика древнерусской литературы*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Вып. 14. С. 747–796.
- Травников, Ольшевская 2019 — *Пелгримация, или Путешественник Ипполита Вишенского, 1707–1709* / Изд. подгот. С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. М.: Наука, 2019. 435 с.
- Федорова 2004 — *Федорова И. В.* Древнерусские паломнические «хождения» в библиотеке Соловецкого монастыря // *Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря* / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 214–243.
- Федорова 2016 — *Федорова И. В.* «Гефсиманский цикл» в сборнике РНБ, Q.XVII.85 // *Десятые Загребинские чтения (29–30 окт. 2015 г.)*: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: РНБ, 2016. С. 114–139.
- Федорова 2019 — *Федорова И. В.* Неизвестный список Путешествия в Святую землю Сильвестра и Никодима в 1722 г. // *Вестник Альянс-Архео*. М.; СПб., 2019. Вып. 27. С. 45–51.
- Федорова 2020 — *Федорова И. В.* Из истории изданий паломнических описаний в XIX в.: по материалам переписки архим. Леонида (Кавелина) и А. Ф. Бычкова // *Словесность и история*. СПб., 2020. № 1. С. 81–103.

- Федорова 2022 — Федорова И. В. К вопросу о рукописной традиции Путешествия Сильвестра Диканского // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 2022. Вып. 41. (В печати.)
- Ярославский литературный сборник — Ярославский литературный сборник на 1849 год. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1849. 181 с.
- Seemann — Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur: Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München: Wilhelm Fink, 1976. 484 S. (Theorie und Geschichte der Literatur und der schönen Künste: Texte und Abhandlungen).

References

- Adrianova, V. P. (1914). 'Zanyatiya V. P. Adrianovoi', in: Peretts, V. N. *Otchet ob ekskursii Seminariya russkoi filologii v Nezhin. 18–20 fevralya. 1914 goda*. Kiev: Tipografiya universiteta Svyatogo Vladimira, 86 p.
- Barsov, N. P., ed. (1875). *Puteshestvie posadskogo cheloveka Matveya Gavrilova Nechaeva v Ierusalim (1719–1720)*. Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, II + 34 p.
- Barsukov, N., ed. (1885). *Stranstvovaniya Vasil'ya Grigorovicha Barskogo po svyatym mestam Vostoka s 1723 po 1747 god*. Izdano Pravoslavnym Palestinskim obshchestvom po podlinnoi rukopisi. Vols. 1–4. Saint Petersburg: Tipografiya V. Kirshbaum. Vol. 1, LXVI + 424 p.
- Belyaev, L. A., Vakh, K. A. (2019). 'Pamyatnye nadpisi slavyanskikh palomnikov 18–19 vekov v Arkhangel'skom monastyre v Ierusalime (predvaritel'naya publikatsiya)', *Slavyanovedenie*, 2, 94–99.
- Biblioteka Avraama Sergeevich Norova. Katalog* (1868). Saint Petersburg: Tipografiya Akademii nauk. Vol. 1, 311 p.
- Bilous, P. (1997). *Palomnits'kii zhanr v istorii ukrains'koi literaturi*. Zhitomir: Vigotovleno u tsentri operativnoi poligrafii oblasnoi gazeti "Zhitomir", 158 p.
- Esipova, V. A., Vakh, K. A., Romodanovskaya, V. A. (2019). 'Rukopis' iz fondov Nauchnoi biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Sil'vestr Dikanskii i ego puteshestvie', in: E. B. Artem'eva, ed. *Nauka, tekhnologii i informatsiya v bibliotekakh (Libway-2019). Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Irkutsk, 17–19 sentyabrya 2019 goda)*. Novosibirsk: Redaktsionno-izdatel'skii otdel Gosudarstvennoi publichnoi nauchno-tekhnicheskoi biblioteki Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 89.
- Fedorova, I. V. (2004). 'Drevnerusskie palomnicheskie "khozheniya" v biblioteke Solovetskogo monastyrya', in: S. A. Semyachko, ed. *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Knizhniki i rukopisi Solovetskogo monastyrya*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 214–243.
- Fedorova, I. V. (2016). "'Gefsimanskii tsikl" v sbornike Rossiiskoi natsional'noi biblioteki, QXVII.85', in: *Desyatye Zagrebinskie chteniya (29–30 oktyabrya 2015 goda). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Saint Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 114–139.
- Fedorova, I. V. (2019). 'Neizvestnyi spisok Puteshestviya v Svyatuyu Zemlyu Sil'vestra i Nikodima v 1722 godu', in: *Vestnik Al'yans-Arkheo*. Moscow; Saint Petersburg. Vol. 27, 45–51.
- Fedorova, I. V. (2020). 'Iz istorii izdaniy palomnicheskikh opisaniy v 19 veke: po materialam perepiski arhimandrita Leonida (Kavelina) i A. F. Bychkova' [From the history

- of publications of pilgrim accounts in the nineteenth century: according to the correspondence between archimandrite Leonid (Kavelin) and A. F. Bychkov], *Slovesnost' i istoriya*, 1, 81–103.
- Fedorova, I. V. (2022). 'K voprosu o rukopisnoi traditsii Puteshestviya Sil'vestra Dikanskogo', in: *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. Novosibirsk. Vol. 41. (In print).
- Gradova, B. A., Kloss, B. M., Koretskii, V. I. (1979). 'K istorii Arkhangel'skoi biblioteki D. M. Golitsyna', in: *Arkheograficheskie ezhegodnik za 1978 god*. Moscow: Nauka, 238–253.
- Kirillina, S. A. (2019). "'Blagochestivye puteshestviya" v Ierusalim: rossiiskie palomniki-pisateli 18 stoletiya', in: T. Yu. Kobishchanov, ed. *Istoricheskii vestnik: Osmanskaya imperiya i Rossiya*. Moscow. Vol. 30, 164–187.
- Leonid (Kavelin), arkhimandrit (1873). 'Palomniki-pisateli Petrovskogo i poslepetrovskogo vremeni, ili Putniki vo svyatoi grad Ierusalim', in: *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh*. Moscow. Vol. 3, I–IV, 1–129.
- Loparev, Kh. M. (1912). *Anonimnoe ierusalimskoe khozhdenie nachala 18 veka*. Saint Petersburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma, 22 p.
- Mangilev, P. I. (1991). 'Biblioteka sibirskogo mitropolita Antoniya Stakhovskogo (po opisi 1740 goda)', in: *Kniga v kul'ture Urala. 16–19 veka*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 52–60.
- Nikolaev, S. I., ed. (2007). *Aleksandr Mikhailovich Panchenko, 1937–2002*. Moscow: Nauka, 94 p. (Materialy k biobibliografii uchenykh. Literatura i yazyk. Vol. 32).
- Ol'shevskaya, L. A., Reshetova, A. A., Travnikov, S. N., eds. (2008). *Khozhdenie v Svyatuyu zemlyu Moskovskogo svyashchennika Ioanna Luk'yanova. 1701–1703*. Moscow: Nauka, 667 p.
- Ol'shevskaya, L. A., Travnikov, S. N. (1993). 'Nechaev Matvei Gavrilovich', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3 (17 vek), 2, 376–378.
- P[etrov], N. (1883). 'Opisanie puteshestviya ieromonakha Rykhlovskogo Nikolaevskogo monastyrya Sil'vestra i Nikodima v Tsar'grad i Ierusalim v 1722 godu', in: *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*, 5 (mai), 1–14.
- Ponyrko, N. V. (1977). 'Sochinenie startsa Leontiya i shkola protopopa Avvakuma', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 33, 156–163.
- Romodanovskaya, E. K. (1971). 'Slavyano-russkie rukopisi nauchnoi biblioteki Tomskogo universiteta', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 26, 344–348.
- Rozanov, S. P., ed. (1914). *Puteshestvie ieromonakha Ippolita Vishenskogo v Ierusalim, na Sinai i Afon (1707–1709 gody)*. Saint Petersburg: Pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo, LVI, 196 p. (Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. Vol. 61).
- Rukopisnye knigi sobraniya M. P. Pogodina. Katalog* (2014). Saint Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. Vol. 5, 162 p.
- Seemann, K.-D. (1976). *Die altrussische Wallfahrtsliteratur: Theorie und Geschichte eines literarischen Genres*. München: Wilhelm Fink, 484 S. (Theorie und Geschichte der Literatur und der schönen Künste: Texte und Abhandlungen).
- Speranskii, M. N. (1963). *Rukopisnye sborniki 18 veka. Materialy dlya istorii russkoi literatury 18 veka*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 267 p.

- Travnikov, S. N. (1987). *Putevye zapiski petrovskogo vremeni (Problema istorizma): Uchebnoe posobie*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni V. I. Lenina, 102 p.
- Travnikov, S. N. (1989). *Pisateli petrovskogo vremeni: literaturno-esteticheskie vzglyady (putevye zapiski): Uchebnoe posobie*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni V. I. Lenina, 104 p.
- Travnikov, S. N., Ol'shevskaya, L. A. (2010). "Khozhdenie v Svyatuyu Zemlyu" Varlaama Lenitskogo: issledovanie i publikatsiya teksta pamyatnika', in: *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. Vol. 14, 747–796.
- Travnikov, S. N., Ol'shevskaya, L. A., eds. (2019). *Pelgrimatsiya, ili Puteshestvennik Ippolita Vishenskogo, 1707–1709*. Moscow: Nauka, 435 p.
- Yaroslavskii literaturnyi sbornik na 1849 god* (1849). Yaroslavl': Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 181 p.

Т. Н. Галашева

КРЕСТЬЯНСКИЕ И КУПЕЧЕСКИЕ ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ В ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА*

Резюме

Записные книжки рассматриваются в статье как вид источников, который родственен дневнику, но имеет свои особенности, охватывает более широкий круг пишущих и позволяет полнее представить повседневные практики письма XVIII–XX вв. В фондах Древлехранилища им. В. И. Малышева выявлены 23 рукописи, которые служат примером ведения записей в крестьянских и купеческих кругах. Анализ источников позволил выделить общие структурные составляющие, которые могут в разной степени проявляться в записных книжках. В первой части статьи рассмотрено понятие записной книжки как одного из видов эго-документов, предложена краткая историография вопроса, обобщены ценные замечания, высказанные публикаторами крестьянских и купеческих дневников. Во второй части статьи представлен опыт анализа рукописей. Поставлены вопросы о форме записных книжек, о соотношении в них общего и частного, о справочной и хозяйственной информации, которая в них фиксируется, о документальности, о семейных датах и фенологических наблюдениях как центральных темах, о дневниковых и мемуарных включениях, а также о разных владельцах записных книжек. К статье прилагается список цитируемых источников из Древлехранилища ИРЛИ РАН, многие из которых представляют этнографический, краеведческий, лингвистический интерес.

Ключевые слова: записная книжка, дневник, эго-документ, автобиографические сведения, крестьяне, купцы, Древлехранилище им. В. И. Малышева

* Исследование выполнено при финансовой поддержке научного проекта «История письма европейской цивилизации».

Tatiana N. Galasheva

NOTEBOOKS OF RUSSIAN PEASANTS AND MERCHANTS
IN THE REPOSITORY OF ANCIENT MANUSCRIPTS
OF THE INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
(PUSHKINSKIJ DOM) IN ST. PETERSBURG

Abstract

This article considers notebooks as a type of manuscript source. The notebook is related to the diary but has its own characteristics: notebooks are easier to analyze and typify than diaries, they were written by many more people and better represent the variety of everyday writing practices of the 18th–20th centuries. This study is based on 23 manuscripts located in the Repository of Ancient Manuscripts of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) in St. Petersburg. These manuscripts demonstrate the act of record-keeping in the peasant and merchant milieu of Russia. This article identifies structural elements that all these notebooks share to some degree. The first part of the article considers the notebook as a type of ego-document and its relationship with the diary. It also provides a brief historiography of the issue and a summary of valuable remarks by specialists concerning the publishing of peasants' and merchants' diaries. The second part of the article presents a typological analysis of the manuscripts that can be more or less conventionally called "notebooks". The analysis considers the structure of the notebooks, the relationship between contents of a general nature and those that are private, reference information and economic records, documentary characteristics, family dates and phenological observations as central topics, inclusions of diary and memoir entries, and data about owners of the notebooks. The article is accompanied by a list of cited manuscripts from the Repository of Ancient Manuscripts, many of which are of interest to ethnographers, local historians, and linguists.

Keywords: notebook, diary, ego-document, autobiography, peasants, merchants, Pushkinskij Dom

DOI 10.31860/2712-7591-2022-3-112-133

Предметом исследования в настоящей статье являются записные книжки русских крестьян и купцов XVIII–XX вв. Какова значимость случайных записей человека, не стремящегося оставить о себе след в истории, далекого от литературы? В «бытовых» записных книжках нет связного повествования о прошедших событиях, как в мемуарах, редко и непоследовательно, в отличие от дневника, отражаются текущие события или душевные переживания. Записная книжка сохраняет «чистую информацию»: имена, цены, факты, — но отрывочность и нерегулярность сведений не позволяют ставить ее в один ряд с другими историческими источниками. Однако именно благо-

даря своей очевидной фрагментарности записная книжка более явно, чем дневник, обнаруживает свои главные темы (зачастую общие для этих двух жанров). Кроме того, записные книжки формируют исторический и культурный контекст для понимания других «человеческих документов» [Яковлева], позволяют увидеть «первый слой», с которого начинаются записи человека, берущего в руки перо.

Граница между дневником и записной книжкой не всегда очевидна: как замечает исследователь купеческих автобиографических текстов М. А. Смирнова, «ранние образцы дневников купцов сложно отделить от записей хозяйственного характера или погодных наблюдений», как, например, в записях петербургского купца О. Д. Белянкина конца XVIII в.: «это и наблюдения о погоде, приходно-расходная книга, а также летопись семейных событий: рождений, свадеб и смертей» [Смирнова, с. 84–85]. И. Е. Барклай, подготовившая издание дневников тверских купцов, представляет их содержание в виде списка из нескольких составляющих: «1) важные политические события (...); 2) визиты царствующих особ (...); 3) метеорологические наблюдения; 4) несчастные случаи (...); 5) (...) дни рождения и смерть близких родственников; 6) цены на продукты питания» [Барклай, с. 3]. Этот исчерпывающий перечень, если добавить к нему записи о церковных пожертвованиях [Ульянова], отражает содержание и рассмотренных в настоящей статье купеческих (отчасти и крестьянских) записных книжек, что позволяет задуматься над вопросом о его универсальности.

На противоположный переход от дневника к записной книжке указывает В. П. Ершов, опубликовавший дневник заонежского крестьянина П. Т. Ананьина (1930-е гг.) и отметивший, что с определенного момента «характер текста меняется, собственно дневниковые записи заканчиваются и начинаются записи экономического характера (...) чем ближе к концу дневника, тем погода больше интересует автора, чаще и подробнее он делает метеорологические заметки» [Ершов, с. 8, 10; Ершов, Мельников]. Фенологические и экономические записи являются наиболее важной темой как крестьянских дневников, так и записных книжек. О тотемском крестьянине А. А. Замараеве публикаторы дневника замечают: «Его волнует все: погода, от которой зависит его крестьянская жизнь, цены на хлеб и товары, без чего он не может обойтись, венчания и свадьбы (...) здоровье и похороны соседей» [Морозов, Решетников, с. 11–12]. В центре дневника пежемского крестьянина И. Г. Глотова, который фиксирует вести внешнего мира «редко и так же бесстрастно, как и погоду», находится, как отмечает М. И. Мильчик, «труд крестьянина, его умение противостоять природе, одновременно подчиняясь ей, сельскохозяйственные угодья в округе — пашни, выгоны, по-

жни, сенокосы» [Мильчик, с. 9, 10]. Алтайский крестьянин К. Ф. Измайлов «сам определял тематику дневника так: „Записываю только свою работу, состояние погоды, иногда состояние здоровья, пьянство, похмелье, прибыль и убыль семьи и больше ничего“» [Ситнова, Мельниченко, с. 14]; впоследствии же, по замечанию публикаторов, в дневнике появляются рассуждения и рефлексия.

По сравнению с дневником записная книжка представляет собой источник донарративный¹: она может содержать дневниковые или мемуарные включения, фольклорные тексты, исторические или литературные выписки, но редко представляет собой последовательное повествование в целом, ее окончательный облик непредсказуем для ее создателя. В записях отражаются, по слову Л. Я. Гинзбург, «материальные следы текущей жизни» [Гинзбург 1982, с. 61]. Записи представляют собой пример автокоммуникации и самоорганизации: «Из хаоса и потока социальный человек выделяет и комбинирует элементы наиболее ценные и наиболее пригодные для данных ему ситуаций — общественных, профессиональных, бытовых, эмоциональных и проч.» [Гинзбург 1977, с. 61]. В работе о писательских записных книжках С. Н. Ефимова связывает историю этого жанра с историей представлений «о человеческой индивидуальности» и называет еще не вышедшую из сферы деловой письменности записную книгу «конспектом событий частной жизни» [Ефимова, с. 38, 39]. О сложностях изучения записных книжек пишет Д. Б. Терешкина, опубликовавшая археографический обзор целого ряда таких документов [Терешкина]. В статье И. Б. Качинской проанализировано современное «наивное письмо» во всем его многообразии [Качинская].

Общее определение крестьянских записных книжек дал А. В. Пигин: они «включают обычно приходно-расходные записи, черновики писем, долговые пометы, фенологические наблюдения, деревенские песни, заговоры и т. д.» [Пигин 2006, с. 44]². Понятие крестьянского дневника уже не является удивительным, но такие дневники всё еще предстают как отдельные вершины, уникальные высказывания, по большей части относящиеся к трагической истории XX в., — факт существования многочисленных крестьянских записных книжек XIX—XX вв. остается малоизвестным. В окружении записных книжек дневники не выглядят столь одинокими, часть их особен-

¹ «Нарративными, в структуралистском смысле, являются произведения, которые излагают историю, в которых изображается событие» [Шмид, с. 13], «рассказанное — уже понятое. Рассказать — уже объяснить. (...) Схематична донарративная природа опыта» [Козлова, с. 39].

² Единственной известной нам публикацией крестьянских записных книжек является издание памятных книжек заонежских крестьян Корниловых, подготовленное П. Н. Шиловым [Шилов].

ностей оказывается общим для социальной группы взглядом на мир³, рельефнее выступает своеобразие отдельных дневников. Круг людей пишущих, решающих с помощью письма свои повседневные задачи, расширяется⁴.

В Древлехранилище Пушкинского Дома хранятся уникальные крестьянские архивы, в которых, по словам В. И. Малышева, запечатлена «живая история края» [Малышев 1964, с. 312]. Некоторые крестьянские письма, дневники, мемуары уже были введены в научный оборот [Малышев 1962; Карпов; Маркелов 1993а; Маркелов 1993b; Савельев; Бударагин 1994; Мелихов; Савельев, Савельева; Заборский; Нацевская⁵; Herzberg; Бобров; Пигин 2016; Пигин, Мороз]. Купеческие материалы в собрании Древлехранилища значительно реже становились предметом исследования [Бударагин 1997; Галашева]. В настоящей статье рассматриваются неизученные записные книжки, происходящие как из крестьянской, так и из купеческой среды, поскольку именно в сравнении очевиднее выступают их общие жанровые черты и отличия. К анализу привлекаются 23 рукописи середины XVIII — середины XX в., которые с той или иной мерой условности могут быть названы «записными книжками»: это могут быть связанные общей мыслью записи на полях книг, отдельные листы с деловыми заметками или рукописи, целиком заполненные личными записями (17 рукописей происходят из крестьянской среды, шесть — из купеческой).

Анализ целого ряда записных книжек позволил выявить некоторые общие особенности этого вида источников, которые будут изложены ниже. В то же время очевидна индивидуальность каждой рукописи⁶. Каждая записная книжка дает возможность услышать высказывание человека о важ-

³ Ср. о дневнике Д. И. Лукичева: «Лукичев жил в Большом мире. Он хотел помнить волхвов по именам. Он отмечает солнечные затмения, изменения погоды, таяние снегов, время появления первой весенней листвы» [Адоньева, с. 34–35].

⁴ В последние годы сформировались научные сообщества по изучению автобиографических документов; см., например: [Маргиналии 2008, с. 5; Poliakov, Smirnova]. Отметим также сборники: [Воспоминания русских крестьян; Купеческие дневники и мемуары]. Востребованным не только в научной, но и в общественной среде оказался проект по изучению дневников «Прожито» (интервью М. Мельниченко: <https://knife.media/prozhito/> — дата обращения 03.09.22).

⁵ Д. С. Нацевская привлекает к исследованию записные книжки северодвинского крестьянина В. И. Третьякова — наставника поморской старообрядческой общины, книжника, иконописца, мастера-прялочника. В настоящий момент М. В. Кужлевым и Ю. А. Воробьевой ведется работа по изучению и подготовке к публикации записных книжек В. И. Третьякова.

⁶ В главе о методологии анализа «человеческих документов» Н. Н. Козлова замечает: «Первое ошеломляющее впечатление — неповторимость, многоголосие, не сводимое к общему знаменателю» [Козлова, с. 23].

нейшей для него теме: для новоторжского купца Василия Козминых (23)⁷ это необходимость восстановить историю Наполеона Бонапарта и вынести ему нравственный суд; для пинежского крестьянина Михаила Ефремова (1), служившего «носником» (речным лоцманом), — письменно помолиться «на проход» по реке; для «народной учительницы» Л. В. Поповой (17) — подвести итог жизни в перечнях «мои поездки», «мои квартиры» и т. д.

Форма «записных книжек». Записи могли быть сделаны на отдельных листах (7, 8) или на чистых листах традиционного сборника, что становилось залогом сохранения важной информации и передачи ее потомкам (3, 6, 12, 13, 14, 19, 20, 22). Однако преобладающее число рукописей представляют собой отдельные записные книжки. В трех случаях в начале имеется экслибрис (4, 18, 23). Возможная форма записных книжек — на полях месящеслова (3, 13, 20). Превращение печатного календаря или месящеслова в дневник или записную книжку было широко распространено [Tersch; Тиханов; Polyakov, Smirnova, p. 84–86]. Печатный месящеслов купца Д. И. Бовыкина (20) испещрен записями: к годичному повторяющемуся кругу оказываются добавлены события неповторимые, выстроенные в годовом порядке, с перемешанной исторической хронологией. Память о святых на каждый день года дополняется текущими событиями: «1812 сентября 8-го дня выехали из Углича съ семѣйствомъ по случаю опасности от французовъ от Дмитрева и чрезъ неделю возвратились»⁸; «1835 года февраля 23 дня отъдала образъ Марьи Ивановна в церковь в свой приходъ с мощами безъ согласия моего» и др.

Сравним с рукописным северодвинским месящесловом (3): он, напротив, дополняется на полях исключительно поминальными записями, имеющими вневременное значение. Однако чистый лист внутри рукописи и припереплетные листы посвящены фенологическим наблюдениям за Двиной в течение 40 лет — каждой теме отведено свое место. По рукописи можно видеть, как одна поминальная запись вызвала к жизни столетие спустя другую: рядом с записью 1840 г. появляется запись 1940 г., уже не привязанная к календарю, написанная поверх и поперек текста святцев. Очевидно, месящеслов со временем утрачивает первоначальное календарное значение и воспринимается потомками именно как семейная записная книжка.

Записная книжка как тип сборника. Общее и частное. В некоторых случаях связь записной книжки со сборником более очевидна, чем

⁷ Здесь и далее цифры в скобках обозначают ссылки на перечень источников, приложенный к статье.

⁸ Записи приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала, кроме слитного написания предлогов и употребления строчных букв в именах собственных; разделение текста на абзацы передается знаком косой черты.

в других. Рукопись из собрания М. И. Смирновой середины XX в. (16) представляет собой переходную стадию от старообрядческого сборника выписок к личной записной книжке. Записи разделяются на «мирские» и «старообрядческие». Способом маркирования служат инструмент письма и почерк. Мирское записано скорописью, чаще карандашом, выписки по истории старообрядчества — полууставом, переходящим в скоропись, чернилами с киноварными инициалами. Бытовая и религиозная стороны жизни не равноправны: рецепт мятных пряников оттеснен на оборотный лист обложки, а случайно записанный среди старообрядческих выписок адрес вычеркнут; приходно-расходные записи на последнем листе начаты и брошены. В целом вид бытовой записной книжки оказался чужд М. И. Смирновой, а сборник выписок в формате блокнота остался незаконченным.

Как отделяется общее от частного в других случаях? Стихи и песни (6) включаются в крестьянские записные книжки хозяйственного содержания столь же естественно, как и заговоры (1, 2, 5, 12, 15), исторические задачи⁹ (1) или поучительные истории (6, 10). Никакой необходимости в маркировании или отделении личных записей от переписанных текстов не наблюдается. Напротив, они присваиваются как личные: часто под переписанными стихами указывается дата и имя записавшего, как, например, в песенниках: «декабря 1904 года 20 дня. Иванъ Ивойловъ Нехорошковъ» (10); «1902 года 10 июня Истоминонь Андрей» (9), — тогда как автор стихов указывается крайне редко («Никитинъ составилъ» — 10).

Совсем иная картина наблюдается в купеческих записных книжках, которые традиционно включают в себя выписки о современных или исторических событиях, особенно часто — касающихся императорских особ. Личные записи непременно отделяются от таких выписок чистыми листами. Так, в книге петербургского купца Прокофия Васильевича Червоного середины XIX в. (22) от фенологических наблюдений за Невой, записей об исповедях и семейных событиях чистыми листами отделены выписки об устройстве железной дороги между столицами, о браке Ивана III «съ греческою княжною Софьею Фоминишною», о смерти Николая I. Книга туринского купца Андрея Ивановича Коновалова середины XVIII в. (18) содержит ходовой журнал, перечни пушнины и других товаров, скупые записи семейных дат. Но в середине записной книжки, отделенное чистыми листами, выписано донесение в Синод об обретении мощей св. Димитрия Ростовского. В месяцесловных записях Дмитрия Афанасьевича Бовыкина (20) средством различения зна-

⁹ «Задача Столично горот Самь Пеньтербурхъ асованіе анператоромъ Петромъ великимъ въ 1703 году сколкой лѣтъ щещуственоть оные горотъ» (ИРЛИ. Пинежское собр. № 209. Л. 9 об.).

чительности записей служит полуустав: впрочем, им записано не только известие о посещении Углича императором («начевальъ въ домѣ Зимина при немъ графъ Бекендоръ»), но и известие о смерти сына, утонувшего в Мологе «при товаре Зимина от случившеся бури», и другие важные записи. Несколько разделов предусмотрено в записной книге острогожского купца Бориса Степановича Маркова (21): первый посвящен собственной службе, доходам, пожертвованиям, другие — из ряда вон выходящим событиям: прибытию чиновников и царя, следованию слонов из Персии, природным явлениям. Книга новоторжского купца Василия Козминых (23) может быть названа сборником выписок и читательских заметок, в которые практически не допускается личная жизнь. Запись о совершенном кровопускании размещена на первом листе, прямо над готическим экслибрисом; краткая история собственной лавки записана на самом последнем листе книжки.

Справочная и хозяйственная информация в записных книжках. В книжках часто хранится общая, справочная информация: семь чинов ангелов (20); «Вычисление каменному строению» (21); имена «славных живописцев» (23); «в год 366 д постов 18 недель ост 240 — 34 нед / сплошн. недел 4 нед 5 дней / въ году скоромн дней 20» (16); «самое вкусное мороженое „пломбир“» (17) и т. д.

Нередко в записных книжках встречаются пробы пера (1, 2, 6, 9, 11, 13, 18), детские или ученические записи (как, например, в книге Михаила Ефремова: «1859 года месяца сентября 29 дня Василей читальъ хорошо Андрион ушивальъ сапоги»; «Василей Анифатовиць хорошо читаетъ» — 1; см. также 10, 11, 22); схематические рисунки (10, 11, 14, 15, 20, 22). Крестьянские записные книжки могут содержать своеобразный письмовник: образцы и черновики писем содержатся в книжке Евсея Емельянова (6), образцы рапортов и докладных записок — в книжке А. Истомина (9).

Однако наиболее часто крестьянская книжка становится хранилищем собственного житейского опыта и хозяйства. Записывается время отёла коров: «Телушка вожена к быку 9 марта» (13; см. также 11). Большое значение имеют названия пашен и земельных участков: «1849 (<...> косили нижню конец / (<...> 1850 году испод кону до годицови наволоку / 1851 году с хлеба своего до тѣлновы / 1852 с подпорожицы до осокина кладбища» (3; см. также 1, 6, 10, 11); «Поставка сена в 1922 году / поле слободкое — 6 / Быстры ложки — 6 / Олтари у перелазу — 45» (5). В женской записной книжке середины XX в. (15) отражена терминология вязания («Сергею носки 64 петли», «длина мотушки жица мотана кругом туборетки», «везала перчатки жица средней толщины ушло 9 пасмичков с половиной по 15 ниток по 12 пет. на прутку»). В книжке Степана Гледенова запечатлена лексика льно-

вода (11). Иван Нехорошков в своих записных книжках предстает не только как переписчик стихов и поэт, но и как стекольщик, плотник, сплавщик леса: «Нехорошковъ / 1914 года Окт. 28 д. / Стеклить изъ полосы двѣ рамы на припилку ушло 2/3 ф олифы и 3 ф Лѣну Бѣлилъ ушло 1/2 ф и олифы 1/2 ф» (10). Три записи в книжках И. Нехорошкова имеют особый заголовок «На память»: расходы на чай, который покупается по праздникам «на плотяхъ»; перечень имущества; наблюдения за природным и хозяйственным кругом весной 1927 г.

В записях сохраняются списки покупок с ценами, ведется контроль над приходом и расходом денег, как, например, на листочке XIX в.: «росходъ денегъ / отдали на руки 8 ру / отдали Сеньки 5 ру / отдали Эфиму 4 ру 30 ко / Васки Почкову 1 ру / Мекиты Отстанову — 60 ко / пропиль — 1 р 75 ко / на икону — 7 ру» (8; см. также 3, 5, 10, 13, 15, 16, 17).

Записная книжка как документ крестьян-предпринимателей. Особый вид крестьянских книжек связан с фиксацией деловой деятельности (2, 6, 7). Записная книжка Евсея Емельянова (6) служит документом и сохраняет деловые расписки и расчеты за многие годы: «Въ 1878-мъ году мѣсица марта 4 дня мы заключили условие съ Крыстый Адамовый на лѣто пасть свиней 3 года ей 5 ру. се. и три пуры иржи, двѣ пуры ечменю и полпуры бобу и полпуры гороху пура авса и шесть пуръ гулбы 25 фунтовъ лѣну»; «1900-мъ году отъстали пастухи отъ паства 1-вый Свинятникъ осталъ Окимо Иванова 2 каровникъ Оникифора Васильева 3 отъ Еремея Васильева подписал Евсей Емельяновъ Евдокимовъ». К крестьянам-предпринимателям, возможно, относился и Александр Григорьев (2), значительную часть рукописи которого занимает перечисление продовольственных товаров: «наября / 2 соли и луку — 23 / 3 яблоковъ — 30 / 6 масла короева — 65 / 11 ареховъ 1 фу — 40 / финиковъ 1 фу 2/4 — 5 / ареховъ кедров 55 / 12 лимонъ — 20» (упоминаются также белый мед, анис, миндаль, арахис, изюм, чернослив, сахарный песок, кофе, квас, ветчина, осетрина, семга, икра, соль, постное масло, уксус, свечи и т. д.). Перечисляются также товары охотничьего промысла: «своей бельки въсей = 1000 — 2050 / худой 60 / горносталей = 6». Рукопись выполняет роль документа: «всего донять по сей книги денегъ».

Список скупленного скота (7) озаглавлен «1892 года Генваря 7-го покупка скотины гдѣ у кого Михеѣву». Далее следует пронумерованный перечень из 117 животных с кратким описанием и ценами. Описание состоит из указания, кто (сокращенно до двух букв: ко(рова), не(тель), бы(к), по(роз)), где или у кого содержится и какой масти («бела щеки красны», «чернопестра съ рогами», «белой кои уши черны», «краснобело съ ро»). Упомина-

ются с. Великая Губа и заонежские деревни. Настоящее местонахождение указывается кратко: «тамъ ходить», «туть ходи», «поима туть», «на Кресты угната», «дома своя», «ета на Шадрови Мишки ходить», «пропала эта нету», «пропала съедена медьведемъ»; об отдельных покупках говорится: «еты четыре пуда побычошка», «за четыре пуда бычошко». Записываются другие расходы: «еще на пеньжакъ Филимонову дано 50 / еще на дорогу къ морю ден дан 1 ру 50 (...) мука за нимъ не получена (...) верно за нимъ осенью мно разъ просий я / обещаея одать всѣ так и не одай». Время вывозки муки в тех же бумагах обозначается праздниками: «ноября 1-го въ Кузмойдемьянъ 5 лошадей 32 мешка (...) въ праздникъ Пальестровской 1904 года сѣнтября 8-го соли отъ Михиева».

Документальность в купеческих книжках. Среди обнаруженных нами купеческих записных книг списки товаров содержатся только в одной — в ходовом журнале А. И. Коновалова, торговавшего пушниной и тканями (18). Однако для купеческих записных книжек характерны и документальные включения иного рода. В книжке Коновалова фиксируются даты отправления писем родителям, переписана долговая расписка. П. В. Червонный (22) трижды записывает в третьем лице факт совершения исповеди и причастия: «1867-го Году Прокофей Васильичъ Червонно 23 марта отъкрывалъ рошковую кровь наставлялъ рошко 45. Въ томъ же году былъ на исповеди у Веденья присвяты Богородицы у оца Платона Прокофе Васильичъ Червонной и Любовь Анъдриевна Червонн 31-го марта на 5 неделе»; фиксируется информация о купчей на дом, совершенной на имя жены в 1866 г. Но наиболее документальный вид имеет записная книга Б. С. Маркова (это связано, вероятно, с его многочисленными должностями — от городского головы до церковного старосты). Первый лист задуманных им ежегодных записей (21) расчерчен на 10 столбцов («Сколько лет будит житья», «Почемъ в годъ», «Сумма» и т. д.). Со временем ведение книги упрощается. В особых разделах книги записываются данные о семье, переданные в Острогжскую городскую думу в купеческую ревизскую сказку: «Степанъ — 66 лет умрѣ. Дѣти Степановы (...) Дѣти Борисовы (...) послѣ ревизии (...)» (за 1835 г., то же и за 1850 г.). Переписаны в книге и счета Маркова, полученные за разные годы.

Итак, купеческая записная книжка вбирает в себя формулы документов (исповедных росписей, ревизских сказок, метрических книг, счетов) и становится домашним хранителем личной информации в документальном виде. Однако документальные записи почти никогда не составляют содержание записной книжки целиком, в ней всегда находится место для чего-то еще. Так, например, вторую часть записной книги Маркова составляют переписанные им литературные сочинения.

Семейная летопись. На чистом обороте последнего листа в одном из сборников сохранилась семейная летопись ржевского купца Кондратия Немилова (19): брак Кондратия Васильевича в 1782 г., рождение и смерть детей. Записи имеют форму документа, даются в третьем лице. Семь записей о рождении детей делаются по строгой формуле: год, месяц, день, имя, день именин. Запись о бракосочетании и о рождении первых трех детей (с пропуском на месте даты) сделана единовременно, записи о последующих четырех детях сделаны в разное время, впоследствии на полях были вписаны дни смерти отца и матери — таким образом, этот лист в рукописи более двадцати лет расценивался как важный семейный документ.

Семейные даты, список детей — неременная часть купеческих записных книжек (19, 20, 21, 22) [Поляков, Смирнова]. Сугубо деловая книжка туринского купца Коновалова всё же содержит запись о дате бракосочетания и о дне именин жены, а также о смерти утонувшего в Ангаре брата (18). В записную книжку В. Е. Козминых (23), содержащую исторические и злободневные выписки из газет и книг с комментариями, личная информация проникает лишь единожды: «1848 г холера ужасн во всей России июля 13 ч умре дочь Анна и сынъ ее 8 ч июля Костюша».

Семейная история имеет большое значение только в одной из рассмотренных нами крестьянских записных книжек. «Летописецъ разных примечательных естественных событий» Марка Илларионовича Витязева из д. Вотежица (4) — пример наиболее строго построенной крестьянской записной (памятной) книги. Заголовки на каждом листе разделяют книгу на главы: «Родословие Витязевых» (особое внимание уделено владению членов семьи грамотой), «дети их», «упокоение родителей», «внучата», «устройство» (т. е. описание дома), «служба», «раздѣление» (с братьями), «скотоводство», «о вскрытии лда на рекѣ Двине и Евде и прочия замечания». Некоторые разделы заполняются на протяжении многих лет. Как и книга петербургского купца П. В. Червонного, книга М. И. Витязева свидетельствует об обычае, позволявшем имени умершего ребенка переходить к следующему родившемуся¹⁰. История приходской церкви, в строительстве которой Витязевы принимали участие и где служили церковными старостами¹¹, тесно связана с семейной историей. Налицо осознание пишущим своей

¹⁰ В династической истории наследование родового имени означало «преемственность родовых прав» [Литвина, Успенский, с. 395]. Ср. с современным представлением: «сохранено общее значение приметы, что „не к добру“ называть детей одинаково, если первый умер» [Разумова, с. 62].

¹¹ Строительство каменной церкви в 1810 г. было осуществлено благодаря пожертвованиям петербургского каменотеса Самсона Суханова: «преждебывшаго приходскаго крестьянина жител-

причастности к истории, стремление сохранить ее для потомков. Это редкий случай среди крестьянских документов. Внук М. И. Витязева, Александр Васильевич, также оставил записную книжку, в которой есть «Родословие дома Витязевых» и фенологические наблюдения, но она лишена цельности и регулярности своего образца (5).

В других крестьянских книжках XIX в. семейные даты встречаются реже: их не много в упоминавшемся выше северодвинском месяцеслове (3), они своеобразны в книге Михаила Ефремова (1): «1838-го Года декабры 4 дня возиши мѣня въ салдаты Богъ воротилъ Богъ»; «1844 годъ поступилъ Господину Микулину братъ Ефимъ въ караульники»; «1847-мъ году генваря 13 числа отъданъ в салдаты забрит Ефимъ Ефремовъ»¹². В записях Ивана Пустынного 1920-х гг. на полях месяцеслова (13) отмечается день именин Клавдии и Володи по новому и старому стилю, но нет никаких поминаний. В женской записной книжке середины XX в. (15) перечисляются годы рождения близких. В это же время учительница Л. В. Попова (17) в своих трех записных книжках многократно возвращается к одной и той же теме поминаний: на отдельном листе в который раз записываются ею даты ухода членов семьи: «Наша семья. Отец Вас. Ив. умер в декаб. Мама умерла в августе. Сергей умер июль. Хиония июль. Наташа март 21» — этот перечень потерь близких, происходивших в течение жизни, отдаленно напоминает дневник Тани Савичевой.

В записных книжках иногда появляется не только сообщение о смерти, но и письменная фиксация похоронного обряда, назначение которой сродни традиции похоронной фотографии — засвидетельствовать, что все было по чину [Бойцова] (или не по чину, как в случае смерти одного острогожского купца (21) «без покаяния и елеосвящения»). Так, в месяцеслове Д. А. Бовыкина его сын записывает: «1849 года марта 24 въ 11 часовъ утра кончилась жизнь любезного моего родителя Д. А. Б-на»; «похранение тела на убогом дому Лазорева субота готовили рыбу гостей около 50 чело 3 священ» (20). Также и М. И. Витязев записывает о матери: «умершая во гробе несена къ церкви съ колоколнымъ звономъ» (4).

Ведение записной книжки несколькими владельцами. Записная книжка может быть хранителем семейной информации на протяжении нескольких поколений. Как пишет Ю. Херцберг, крестьянский дневник слу-

ство имевшего в деревне Горчинской Симеона Ксенофонтова Суханова записавшагося въ стольничномъ Городе Санкт питербургскимъ 2-й Гилдии купцомъ» (ИРЛИ. Красноборское собр. № 64. Л. 10 об.).

¹² «Записи о призыве на службу вписывались наряду с поминальными записями на листах хранившихся в доме святцев» [Савельев, Савельева, с. 132].

жил не только для фиксации опыта ведения хозяйства, но и для передачи его детям [Herzberg, p. 323]. Желание потомков вступить в диалог и продолжить записи (чаще всего эпизодическое) вызывают прежде всего семейные даты (3, 5, 20) и фенологические наблюдения (1, 4, 5, 20). Например, запись чернилами: «1831 года месяца ноябрьи во одинацатомъ числа выздымаласа туца с летной стороны громъ гремель на третей день 3 в Михайлова дни» — дополнена на обороте карандашной скорописью: «1952 г. дождливый год хлеб неубран выпадка снегу в октябре м-це» (1, единственная поздняя запись в этой книжке).

У записных книжек могли быть разные владельцы, не принадлежащие к одной семье, — очевидно, этот предмет мог быть утерян или передан другому лицу. В книжке Михаила Ефремова (1) с записями середины XIX в. содержатся более ранние тексты, по стилю и назначению значительно отличающиеся от записей Ефремова: записи 1770 г. о рождении сына Григория («восприемником помощникъ бѣлозерския духовной вотчины Михаила Алексѣевичъ господинъ прапорщикъ Челищевъ»), об отправке письма в Петербург, запись 1795 г. о смерти М. Ф. Суворова. Записная книжка могла передаваться как документ: так, в рукописи, где большинство записей принадлежало Е. Емельянову (6), встречается также рука Федора Харитонов, а наиболее ранние записи принадлежали, возможно, Поликарпу Емельянову, о смерти которого также есть запись: «1888 года 5 июля умеръ Поликарпа зап. Евсе. Емельяновъ». Многочисленные росписи в книжке унтер-офицера Андрея Истомина (9) говорят о том, что прежде она принадлежала Густаву Райнику, который, помимо денежных расчетов, записывал в ней песни. Истомин, как и Г. Райникер, записывает в книжке песни и стихи и также оставляет в ней многочисленные пробы пера.

Фенологические наблюдения. Многолетние ежегодные записи о времени вскрытия рек и других природных явлениях — наиболее устойчивая черта записных книжек (как и дневников) вплоть до нашего времени: «...любой ежедневник одновременно является дневником погоды, хотя встречаются тетрадошки исключительно с описанием погоды» [Качинская, с. 315]. Для многих пишущих ежегодное наблюдение за рекой становилось делом многих лет: П. В. Червонный наблюдает за Невой в 1836—1870 гг. (22), обладатель северодвинского месяцеслова — за Двиной с 1837 по 1876 гг. (3), М. И. Витязев — за Евдой и Двиной в 1848—1889 гг. (4), А. В. Витязев — в 1920 и в 1935—1936, 1940—1942, 1946, 1949, 1951 гг. (5). Существуют и другие виды многолетних наблюдений — например, в какой день недели случается Рождество (1). Отдельные записи о природных явлениях встречаются во

многих записных книжках (1, 2, 10, 12, 13, 17, 20, 21, 23). Как представляется, роль этих записей была не только практической¹³. Купеческие записи о природе очень разнообразны. Например, природные наблюдения Бовыкина тесно связаны с историей собственной жизни: «1841 марта 1-го субота на 3 неделѣ поста в бытность мою въ Москвѣ былъ громъ ударило крепко убывло человѣка в Хамовникахъ и послѣ того числа стало крайнѣ тепло и на четвертой неделѣ снегъ весь согнало тамъ но дорогою ехаль к Угличу стало холодно» (20). Рассуждения Маркова (21) о природе столь же основательны, как его записи экономического характера: «осень какъ была сухая то и берега в Дону не выполнились такъ и замерзъ Донъ и до весны оттепели не было, и зима была сухая, снегов очень было мало — и во время зимы извошки ездил на телегахъ» и т. д.

В крестьянских дневниках и записных книжках, как оказалось, существовала целая традиция погодных наблюдений, целый жанр описательной зарисовки годового круга. Так, в рукописи, содержащей «Сон Богородицы», на чистом листе вписано: «1913 года Весна начинаеца / Двина щевалися 6 Апреля погода теплая Вошну начели сиять (сияли за рекой — *вписано*) 27 Апреля кончили 10 мая овецъ выпустили 10 мая коровъ выпустили 11 мая. Сена поступило с Миколаы <...> / Начели косить 12 июля старину убрали 19 число болото тоже числа / В Острове начели косить 29 июля коньчили 2 Августа за Двину перебрались 3 чи коньчили 5 числа жать начели 1 Августа траву купили и убрали 9 Августа дожали 19 Августа клажу коньчили 20 чи <...> / 20 сентября молочение коньчили / 30 провили рошъ навили 25 и пещ жита навили 22 мешка» (12). М. И. Витязев оставил подробные описания жизни природы: «1867 Года речка Евда съшевелилась раньше Егорьева дни но после того онъ весь ледъ изъчезъ нисколько его не несло такъ истиха изъело Двина река тоже пошевелися ледъ рано но вдолга время очистилась во все маия 6 числа потайка снега очень тихая весна была холодная громъ слышно было маия 16 числа умеренной того же числа речка Евда изъ береговъ выходила поводью затопляло все поля и 17 числа маия вешну сеять начинали. Хлебы оба родились умеренны» (4) и т. д.

Дневниковые и мемуарные включения в записных книжках. В некоторых крестьянских записных книжках среди хозяйственных записей внезапно появляются дневниковые (10, 11, 14). В платежной книжке С. И. Гледенова 1905—1917 гг. уже на обложке читается карандашная за-

¹³ Характерно, что в записной книжке турина купца Коновалова (18), ходившего по сибирским рекам в Кяхту, нет записей о вскрытии рек, отмечены только даты отбытия и «привала».

пись: «15го октября обедаль». В книжке ведется очень краткий дневник зимних хозяйственных забот: «Январь. 1. на выюшк пряль. 2. веревки спушоль. <...> 14. в ручью дорогу чист. 15 обручи рубиль. 16. за обруча ѓздилъ. 17. стоги городиль. 18 отдых» (11). Дневниковые записи встречаются и в разнообразных по содержанию книжках И. И. Нехорошкова: «на Пасху в 1923 году ночь была ясная, солнце всходило ясно день был теплый ясный хороший / Был на допросах у Вижачего 1923 года Апрель 14 или 15 дня. В с. Суръ» (10). Одна из книжек середины XX в. представляет собой нечто подобное тайному дневнику духовной жизни: «Пятница 26 октября Вѣчерня всих / Ужина хлѣбъ съел тепла вода». В кратких записях фиксируются в том числе молитва, пост, чувства (14).

Купеческие записные книги чаще включают мемуарные фрагменты. Так, Д. А. Бовыкин на последних листах месяцеслова продолжает книгу, записывая полууставом собственное свидетельство об истории: «тысеча восемьсотъ двенатцатого года сентября втораго числа отдана столица Москва французамъ безъ бою ими вызжена занята была до шестаго на десять октября Дмитрией Афанасьев Бовыкинъ приехалъ въ Москву на другой день по билету командора Иловайскаго. Товаровъ холста у него згорело на тритцать девять тысячъ на пятьдесятъ рублей на купце Прянишникове пропало двенатцать тысячъ сто шесть рубли» (20). Б. С. Марков записывает в книгу события и расходы каждого года, записи носят ретроспективный характер: «острогжское купеческое и мѣщанское общество выбрало меня на 3-хлетие в квартирную камисию депутатом, но по нежеланию моему вышоль я в генварѣ в купцы чтоб отбца от сей должности» (21). Короткая запись, похожая не столько на дневник, сколько на разговор с самим собой, встречается и в книге читательских заметок В. Е. Козминых: «1852-й годъ торговля по нашей лавкѣ мала да и проч торгуют плохо. Барки стали грузиться 18-го Апрель вода мала по прич. холодн ветра. <...> 24 апрѣля почта стала ходить из столицы два раза в недѣлю, а из столицы в столицу по железной дороге каждодневно. Никто не ѓздить по шоссѣ. Два раза въ недѣлю это въ Торжокъ» (23).

Итак, материалы Древлехранилища еще раз показывают универсальность основных тем в бытовых записях: наблюдение за погодой, перечни покупок, семейные даты, хозяйственные даты, справочная информация или выписки. Вероятно, можно сказать, что личные записные книжки наследуют граффити и берестяным грамотам, отдельным записям на полях рукописей и другим формам запечатления важной информации. В купеческих книгах более заметно отделение частного от общего, тогда как в крестьянских — отделение мирского от религиозного. В купеческих книжках чаще

фиксируются события церковной жизни, новости императорского двора, медицинские процедуры, в крестьянских книжках чаще находит отражение разнообразный трудовой опыт. Традиционные черты записной книжки, как показывают документы XX в., оказываются достаточно устойчивыми.

Список источников

Крестьянские записные книжки

1. ИРЛИ. Пинежское собр. № 209. Записная книжка Михаила Ефремова и других лиц (1770–1952 гг.). 8°, 28 л., чернила, карандаш, скоропись разных почерков [Савельева, с. 260].
2. ИРЛИ. Пинежское собр. № 623. Записная книжка Александра Григорьева и других лиц (1820–1865 гг.). 8°, 70 л., чернила, карандаш, скоропись разных почерков [Савельева, с. 579–580].
3. ИРЛИ. Северодвинское собр. № 674. Поминальные и фенологические записи (1836–1887, 1940 гг.) в составе рукописи: Месяцеслов, 1825 г. 8°, 79 л., чернила, полуустав и скоропись разных почерков.
4. ИРЛИ. Красноборское собр. № 58. «Летописец разных примечательных естественных событий» Марка Илларионовича Витязева (1853–1888 гг.). 4°, 19 л.+1 л., чернила, карандаш, скоропись разных почерков.
5. ИРЛИ. Красноборское собр. № 64. Записная книга Александра Васильевича Витязева (1920-е, 1940-е гг.). 8°, 16 л., чернила, карандаш, скоропись разных почерков.
6. ИРЛИ. Латгальское собр. № 231. Записная книга Евсея Емельянова и других лиц (1878–1924 гг.) в составе рукописи: Сборник духовных стихов, песнопений и поучений, XIX в., 8°, 85 л., чернила, карандаш, полуустав и скоропись разных почерков.
7. ИРЛИ. Карельское собр. № 475. Записи о покупке скотины (1892, 1904 гг.) и продаже муки (1888, 1904 гг.), 1° (и др. размеры), 6 л., чернила, скоропись.
8. ИРЛИ. Оп. 23. № 45. Л. 64. Запись расходов и доходов, вложенная в рукопись: Поминание рода И. Т. Назимова, 1683 г., 16°, 1 л., чернила, полуустав.
9. ИРЛИ. Северодвинское собр. № 735. Записная книжка унтер-офицера Андрея Истомина и других лиц (ок. 1902 г.), 8°, 51 л., чернила, карандаш, скоропись нескольких почерков.
10. ИРЛИ. Пинежское собр. № 552. Записные книжки Ивана Нехорошкова (1900–1920-е гг.), 8°, 40 л., 4 л., 27 л., 1 л., 1 л., чернила, карандаш, скоропись [Савельева, с. 543–545].
11. ИРЛИ. Северодвинское собр. № 843. Две платежные книжки (1905–1917 гг.) с записями К. В. Тарасова и С. И. Гледенова, 8°, 31 л., чернила, карандаш, скоропись разных почерков.
12. ИРЛИ. Северодвинское собр. № 775. Запись о хозяйственных работах с 6 апреля по 30 сентября (1913 г.), л. 13–13 об., чернила, скоропись, в составе рукописи: Сон Богородицы, 1891 г., 8°, 21 л.
13. ИРЛИ. Северодвинское собр. № 490. Записи И. Ф. Пустынного (1918, 1929 гг. и др.), чернила, карандаш, скоропись разных почерков, на полях рукописи: Месяцеслов, 1863 г., 8°, 144 л.

14. ИРЛИ. Карельское собр. № 97. Записи дневникового характера (1934–1936 гг.), л. 16 об.–21 об., чернила, скоропись, в составе рукописи: Азбука, XIX в., 16°, 20 л.
15. ИРЛИ. Пинежское собр. № 758. Женская записная книжка (сер. XX в.), блокнот «Notes» (13,5×6,5), 38 л., чернила, карандаш, скоропись разных почерков [Савельева, с. 640].
16. ИРЛИ. Кол. М. И. Смирновой. № 21/1. Записная книжка М. И. Смирновой с выписками по истории старообрядчества (сер. XX в.), блокнот (16×9), 70 л., киноварь, чернила, карандаш, полуустав и скоропись одной руки.
17. ИРЛИ. Северодвинское собр. № 856. Записные книжки и документы Л. В. Поповой (1930–1970-е гг.), блокноты и тетради разного формата, 19 л., 83 л., 25 л., чернила, карандаш, скоропись одной руки.

Купеческие записные книжки

18. ИРЛИ. Оп. 23. № 15. Записная книжка А. И. Коновалова, г. Туринск (1749–1770 гг.), л. 1–15, чернила, скоропись, в составе рукописи: Словарь иностранных слов, XVIII в., 8°, 58 л.
19. ИРЛИ. Кол. В. Н. Перетца. № 382. Семейная летопись К. В. Немилова, г. Ржев (1782–1808 гг.), л. 200 об., чернила, скоропись, в составе рукописи: Сборник, XVIII в., 4°, 200 л.
20. ИРЛИ. Оп. 25. № 28. Записная книга Д. А. Бовыкина и его семьи, г. Углич (1787–1881 гг.), чернила, полуустав и скоропись нескольких почерков, на полях печатной книги: Месяцеслов. Супрасль, 1774 г., 8°, 229 л.
21. ИРЛИ. Кол. В. Н. Перетца. № 537. Записная книга Б. С. Маркова, г. Острогжск (1803–1850 гг.), 1°, 49 л., чернила, скоропись одного почерка.
22. ИРЛИ. Кол. В. Н. Перетца. № 478. Записная книжка П. В. Червонного, г. Санкт-Петербург (1836–1870 гг.), л. 8 об.–38 об., чернила, скоропись, в составе рукописи: Сборник, XVIII в., 8°, 38 л.
23. ИРЛИ. Оп. 23. № 77. Записная книжка В. Е. Козминых, г. Торжок (1851–1852 гг.), 8°, 78 л., чернила, скоропись одного почерка.

Литература

- Адоньева — *Адоньева С. Б.* «Памятная книга» Дмитрия Ивановича Лукичёва // Мужской род. Первое лицо. Единственное число. СПб.: Пропповский центр, 2013. 288 с.
- Барклай — *Барклай И. Е.* Дневники тверских купцов. Тверь: Изд-во ТГТУ, 2002. 92 с.
- Бобров — *Бобров А. Г.* Воспоминания крестьян о времени Первой мировой войны // Первая мировая война в устном и письменном творчестве русских крестьян. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 278–327.
- Бойцова — *Бойцова О. Ю.* «Не смотри их, они плохие»: фотографии похорон в русской культуре // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 327–352.
- Бударагин 1994 — *Бударагин В. П.* «А красок и туши с книгами пошли...» (переписка северодвинских крестьян-старообрядцев начала XX в.) // Пути и миражи русской культуры. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 364–382.
- Бударагин 1997 — *Бударагин В. П.* Биография петербургского купца Ф. К. Долгого в старообрядческом синодике конца XVIII — начала XIX веков // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб.: Феникс; Atheneum, 1997. С. 321–325.

- Воспоминания русских крестьян — Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века / Вступ. ст., сост. В. А. Кошелева. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 778 с.
- Галашева — *Галашева Т. Н.* «В намеренный свой путь»: записная книжка турина купца А. И. Коновалова (1749–1770-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 3. С. 34–43.
- Гинзбург 1977 — *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. 2-е изд. Л.: Худож. лит., 1977. 448 с.
- Гинзбург 1982 — *Гинзбург Л. Я.* О старом и новом. Л.: Советский писатель, 1982. 424 с.
- Ершов — *Ершов В. П.* О дневнике заонежского бондаря // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 3–16.
- Ершов, Мельников — *Ершов В. П., Мельников И. В.* Текст дневника П. Т. Ананьина // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 17–149.
- Ефимова — *Ефимова С. Н.* Записная книжка писателя: стенограмма жизни. М.: Совпадение, 2012. 390 с.
- Заборский — *Заборский Н. И.* [Летопись села Зачачье] / Коммент. В. П. Бударagina // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 680–704.
- Карпов — *Карпов И. С.* По волнам житейского моря: воспоминания / Публ. Г. В. Маркелова, С. С. Гречишкина // Новый мир. 1992. № 1. С. 7–76.
- Качинская — *Качинская И. Б.* Крестьянский дневник // Севернорусские говоры. СПб., 2016. Т. 15. С. 315–343.
- Козлова — *Козлова Н. Н.* Советские люди: Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 526 с.
- Купеческие дневники и мемуары — Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX в. / Сост. А. В. Семенова, А. И. Аксенов, Н. В. Серета. М.: РОССПЭН, 2007. 467 с.
- Литвина, Успенский — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М.: Индрик, 2006. 904 с.
- Малышев 1962 — *Малышев В. И.* Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 18. С. 442–457.
- Малышев 1964 — *Малышев В. И.* Задачи собирания древнерусских рукописей // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 20. С. 303–332.
- Маргиналии 2008 — Международная конференция «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста» (Юрьев-Польский, 3–5 октября 2008 г.): Тез. докл. М., 2008. 152 с.
- Маркелов 1993а — *Маркелов Г. В.* Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 495–502.
- Маркелов 1993б — *Маркелов Г. В.* Жизнеописание пермогорского крестьянина И. С. Карпова // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 47. С. 423–429.
- Мелихов — *Мелихов М. В.* Видения печорского старообрядческого писателя С. А. Носова // Арт. Сыктывкар, 1998. № 1. С. 126–159.
- Мильчик — На разломе жизни: Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области: 1915–1931 годы / Публ. подгот. М. И. Мильчик, М. А. Шумар. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. 323 с.

- Морозов, Решетников — *Морозов В. В., Решетников Н. И.* Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева: 1906–1922 годы. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая, 1995. 255 с.
- Нацевская — *Нацевская Д. С.* Народный мастер Василий Иванович Третьяков // Народное искусство: Материалы и исследования. СПб.: Palace Editions, 2012. Вып. 3. С. 57–69.
- Пигин 2006 — *Пигин А. В.* Потаенное знание заонежских крестьян Корниловых // Живая старина. 2006. № 1. С. 42–46.
- Пигин 2016 — *Пигин А. В.* Чудеса Иова Ущельского (из дневника мезенского крестьянина рубежа XIX — XX вв.) // Живая старина. 2016. № 4 (92). С. 2–6.
- Пигин, Мороз — *Пигин А. В., Мороз А. Б.* Чудеса Иуды Конещельского (из дневника мезенского крестьянина Г. Я. Ситникова) // БЛДР. СПб.: Наука, 2020. Т. 20. С. 332–339.
- Поляков, Смирнова — *Поляков И. А., Смирнова М. А.* «Записки разных годов» московского купца Петра Пороховщикова: фамильный летописец в историческом сборнике второй половины XVIII в. // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 6–23.
- Разумова — *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 374 с.
- Савельев — *Савельев А. А.* Переписка семьи пинежан Яковлевых // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 451–457.
- Савельев, Савельева — *Савельев А. А., Савельева Н. В.* «Я солдат, не богослов...» (солдатская служба XIX — нач. XX в. в письмах, заметках и воспоминаниях пинежских крестьян) // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию А. Ф. Белоусова. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 131–149.
- Савельева — *Савельева Н. В.* Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX в.: Опыт исследования. Источники: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1: Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. 721 с.
- Ситнова, Мельниченко — *Дневник алтайского крестьянина К. Ф. Измайлова (1923–1934): В 2 т. М.: Common place, 2020. Т. 1 / Предисл. А. Ситновой, М. Мельниченко. 663 с.*
- Смирнова — *Смирнова М. А.* Мемуары и дневники петербургских купцов конца XVIII — начала XX в. как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 301 с.
- Терешкина — *Терешкина Д. Б.* Записные книжки дореволюционного периода в фондах отдела письменных источников Новгородского музея // Новгородский исторический сборник. 2016. № 16 (26). С. 260–284.
- Тиханов — *Тиханов П. Н.* Старые календари. Брянск: Тип. А. Арцишевского, 1896. 127 с.
- Ульянова — *Ульянова Г. Н.* Автобиографические тексты купечества: религиозное сознание и религиозное поведение: 1770–1860-е годы // Вера и личность в меняющемся обществе / Под ред. Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 161–203.
- Шилов — *Шилов П. Н.* Памятные книжки семьи Корниловых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 166–175.
- Шмид — *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 311 с.

- Яковлева — Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Хельсинки: University of Helsinki, 2012. 208 с.
- Herzberg — Herzberg Julia. Gegenarchive: Bäuerliche Autobiographik zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Bielefeld: Transcript, 2013. 494 S.
- Poliakov, Smirnova — Poliakov I., Smirnova M. The Genesis and Evolution of the Autobiographical Genre in Russian Early Modern Manuscript Culture // Journal of Early Modern Studies. 2022. № 11. P. 67–92.
- Tersch — Tersch H. Schreibkalender und Schreibkultur: Zur Rezeptionsgeschichte eines frühen Massenmediums. Graz: Neugebauer, 2008. 120 S.

References

- Adon'eva, S. B. (2013). *Muzhskoi rod. Pervoe litso. Edinstvennoe chislo*. Saint Petersburg: Proppovskii Tsent, 288 p.
- Barklai, I. E. (2002). *Dnevnikivterskikh kuptsov*. Tver': Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 92 p.
- Bobrov, A. G. (2014). 'Vospominaniya krest'yan o vremeni Pervoi mirovoi voiny', in: *Pervaya mirovaya voina v ustnom i pis'mennom tvorchestve russkikh krest'yan*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 278–327.
- Boitsova, O. Yu. (2010). "Ne smotri ikh, oni plokhie": fotografii pokhoron v russkoi kul'ture', *Antropologicheskii forum*, 12, 327–352.
- Budaragin, V. P. (1994). "A krasok i tushi s knigami poshli..." (perepiska severodvinskikh krest'yan-starooobryadtsev nachala 20 veka), in: *Puti i mirazhi russkoi kul'tury*. Saint Petersburg: Severo-Zapad, 364–382.
- Budaragin, V. P. (1997). 'Biografiya peterburgskogo kuptsa F. K. Dolgogo v staroobryadcheskom sinodike kontsa 18 — nachala 19 vekov, in: *In memoriam: Sbornik pamyati Ya. S. Lur'e*. Saint Petersburg: Feniks; Atheneum, 321–325.
- Budaragin, V. P., ed. (2006). Zaborskii, N. I. [Letopis' sela Zachach'e], in: *Vospominaniya russkikh krest'yan 18 — pervoi poloviny 19 veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 680–704.
- Efimova, S. N. (2012). *Zapisnaya knizhka pisatelya: stenogramma zhizni*. Moscow: Sovpadenie, 390 p.
- Ershov, V. P. (2013). 'O dnevnike zaonezhskogo bondarya', *Kizhskii vestnik*, 14, 3–16.
- Ershov, V. P., Mel'nikov, I. V. (2013). 'Tekst dnevnika P. T. Anan'ina', *Kizhskii vestnik*, 14, 17–149.
- Galasheva, T. N. (2022). "V namerennyi svoi put'": zapisnaya knizhka turinskogo kuptsa A. I. Konovalova (1749–1770-e gody)', *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 29, 3, 34–43.
- Ginzburg, L. Ya. (1977). *O psikhologicheskoi proze*. 2nd ed. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 448 p.
- Ginzburg, L. Ya. (1982). *O starom i novom*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 424 p.
- Herzberg, Ju. (2013). *Gegenarchive: Bäuerliche Autobiographik zwischen Zarenreich und Sowjetunion*. Bielefeld: Transcript, 494 p.
- Kachinskaya, I. B. (2016). 'Krest'yanskii dnevnik', *Severnorrusskie govory*, 15, 315–343.
- Koshelev, V. A., ed. (2006). *Vospominaniya russkikh krest'yan 18 — pervoi poloviny 19 veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 778 p.
- Kozlova, N. N. (2005). *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii*. Moscow: Evropa, 526 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. (2006) *Vybor imeni u russkikh knyazei v 10–16 vekakh*. Moscow: Indrik, 904 p.

- Malyshev, V. I. (1962). 'Perepiska i delovye bumagi ust'-tsilemskikh krest'yan 18–19 vekov', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 18, 442–457.
- Malyshev, V. I. (1964). 'Zadachi sobiraniya drevnerusskikh rukopisei', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Nauka. Vol. 20, 303–332.
- Markelov, G. V. (1993). 'Krest'yanskie arkhivy v Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 46, 495–502.
- Markelov, G. V. (1993). 'Zhizneopisanie permogorskogo krest'yanina I. S. Karpova', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 47, 423–429.
- Markelov, G. V., Grechishkin, S. S., eds. (1992). Karpov, I. S. 'Po volnam zHITEISKOGO morya: vospominaniya', *Novyi mir*, 1, 7–76.
- Melikhov, M. V. (1998). 'Videniya pechorskogo staroobryadcheskogo pisatelya S. A. Nosova', *Art (Syktyvkar)*, 1, 126–159.
- Mezhdunarodnaya konferentsiya "Marginalii 2008: periferiya kul'tury i granitsy teksta" (Yur'ev-Pol'skii, 3–5 oktyabrya 2008). Tezisy dokladov (2008)*. Moscow, 152 p.
- Mil'chik, M. I., Shumar, M. A., eds. (1997). *Na razlome zhizni. Dnevnik Ivana Glotova, pezhemskogo krest'yanina Vel'skogo raiona Arkhangel'skoi oblasti. 1915–1931 gody*. Moscow: Institut etnologii i antropologii imeni N. N. Miklukho-Maklaya, 323 p.
- Morozov, V. V., Reshetnikov, N. I. (1995). *Dnevnik totemskogo krest'yanina A. A. Zamaraeva. 1906–1922 gody*. Moscow: Institut etnologii i antropologii imeni N. N. Miklukho-Maklaya, 255 p.
- Natsevskaya, D. S. (2012). 'Narodnyi master Vasilii Ivanovich Tret'yakov', in: *Narodnoe iskusstvo. Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg: Palace Editions, 3, 57–69.
- Pigin, A. V. (2006). 'Potaennoe znanie zaonezhskikh krest'yan Kornilovykh', *Zhivaya starina*, 1, 42–46.
- Pigin, A. V. (2016). 'Chudesa lova Ushchel'skogo (iz dnevnika mezenskogo krest'yanina rubezha 19–20 vekov)', *Zhivaya starina*, 4, 2–6.
- Pigin, A. V., Moroz, A. B. (2020). 'Chudesa ludy Koneshchel'skogo (iz dnevnika mezenskogo krest'yanina G. Ya. Sitnikova)', in: *Biblioteka literatury Drevney Rusi*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 20, 332–339.
- Poliakov, I., Smirnova, M. (2022). 'The Genesis and Evolution of the Autobiographical Genre in Russian Early Modern Manuscript Culture', *Journal of Early Modern Studies*, 11, 67–92.
- Polyakov, I. A., Smirnova, M. A. (2021). "'Zapiski raznykh godov" moskovskogo kuptsa Petra Porokhovshchikova: famil'nyi letopisets v istoricheskom sbornike vtoroi poloviny 18 veka', *Dva veka russkoi klassiki*. Vol. 3, 1, 6–23.
- Razumova, I. A. (2001). *Potaennoe znanie sovremennoi russkoi sem'i: Byt. Fol'klor. Istoriya*. Moscow: Indrik, 374 p.
- Savel'ev, A. A. (1993). 'Perepiska sem'i pinezhan Yakovlevykh', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 48, 451–457.
- Savel'ev, A. A., Savel'eva, N. V. (2006). "'Ya soldat, ne bogoslov..'" (soldatskaya sluzhba 19 — nachala 20 vekov v pis'makh, zametkakh i vospominaniyakh pinezhskikh krest'yan)', in: *Fol'klor, postfol'klor, byt, literature. Sbornik statei k 60-letiyu*

- A. F. Belousova. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi institut kultury, 131–149.
- Savel'eva, N. V. (2003). *Pinezhskaia knizhno-rukopisnaia traditsiia 16 — nachala 20 vekov. Opyt issledovaniia. Istochniki*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1. Ocherk istorii formirovaniia pinezhskoi knizhno-rukopisnoi traditsii. Opisanie rukopisnykh istochnikov, 721 p.
- Semenova, A. V., Aksenov, A. I., Sereda, N. V., eds. (2007). *Kupecheskie dnevniki i memuary kontsa 18 — pervoi poloviny 19 veka*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediia, 467 p.
- Shilov, P. N. (2007). 'Pamyatnye knizhki sem'i Kornilovykh', *Kizhskii vestnik*, 11, 166–175.
- Shmid, V. (2003). *Narratologiia*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury, 311 p.
- Sitnova, A., Mel'nichenko, M., eds. (2020). *Dnevnik altaiskogo krest'yanina K. F. Izmailova (1923–1934)*. Moscow: Common place. Vol. 1, 663 p.
- Smirnova, M. A. (2011). *Memuary i dnevniki peterburgskikh kuptsov kontsa 18 — nachala 20 vekov kak istoricheskii istochnik*. Dissertatsiia ... kandidata istoricheskikh nauk. Saint Petersburg, 301 p.
- Tereshkina, D. B. (2016). 'Zapisnye knizhki dorevolyutsionnogo perioda v fondakh otdela pis'mennykh istochnikov Novgorodskogo muzeya', *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 16 (26), 260–284.
- Tersch, H. (2008). *Schreibkalender und Schreibkultur: Zur Rezeptionsgeschichte eines frühen Massenmediums*. Graz: Neugebauer, 120 p.
- Tikhanov, P. N. (1896). *Starye kalendari*. Bryansk: Tipografiia A. Artsishevskogo, 127 p.
- Ul'yanova, G. N. (2019). 'Avtobiograficheskie teksty kupechestva: religioznoe soznanie i religioznoe povedenie. 1770–1860-e gody', in: L. Manchester, D. A. Sdvizhkova, ed. *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 161–203.
- Yakovleva, N. (2012). *"Chelovecheskii document": istoriia odnogo ponyatiia*. Helsinki: University of Helsinki, 208 p.

А. А. Панченко

К ИЗУЧЕНИЮ СЮЖЕТА О КОМПЬЮТЕРЕ «ЗВЕРЬ»: ИСТОРИЯ, МИГРАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Резюме

В 2000-е гг. православные верующие в России и других постсоветских странах пережили моральную панику, связанную с развитием государственной системы индивидуального учета и распространением новых информационных технологий. Одним из важных факторов в развитии этой паники была циркуляция фольклорного сюжета о находящемся в Брюсселе компьютере под названием «Зверь». Статья посвящена его первоначальной истории и переводам на русский язык, а также культурным и идеологическим контекстам, обеспечившим его глобальную популярность. Она развивает и дополняет предыдущие работы автора, посвященные этой теме.

Непосредственные обстоятельства появления рассматриваемого сюжета несколько раз обсуждались исследователями, однако оставались дискуссионными. Лишь совсем недавно Юджину Клэю удалось установить, что получивший впоследствии вирусное распространение текст о компьютере «Зверь» был придуман и обнародован пятидесятилетним пастором Дэвидом Вилкерсоном (1931–2011) в 1973 г. К концу 1970-х гг. этот сюжет стал широко известен и популярен в среде американских протестантов-евангеликов. В 1980-е гг. текст о компьютере «Зверь» был переведен на разные языки и получил глобальное распространение в различных конфессиональных и секулярных контекстах. История его проникновения в русскоязычную культуру представляется в этом смысле по-своему показательной. Один из его первых переводов на русский язык был сделан профессором русистики в Университете Южной Алабамы П. Р. Ваулиным в 1981 г. В начале 1980-х гг. появилась и другая русскоязычная компиляция сведений о компьютере «Зверь», сделанная, по-видимому, в Сакраменто сотрудницей баптистской газеты «Наши дни» Верой Тайсон. Этот текст получил распространение не только в среде русскоязычных баптистов, но и у старообрядцев часовенного согласия. В начале 1990-х в России появились и другие публикации на ту же тему.

Таким образом, первоначальное распространение рассматриваемого сюжета на русском языке было обусловлено его популярностью среди относительно малочисленных и маргинальных религиозных групп русских эмигрантов в США — баптистов

и старообрядцев часовенного согласия, чья эсхатология и конспирология в существенной степени были основаны на идеях антиглобализма и социального эскапизма. В постсоветской религиозной культуре сюжет о компьютере «Зверь» вскоре получил очень широкое распространение, что, по всей видимости, следует связывать с особой значимостью «паники агентности» для обществ, сформировавшихся на обломках СССР.

Ключевые слова: эсхатология, теории заговора, моральные паники, сюжет о компьютере «Зверь», старообрядчество

Alexander A. Panchenko

THE LEGEND OF THE “BEAST COMPUTER”: HISTORY, MIGRATION, AND CULTURAL CONTEXTS

Abstract

In the 2000s, Russian Orthodox believers underwent a moral panic related to the spread of new informational technologies and the rise of state individual identification systems. Among other factors contributing to the panic was the legend about “the Beast Computer in Brussels”. This article deals with its initial history, translations of the legend into Russian, as well as the cultural and ideological contexts that promoted its global popularity. The article supplements previous publications on this topic by the author.

The genesis and the immediate context of the legend have been debated by scholars. Only recently, however, Eugene Clay discovered that the story was invented and publicized by the American evangelical preacher David Wilkerson (1931–2011) in 1973. By the end of the 1970s, the legend had become immensely popular amongst evangelical Christians in the US. In the 1980s, it was translated into several languages and spread globally in different confessional and secular contexts. One of its first translations into Russian was published in 1981 by Pavel Vaulin (1918–2007), a professor at the University of South Alabama. Another Russian compilation of the legend was probably composed in the early 1980s in Sacramento by Vera Tyson, an editor at the Russian Baptist newspaper *Nashi Dni* (“Our Days”). This text was popular with both the Baptists and the Russian Old Believers in the US and abroad. Some other Russian publications about the Beast Computer appeared in Russia in the early 1990s.

The initial dissemination of the Russian versions of the legend was related to its popularity among relatively small and marginal émigré groups whose eschatology and conspiratorial fantasies developed from the ideas of anti-globalism and social escapism. In the post-Soviet religious culture, however, the story about the Beast Computer soon became widely known and popular. The reason for its extreme popularity was probably “agency panic”, especially characteristic of the societies that appeared on the fragmented terrain of the post-Soviet empire.

Keywords: eschatology, conspiracy theories, moral panics, the legend of the Beast Computer, Old Believers

DOI 10.31860/2712-7591-2022-3-134-159

В 2000-е гг. православные верующие в России и других постсоветских странах пережили моральную панику, связанную с развитием государственной системы индивидуального учета и распространением новых информационных технологий. Одним из важных факторов в развитии этой паники была циркуляция фольклорного сюжета о находящемся в Брюсселе компьютере под названием «Зверь». Настоящая статья посвящена его первоначальной истории и переводам на русский язык, а также культурным и идеологическим контекстам, обеспечившим его глобальную популярность. Она развивает и дополняет мои предыдущие работы, посвященные этой теме [Панченко; Panchenko].

Исследователи американского протестантизма второй половины XX в. неоднократно обращали внимание на формирование здесь специфической религиозной культуры или дискурса, основанного на вере в апокалиптические пророчества и скорое наступление событий, описанных в Откровении Иоанна Богослова и других эсхатологических фрагментах Ветхого и Нового Завета. Как писал еще в 1992 г. историк Пол Бойер, «вера в пророчества занимает в американской мысли гораздо более важное место, чем считают специалисты по интеллектуальной истории, и (...) в годы, последовавшие за Второй мировой войной, проповедники особой системы верований — диспенсационного премиллениализма — заметно повлияли на общественное отношение к довольно разным темам — от Советского Союза, Общего рынка и Ближнего Востока до компьютеров и экологического кризиса» [Boyer, p. IX]. Понятно, что во многих отношениях эта тенденция продолжала и развивала традицию эсхатологических ожиданий, характерных для христианства и авраамических религий в целом. Вместе с тем в ней можно увидеть и специфическую (анти)глобалистскую теологию, обусловленную радикальными изменениями мировой экономики и медиа. Другой американский исследователь — религиовед Гленн Шак — предложил в 2005 г. обсуждать эту эсхатологию в контексте социологической концепции «сетевого общества» или «сетевой культуры». Следуя идеям Мануэля Кастельса, Шак понимает под сетевой культурой «матрицу быстрых технологических, социальных и культурных изменений, происходивших по всему миру после Второй мировой войны, и особенно с конца 1960-х гг. Она отличается взрывным развитием новых технологий, глобальной экономики и растущими информационными потоками... Авторы пророческих текстов утверждают, что эти нежеланные перемены означают появление „системы Зверя“» [Shuck, p. 1–2].

Речь, иными словами, идет об эсхатологической реакции на глобализацию и становление информационного общества, воспринимаемые в качестве угрозы религиозной, национальной и этнической идентичности, а также, судя

по всему, индивидуальной агентности. И американские протестанты, и религиозные антиглобалисты в других странах в конце XX — начале XXI в., как правило, не отказывались от новых технологий, экономических инструментов и форм потребления, которые они ассоциировали с ожидаемым «концом времен». Вместе с тем рост информационных потоков, а также эрозия привычных социальных иерархий и структур вызвали в их среде появление новых идентичностей, основанных на эсхатологической и конспирологической репрезентации «паники агентности» (*agency panic*), если воспользоваться термином американского литературоведа Тимоти Мелли [Melley, p. 7–16]. Согласно этому исследователю, формирование и взрывообразный рост популярности теорий заговора во второй половине XX в. непосредственно связаны с коллективным переживанием «убывающей агентности», «чувством, что человек теряет способность совершать осмысленные социальные действия, а в отдельных случаях и контролировать собственное поведение» [Melley, p. 11]. Теология и религиозная герменевтика в таком контексте представляют лишь один из возможных языков для репрезентации соответствующих противоречий между персональной идентичностью и сложными социальными процессами.

Именно глобальный рост «паники агентности», по-видимому, обусловил и возникновение и широкую популярность сюжета о зловещем компьютере по имени «Зверь». Непосредственные обстоятельства его появления несколько раз обсуждались исследователями, однако оставались дискуссионными. Высказывалось, в частности, предположение, что историю о компьютере «Зверь» выдумал автор апокалиптического романа-антиутопии «И се конь блед» (*Behold a Pale Horse*, 1970) Джо Массер (1936–2021). Эту версию, получившую широкое распространение в Интернете, приняли на веру некоторые исследователи [Lewis, p. 24; Ахметова, с. 147], однако она не находит фактических подтверждений. Я предполагал, что сюжет о зловещем компьютере был придуман и обнародован в 1975 г. кем-то из пасторов Юго-Западной радио-церкви (далее — ЮЗРЦ) — внеденоминационной евангелической радиопрограммы, основанной в 1933 г. в Оклахоме и существующей по сей день [Панченко, с. 128]. Лишь совсем недавно Юджину Клэю вроде бы удалось установить, как все было на самом деле [Clay, p. 146–147]. Эта история действительно имеет отношение к Джо Массеру, но только косвенное. Судя по всему, получивший впоследствии вирусное распространение текст о компьютере «Зверь» придумал пятидесятнический пастор Дэвид Вилкерсон (1931–2011), прославившийся своими проповедями среди подростковых банд Нью-Йорка и написанной об этом книгой «Крест и нож» (1962). В 1972 г. Вилкерсон познакомился с Массером

и предложил экранизировать роман «И се конь блед» [Musser]. В ходе рекламной кампании этого фильма, получившего название «Вознесение» (*The Rapture*, 1972), Вилкерсон напечатал и распространял имитацию газеты «Знамена времени» (*Signs of the Times*, 1973), наполненную сообщениями о катастрофах, тревожных и таинственных происшествиях, предвещающих наступление событий, описанных в Апокалипсисе [Clay, p. 147]. Среди них была и заметка, озаглавленная «Рождение „Зверя“: ученый представляет компьютерный план восстановления (экономики)». В ней сообщалось:

Dr. Hendrick Eldeman, Chief Analyst of the Common Market Confederacy, announced today from Brussels that a computerized restoration plan is already under way in the aftermath of world chaos.

In the crisis meeting which brought together scientists, advisors and CMC leaders, Dr. Eldeman unveiled “THE BEAST”. The Beast is a gigantic computer that takes up three entire floors at the administration building of Market headquarters. This “monster” is a self-programming unit that has over 100 sensing input sources.

Computer experts have been working on a plan to computerize all world trade. This master plan involves a digital numbering system for every human on earth. The computer would assign each citizen of the world a number—to use for all buying and selling. To avoid the problems of ordinary credit cards, the number would be invisibly “laser” tattooed on the forehead or the back of the hand. It would provide a “walking credit card” system. The number would show up under infra-red “scanners” to be placed at all check-out counters and places of business. Dr. Eldeman suggested that “by using three six-digital units the entire world could be assigned a walking credit card number” [Wilkerson 1973, p. 3]¹.

Надо сказать, что этот текст был для Вилкерсона не просто досужей выдумкой, призванной привлечь внимание зрителей к выпускаемому фильму. Летом 1973 г. пастор, перебравшийся к этому времени в Техас, получил видение о грядущем «времени печали и скорби», предсказанном в эсхатологических пророчествах Христа на горе Елеонской (Мф. 24; Мк. 13). На следующий год он издал описание ожидающих человечество бедствий и катастроф отдельной книгой [Wilkerson 1974]. В ней Вилкерсон предрекал скорый и неминуемый экономический кризис, который приведет к банкротству крупных корпораций и мелких предпринимателей, эпидемии самоубийств и бегству из городов в сельскую местность, росту общественного напряжения. Соци-

¹ Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность Ю. Кляу, поделившемуся со мной копией этой публикации.

ально-экономические неурядицы будут сопровождаться резкими климатическими изменениями и природными катастрофами, включая землетрясения, наводнения, ведущую к голоду засуху, вспышки эпидемий и т. п. Столь же заметным окажется упадок морали, подразумевающий распространение эротики и порнографии в средствах массовой информации, уроки полового воспитания в школах, популярность гомосексуализма и внебрачного секса, вражду между детьми и родителями. Истинных христиан, согласно видению Вилкерсона, в скором времени должны ожидать гонения со стороны правительств, средств массовой информации, гомосексуалистов, оккультистов и сатанистов, а также всемирной экуменической церкви, созданной под эгидой Ватикана. Особая роль в этих предсказаниях уделялась объединенной Европе, которая, как предполагалось, должна подготовить приход антихриста. Предсказывая глобальный финансовый кризис, Вилкерсон утверждал, что он приведет к созданию всемирной денежной системы, контролируемой европейцами:

Я знаю, что восстановленная Римская империя станет со временем могущественной базой для супермирового лидера, который появится, чтобы восстановить экономический порядок, и, несомненно, именно он создаст всемирную систему так называемых «живых кредитных карточек». На лоб и руку будут наноситься невидимые числа, которые смогут быть обнаружены только фотоскопическими приборами. Возможно, эти цифры будут распределены на три группы по 6 цифр в каждой: эти группы цифр будут располагаться друг от друга на расстоянии в ширину пальца. Этот «знак» будет поставлен каждому человеку, и ни один человек не сможет покупать или продавать без этой невидимой цифровой татуировки [Wilkerson 1974, p. 22–23]².

Таким образом, текст, опубликованный в «Знамениях времени», развивал идею, уже высказанную в «Видении» и недвусмысленно отсылавшую к соответствующему фрагменту из 13-й главы Откровения Иоанна Богослова:

И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть (Откр. 13: 16–18).

² Цитирую русский перевод: [Вилкерсон 1993].

Пророчества Вилкерсона в целом вряд ли можно назвать оригинальными, поскольку они отражали общие мотивы и тенденции эсхатологии консервативных американских евангеликов начала 1970-х гг. Апокалиптическая герменевтика «новых правых христиан» того времени сочетала религиозные истолкования геополитических процессов (холодная война, арабо-израильское противостояние, формирование будущего Европейского Союза), экономических кризисов (стагфляция, глобальный рост нефтяных цен), а также развития информационных технологий и электронных коммуникаций [Панченко, с. 126–128]. Сюжет о компьютере «Зверь» явным и скрытым образом сочетал все эти эсхатологические опасения, что, по всей видимости, и позволило ему довольно быстро распространиться и в среде американских протестантов, и за ее пределами.

Одними из первых на заметку Вилкерсона обратили внимание выступавшие на ЮЗРЦ пасторы Дэвид Веббер (1931–2004) и Ной Хатчингс (1922–2015), написавшие в 1970-е и 1980-е гг. несколько книг о грядущей апокалиптической роли компьютерных технологий [Webber, Hutchings 1978; 1986]. Впрочем, помимо Веббера и Хатчингса, в «техно-эсхатологической» пропаганде ЮЗРЦ участвовали и другие люди, в частности обладатель докторской степени по массовым коммуникациям и образовательным технологиям Эмиль Гаверлак, занимавшийся популяризацией разнообразных религиозно-конспирологических и криптоисторических идей. Среди гостей его программы на ЮЗРЦ был некий доктор Патрик Фишер — специалист по компьютерным технологиям (не следует путать его с профессором Патриком Карлом Фишером, преподававшим в то время в университете штата Пенсильвания). Гаверлак и Фишер даже издали основанную на совместных радиопередачах книгу, озаглавленную «Оптическое волокно: глаз антихриста»; в ней, в частности, речь шла о том, что телевизоры, подключенные к оптоволоконному кабелю, позволяют вести постоянную слежку за их владельцами [Gaverluk, Fisher]. Лейтмотивом этой «электронной эсхатологии» опять-таки была идея о тотальном подчинении человечества и манипулировании людьми со стороны скрытых и таинственных сил, опосредованных всемогущими и повсюду проникающими техническими устройствами.

В 1975 г. ЮЗРЦ сообщила, что в Брюсселе находится суперкомпьютер, известный как «Зверь», который вскоре «соединит банки по всему миру и постепенно приведет к социалистическому выравниванию экономики, а также созданию новой денежной системы к 1980 г. В том же году Колин Дил (автор книги «Возвратится ли Христос к 1988 году? 101 доказательство». — А. П.) сообщил своим читателям, что лидерам Общего рынка во время „кризисной

встречи“ в Брюсселе показали „Зверь“ — гигантский компьютер, занимающий три этажа в административном здании штаб-квартиры Общего рынка» [Fuller, p. 181]. Однако наиболее значимую роль в популяризации рассматриваемого сюжета сыграла книга евангелической проповедницы и основательницы «Лиги молитвы» Мэри Стюарт Рэлф (1916–2011) «Когда ваши деньги теряют смысл, система 666 в действии», вышедшая в 1981 г. в Алабаме. Утверждая, что число 666 постепенно проникает во все сферы повседневной жизни американцев (его удавалось отыскать даже на маркировке напольной плитки и ярлыках мужских сорочек), Рэлф уделяла особое внимание развитию международных платежных систем и распространению пластиковых дебетовых карточек, которые, по ее мнению, должны были стать главным инструментом экономического подчинения человечества. В первой главе книги было дано более 30 примеров «внезапного глобального использования» числа 666. Вторая глава — «Общество электронных (безналичных) денег» — была непосредственно посвящена истолкованию Откр. 13: 16–18 в контексте распространения электронных сетей и платежных инструментов. Главной и неотвратимой опасностью для человечества Рэлф считала формирование «общества электронных денег», основанного на системе международных платежных карт, чей код будет включать комбинацию 666. В конечном счете эта система полностью вытеснит и кредитные карты, и наличные расчеты. Однако у нее есть и свои практические изъязны: человек может забыть секретный код или потерять свою карту. Поэтому в дальнейшем пластиковые карточки предполагается заменить лазерными татуировками на лбу и правой руке каждого человека, что прямо соответствует пророчеству Иоанна Богослова.

В этом контексте Рэлф пересказывает историю о брюссельском компьютере и докторе Элдемани, повторяя ее несколько раз [Relfe 1981, p. 37, 42–46]. Более того, проповедница, следуя той же 13-й главе Апокалипсиса, утверждала, что на смену «малому зверю» в Брюсселе скоро придет другой суперкомпьютер, который находится в Люксембурге [Relfe 1981, p. 46]. В книге была даже опубликована фотография «люксембургского» компьютера: в этом качестве фигурировало «здание имени Жана Моне», построенное в конце 1970-х гг. архитектором Богданом Пачовски для Европейской комиссии.

В последующих главах Рэлф попыталась описать более общие социально-экономические и исторические черты приближающегося царства антихриста. Среди признаков наступления «последних времен» алабамская проповедница называла появление различных международных организаций: Мирового банка, Всемирной организации здравоохранения, Международ-

ного валютного фонда и т. п. Значительное место в книге отводилось и грядущей эсхатологической роли Советского Союза, который в эсхатологических ожиданиях американских евангеликов ассоциировался с библейскими Гогом и Магогом. В качестве одного из доказательств, что именно Россия — конное войско из пророчества Иезекииля, которое придет «в последние годы (...) на горы Израилевы» (Иез. 38: 8), в книге фигурировала почтовая марка «10 лет Первой конной» (номинал 14 копеек), выпущенная в СССР в начале 1930 г. На ней были изображены всадники с красным знаменем и карта Северного Причерноморья с отмеченным на ней боевым путем кавалерийской армии. По мнению Рэлф, эта марка «пророчески напоминала» о грядущем вторжении русских в Израиль [Relfe 1981, p. 182–183].

* * *

В 1980-е гг. сюжет о компьютере «Зверь» был переведен на разные языки и получил глобальное распространение в различных конфессиональных и секулярных контекстах. История его проникновения в русскоязычную культуру представляется в этом смысле по-своему показательной. В 1989 г. екатеринбургская исследовательница Л. С. Соболева получила в свое распоряжение архив старообрядческого наставника К. К. Горбунова, скончавшегося за год до этого в уральском селе на северо-западе Свердловской области. В последние годы своей жизни Горбунов перешел в белокриницкое согласие, однако ранее он, как и большинство его родственников, принадлежал к часовенным. Среди тетрадок с записями Горбунова Соболева обнаружила сочинение «О появлении зверя сатаны», лично переписанное наставником. Речь в нем шла «о существовании глобальной компьютерной системы, кредитных карточек и лазерных тайных знаков „печати антихриста“». «Эти сведения, — пишет Соболева, — не остановили наставника своей непонятностью, а напротив, обнаружили его творческую активность, готовность принять и осмыслить неизвестную ранее информацию» [Соболева 1997, с. 123; см. также: Соболева 2005, с. 163–178].

В 1997 г. Соболева опубликовала полный текст этого сочинения, указав также на существование «более грамотного» варианта, хранящегося в библиотеке МГУ. По предположению уральской исследовательницы, источником старообрядческого текста была статья «Наступление зверя», опубликованная в 1981 г. в США в журнале «Нива» [Соболева 1997, с. 123]. Я не совсем понимаю, имела ли Соболева возможность лично ознакомиться с этой статьей. Вероятнее всего, такой возможности у исследовательницы не было, поскольку она не привела никаких текстологических данных, по-

звolyающих говорить о связи двух рассматриваемых сочинений, и ограничилась довольно тривиальным замечанием о том, что «статья вышла, видимо, из религиозной среды русских эмигрантов». В действительности, однако, вся эта история более сложна и занимательна, чем казалось Соболевой. И статья «Наступление зверя», и старообрядческое сочинение об антихристе-компьютере восходят к одному и тому же источнику — вышеупомянутой книге Рэлф «Когда ваши деньги теряют смысл».

Первый из этих переводов, по всей видимости, принадлежал перу профессора русистики в Университете Южной Алабамы П. Р. Ваулина (1918–2007), печатавшегося также под псевдонимом Петухов. Ваулин был эмигрантом из СССР, попавшим в плен во время советско-финской войны, перебравшимся в Швецию, а затем в Америку и примкнувшим здесь к радикальному религиозно-националистическому крылу русской диаспоры. В 1981 г. Ваулин перевел несколько фрагментов из книги Рэлф (среди них — историю о брюссельском компьютере) и опубликовал их под заголовком «Наступление зверя» в издаваемом им русскоязычном журнале «Нива» [Ваулин]. О том, что непосредственным (и, вероятно, единственным) источником этой заметки была именно книга алабамской проповедницы, свидетельствуют не только многочисленные текстуальные совпадения, но и иллюстративный материал: Ваулин попросту скопировал ряд фотографий, опубликованных Рэлф. При этом он ограничился пересказом (иногда дословным) лишь первых двух глав книги: соответствующие «геополитические» пророчества ему, вероятно, были менее близки в силу неприглядной роли, отведенной в них России, а также филосемитизма, типичного для эсхатологии Рэлф и ее единомышленников (сам Ваулин был не только националистом, но и антисемитом).

Судя по всему, однако, непосредственным источником старообрядческого сочинения об антихристе-компьютере был другой перевод из книги Рэлф, появившийся, вероятно, вскоре после публикации Ваулина. Некоторые обстоятельства истории этого текста остаются мне неизвестными, однако их можно реконструировать хотя бы гипотетически. В 1989 г. в альманахе «Путь спасения», издававшемся в Орегоне одним из активных деятелей русского старообрядчества в Америке П. Г. Мартюшевым³, была опубликована заметка, озаглавленная «Всемирный заговор. Число? 666» [Всемирный

³ Известно, что Мартюшев был, помимо всего прочего, пропагандистом «компьютерной эсхатологии» и эти его взгляды оказали непосредственное влияние на старообрядческую аудиторию в позднем СССР, в частности на Иродиона Уральского. См.: [Агеева, с. 11, 16; Покровский, Зольникова, с. 422–423].

заговор]⁴. Сопоставление этой последней с публикацией Соболевой позволяет говорить о том, что они практически идентичны и, по всей вероятности, восходят к одному источнику. При этом в публикации «Пути спасения» есть указание на авторство и источники перевода, поскольку она предваряется следующим сообщением:

Все сведения, изложенные в этой статье, взяты из следующих книг: «Mystery 666» — L. E. Stanton; «The New Money System» — M. S. Relfe; «When your Money Fails» — M. S. Relfe; «The Day the Dollar Dies» — W. Cantelon (В. Тайсон).

В 1993 г. расширенный вариант того же самого текста был издан в Сочи баптистским издательством «Христианин и время». Здесь были опущены указания на источники перевода, однако сохранялось имя его автора, представленного как «В. Тайсон, богослов» [Тайсон [б. г.]]⁵. Епископ И. Н. Чехунов, руководивший в то время издательством, ответил на мой вопрос об источниках публикации следующее:

В редколлегию всероссийского издательства «Христианин и время» Союза ЕХБ РФ входил Иван Николаевич Козлов — бывший главный редактор славянского отдела Миссионерского общества «Свет на Востоке», Корнталь, Германия. И он, будучи в очередной раз в Москве, передал мне названный Вами материал вместе с другими. Назывался он изначально, как мне помнится, «Сатанинское число 666». Мы опубликовали его в журнале. Но поскольку был большой спрос на публикацию, выпустили дополнительно брошюрой. Рекомендации Ивана Козлова, нашего соотечественника и авторитетного служителя Евангелия, а также члена редколлегии издательства «Христианин и время», мне было достаточно, поэтому биографией самого автора я не интересовался. (...) Интересующий Вас материал был переведен на русский язык в машинописном варианте. Мне пришлось сделать незначительную литературную обработку⁶.

Таким образом, текст об антихристе-компьютере, известный по рукописи К. К. Горбунова и публикации в альманахе «Путь спасения», имел хождение и в среде русскоязычных христиан-евангеликов, использовал

⁴ Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность Е. А. Агеевой, поделившейся со мной копией этой публикации.

⁵ В 1994 г. было выпущено еще одно издание той же брошюры.

⁶ Личные письма И. Н. Чехунова автору настоящей статьи от 23 и 30 марта 2017 г.

не одну, а две книги Рэлф⁷, а также брошюры австралийского миссионера Дона Стэнтона (1977) [Stanton] и американского пятидесятника Уилларда Кантелона (1973) [Cantelon], а компиляция либо перевод текста были сделаны неким В. Тайсоном. Впрочем, основным источником перевода все же была, по-видимому, именно первая книга Рэлф.

Кем же, однако, был таинственный В. Тайсон? Мне не удалось найти такого человека среди американских евангелических проповедников и богословов начала 1980-х гг. Вместе с тем именно «баптистский след» рассматриваемого текста позволяет предположить, кто был его составителем и переводчиком. В 1980-е гг. в баптистской газете «Наши дни», выходящей в Сакраменто, работала переводчиком и корректором некая Вера Тайсон, родившаяся в 1922 г. в Советском Союзе и попавшая в США после Второй мировой войны⁸. К сожалению, мне не удалось вступить в контакт с редакцией «Наших дней», а также ознакомиться с архивом этой газеты за 1980-е гг., однако я полагаю вполне вероятным, что русский текст о «тайне числа 666» был подготовлен именно Верой Тайсон в первой половине 1980-х гг. В дальнейшем я буду исходить из этой гипотезы.

Выше я уже сказал, что Соболева ошибалась, полагая, что единственным источником для текста об антихристе-компьютере было «Наступление зверя». По всей видимости, однако, Тайсон держала в руках и журнал «Нива», и книгу Рэлф. Это можно обосновать следующими текстологическими наблюдениями (избранные примеры см. в Приложении к настоящей статье). В «Наступлении зверя» была переведена лишь часть примеров «внезапного появления числа 666» из первой главы книги Рэлф; кроме того, Ваулин добавил сюда новые пункты, исходя из опубликованных, но не описанных в тексте Рэлф иллюстраций. Тайсон использовала тот же самый перечень, следуя в целом тексту Ваулина, хотя и допуская некоторые лексические вариации:

Рэлф: *Central computers for Sears, Belk, J.C. Penny and Montgomery Ward prefix transactions with "666" are necessitated by computer programs.*

⁷ Вторая книга Рэлф была издана через год после первой: [Relfe 1982]. Таким образом, рассматриваемый перевод был сделан не ранее 1982 г.

⁸ См. ее автобиографический очерк в альманахе «Вера и жизнь», издающемся уже упомянутой немецкой миссией «Свет на Востоке» [Тайсон 1980], а также упоминание в перечне сотрудников газеты «Наши дни» (URL: <http://www.nashidni.com/index.php/ru/about-us/staff/former-current-staff-ru> (дата обращения — 18 августа 2022 г.)). Здесь, кстати, она работала вместе с бывшим советским писателем Родионом Акульшиным (автором, помимо прочего, псевдофольклорной сказки «Хитрый Ленин»), также попавшим после войны в США, ставшим здесь активным деятелем баптистского движения и взявшим фамилию Березов.

Ваулин: *Центральные компьютеры Сиерса, Белка, Джей Си Пенни имеют 666.*

«Всемирный заговор»: *Центральные компьютеры «Сирс», «Белка», «Джей-си-пенни» и др. имеют номер «666».*

Публикация Соболевой: *центральные компьютеры сире Банка «Джени ей пени» и другие имеют номер 666.*

Однако переводы из второй главы книги Рэлф, сделанные Ваулиным и Тайсон, довольно сильно отличаются друг от друга. Ваулин, в отличие от Тайсон, не публикует фрагмент беседы Гаверлака и Фишера в эфире ЮЗРЦ, где речь идет о появлении единой кредитной карточки. В тексте об антихристе-компьютере этот пассаж переведен полностью, хотя и с некоторыми перестановками. Нет у Ваулина и патетического фрагмента о пророчестве Иоанна Богослова, а также ряда других заимствований из книги Рэлф, присутствующих у Тайсон. Более того, соответствующие переводы, которые есть и в «Наступлении зверя», и в сочинении об антихристе-компьютере, различаются достаточно сильно, что, по-видимому, говорит об их независимом характере:

Рэлф: *Meanwhile, bank employees deluged in mountains of cancelled checks were endorsing their noble efforts, and law enforcement agencies were crying, "Away with cash and eliminate crime".*

Ваулин: *Поэтому за новую систему ратуют банковские работники, тонущие в потоке чеков. Об этом же мечтают и полицейские органы, которые говорят, что при отсутствии наличных денег исчезнет нужда в борьбе с преступностью.*

«Всемирный заговор»: *Служащие банков, страховых и других организаций, заваленные потоком чеков, с лихорадочной поспешностью работают в направлении скорейшего перехода от денежной системы к компьютерной. Полиция и учреждения по борьбе с преступностью кричат: «Долой деньги — и преступность прекратится!»*

Публикация Соболевой: *Служащие банков стра(хо)вых и других организаций завалены потоком чеков. С лихорадочной поспе(ш)ностью ратуют скоро перехода от дене(ж)ной системы (к) компьютерной. Полиция, милиция, учреждения по бор(ь)бе с преступностью кричат: «Долой деньги и прест(уп)ность».*

Я предполагаю, таким образом, что первоначальным источником «старобрядческого сочинения об антихристе-компьютере» был компилятив-

ный перевод фрагментов из книги Мэри Рэлф «Когда ваши деньги теряют смысл», а также нескольких других источников, сделанный русскими баптистами в Сакраменто. Бытование этого текста, однако, не ограничивалось евангелическими церквями. По всей видимости, он получил распространение в общинах старообрядцев часовенного согласия в Орегоне и на Аляске, откуда попал и в Советский Союз. При этом опубликованный Соболевой вариант Горбунова свидетельствует о рукописном воспроизведении текста, тогда как публикация в альманахе Мартюшева могла быть сделана на основании печатной или машинописной копии.

Как мы видим, сюжет о компьютере «Зверь» появился в Советском Союзе уже в конце 1980-х гг. Однако к массовому распространению этой «компьютерной эсхатологии» в постсоветской России были, по-видимому, причастны не только старообрядцы. Я уже упоминал о баптистском издании 1993—1994 гг., озаглавленном «Тайна сатанинского числа 666». Известны, однако, и более ранние российские публикации на ту же тему. В сентябре 1991 г. тогдашний заведующий отделом очерка и публицистики журнала «Наш современник» С. В. Фомин опубликовал подборку эсхатологических «пророчеств о судьбах» России [Фомин 1991]. Впоследствии из нее вырастет сборник «Россия перед Вторым Пришествием», неоднократно переиздававшийся в 1990-е и 2000-е гг. Здесь, в частности, было напечатано письмо жившего в тот момент в Великобритании монаха истинно-православной, а затем греческой старостильной церкви «матфеевского» синода Антония (в схиме Епифания) Чернова со следующим примечанием: «Письмо о. Антония, по происхождению донского казака, с послевоенных пор живущего в Англии, направленное им в Москву, в Центр ноосферной защиты имени Н. Д. Зелинского, любезно предоставлено ученым секретарем Центра Ю. Г. Шишиной» [Фомин 1991, с. 128]. Речь здесь шла и о компьютере «Зверь» (с цитатами из перевода Тайсон), и о том, что в мире скоро воцарится антихрист — еврейский лжемессия, уже родившийся в Израиле. Позднее «письмо» неоднократно переиздавалось в составе сборников «Россия перед Вторым Пришествием». Те же идеи Антоний Чернов высказывал и на видеозаписи, сделанной еще в конце 1990 г., во время VII съезда писателей РСФСР⁹. Еще один перевод текста о докторе Элдемане и брюссельском компьютере был в том же году опубликован в радикальной монархической газете «Земщина» — печатном органе союза «Христианское возрождение»¹⁰.

⁹ См. воспоминания о том, как была сделана эта видеозапись, в «Живом Журнале» С. В. Фомина: [Фомин 2015].

¹⁰ См. републикацию: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/13.htm>

Стоит добавить, что своего рода «медиатором» между эсхатологической культурой американских евангеликов и постсоветской религиозной «техно-фобией» оказались, судя по всему, православные греки. По всей вероятности, именно принадлежность Антония Чернова к греческой старостильной церкви оказала содержательное влияние на его эсхатологические пророчества. Дело в том, что в конце 1980-х гг. среди православных греков началась моральная паника, связанная с процессом присоединения к шенгенскому соглашению. Правительство Греции подписало его в 1992 г., однако этот акт был ратифицирован национальным парламентом только пять лет спустя. При этом одним из основных «антиглобалистских» аргументов против вступления страны в шенгенскую зону была подразумеваемая соглашением замена национальных паспортов на универсальные идентификационные карты: в них-то как раз и видели «печать антихриста». Проблема осложнялась полемикой о том, нужно ли заносить на карточку сведения о религиозной принадлежности ее обладателя [Molokotos-Liederman].

При этом популяризацией сюжета о компьютере «Зверь» в связи с вступлением в шенгенскую зону занимались не только относительно малочисленные и маргинальные группы «старостильников», но и, например, афонские монахи Вселенского Патриархата, в частности схимонах Паисий (Эзнепидис) (1924–1994), известный также как старец Паисий Святогорец [Панченко, с. 132].

Таким образом, первоначальное распространение рассматриваемого сюжета на русском языке было обусловлено его популярностью среди относительно малочисленных и маргинальных религиозных групп русских эмигрантов в США — баптистов и старообрядцев часовенного согласия, чья эсхатология и конспирология в существенной степени были основаны на идеях антиглобализма и социального эскапизма. В постсоветской религиозной культуре сюжет о компьютере «Зверь» вскоре получил очень широкое распространение, что, по всей видимости, следует связывать с особой значимостью «паники агентности» для обществ, сформировавшихся на обломках СССР.

<p><i>Relfe M. S. When Your Money Falls: The 666 System is Here.</i> Montgomery, AL: Ministries, Inc., 1981. 260 p.</p>	<p><i>(Ваулин Л. Р.)</i> Наступление зверя // <i>Нива: иллюстрированный журнал литературы и современной жизни (Мобайл, Алабама).</i> 1981. № 9 (45). С. 3–6.</p>	<p>Всемирный заговор. Число? 666 // Путь спасения. Независимый духовно-просветительный альманах древлеправославных русских христиан в рассеянии сущих. 1989. № 3. С. 13–16.</p>	<p><i>Соболева Л. С.</i> Американское сочинение об Антихристе-компьютере в интерпретации уральского стартера // <i>Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар: Изд-во СГУ, 1997. С. 118–130.</i></p>
<p>(p. 15–18) The file contains additional information which indicates that: World Bank code number is “666.” Australia’s national bank cards have on them “666.” New credit cards in U. S. are now being assigned the prefix “666.” (<...> Central computers for Sears, Belk, J. C. Penny and Montgomery Ward prefix transactions with “666” are necessitated by computer programs. (<...> IRS Alcohol, Tobacco, and Firearms Division has on their employee badges the number “666.” (<...></p>	<p>(с. 3) Вот несколько примеров: 1. Код Международного Банка — 666. 2. Карточки Австралийского Банка имеют номер 666. 3. Новые кредитные карточки в США начинаются с числа 666. 4. Центральные компьютеры Смерса, Белка, Джей Си Пенни имеют 666. 5. Некоторые изделия фирмы Армстронг обозначены числом 666. 6. Значок работников отдела алкоголя, табака и огнестрельного оружия в Интернал Ревеню Сервис — ИРС — имеет число 666.</p>	<p>(с. 13) Дело в том, что число «666» — это код мирового международного банка. Ниже помещен частичный список фирм и организаций, пользующихся этим кодом. Карточки Австралийского банка обозначены числом «666». Номер новых кредитных карточек США начинается числом «666».</p> <p>Центральные компьютеры «Сирс», «Белка», «Джей-си-Пенни» и др. имеют номер «666».</p> <p>Некоторые изделия фирмы «Армстронг» обозначены числом «666». Значок работников отдела алкоголя, табака и огнестрельного оружия имеет «666».</p>	<p>(л. 1–1 об.) Дело в том, что число 666 — это код международного банка, ниже помещена частный стабок фирм и организаций пользуя этим ходом. Карточки австралийского банка означены числом 666, номер новых кре(ди)тных карточек США начинается числом 666, центральные компьютеры сире Банка «Джени ей пени» и другие имеют номер 666, некоторые изделия фирм «Арметроне» // обозначены числом 666, эн(а) чек работников отдела алкоголя, табака, огнестрельного оружия — число 666. Государственные налоговые отделения имеют на своих</p>

IRS began to require the prefix "666" on some forms...	7. Многие формы ИПС имеют число 666.	Государственное налоговое отделение (IRS) имеет на своих формах номер «666».	фермах получили 666. Многие штатные учреждения Америки употребляют число 666 на своих
State Governments are now using on their office purchasing paperwork the number "666."	8. Штатные учреждения Америки употребляют закупочные формы с числом 666.	Многие штатные учреждения Америки употребляют число «666» на своих закупочных формах.	закупочных формах. Документы секретной службы безопасности при президенте № 666.
President Carter's new Secret Security Force patches have on them "666."	9. Документы Секретной службы безопасности при Картере получили номер 666.	Документы секретной службы безопасности при президенте Картере получили номер «666».	Танки, построенные фирмой Краймер при президенте Картере обозначены, № 666. Митрическая О 1979 года имеет в центре № 666. Не случайно и то, что во всем мире теперь сводится метрическая система измерения. Паспорта на автомобиле Дженором Маторе с 1979 г. имеет в начале номера серии число 666. Американские карточки «Селетив сервис» имеют число 666. Обувь, сделана(я) в странах Общего рынка, обозначена штампом 666. Номера автомобилей, выданы(с) арабам в Ерусалим, имеют первые три номера 666.
Tanks built Chrysler Corporation for President Carter's Secret Security Force have on their sides "666." (<...>)	10. Танки, построенные Крайслером при Картере, имеют номер 666.	Танки, построенные фирмой «Крайслер» при президенте Картере, обозначены номером «666».	Танки, построенные фирмой Краймер при президенте Картере обозначены, № 666. Митрическая О 1979 года имеет в центре № 666. Не случайно и то, что во всем мире теперь сводится метрическая система измерения. Паспорта на автомобиле Дженором Маторе с 1979 г. имеет в начале номера серии число 666. Американские карточки «Селетив сервис» имеют число 666. Обувь, сделана(я) в странах Общего рынка, обозначена штампом 666. Номера автомобилей, выданы(с) арабам в Ерусалим, имеют первые три номера 666.
Metric rulers distributed in 1979 throughout the U.S. have in center the number "666." (<...>)	11. Метрические линейки 1979 года имеют в центре число 666.	Метрические линейки с 1979 года имеют в центре «666» (Не случайно и то, что во всем мире теперь вводится метрическая система измерения).	Танки, построенные фирмой Краймер при президенте Картере обозначены, № 666. Митрическая О 1979 года имеет в центре № 666. Не случайно и то, что во всем мире теперь сводится метрическая система измерения. Паспорта на автомобиле Дженором Маторе с 1979 г. имеет в начале номера серии число 666. Американские карточки «Селетив сервис» имеют число 666. Обувь, сделана(я) в странах Общего рынка, обозначена штампом 666. Номера автомобилей, выданы(с) арабам в Ерусалим, имеют первые три номера 666.
ID tags on 1979 GM cars produced in Flint, Michigan contain the number "666." (<...>)	12. Паспорта на автомобили Дженерал Моторс 1979 года, построенные в городе Флинт, имеют в номере 666.	Паспорта на автомобили «Дженерал Моторс» 1979 года имеют в начале номера серии число «666».	Танки, построенные фирмой Краймер при президенте Картере обозначены, № 666. Митрическая О 1979 года имеет в центре № 666. Не случайно и то, что во всем мире теперь сводится метрическая система измерения. Паспорта на автомобиле Дженором Маторе с 1979 г. имеет в начале номера серии число 666. Американские карточки «Селетив сервис» имеют число 666. Обувь, сделана(я) в странах Общего рынка, обозначена штампом 666. Номера автомобилей, выданы(с) арабам в Ерусалим, имеют первые три номера 666.
United States Selective Service Cards have on them "666." (<...>)	13. Карточки американской Селектив Сервис имеют число 666.	Американские карточки «Селектив Сервис» имеют число «666».	Танки, построенные фирмой Краймер при президенте Картере обозначены, № 666. Митрическая О 1979 года имеет в центре № 666. Не случайно и то, что во всем мире теперь сводится метрическая система измерения. Паспорта на автомобиле Дженором Маторе с 1979 г. имеет в начале номера серии число 666. Американские карточки «Селетив сервис» имеют число 666. Обувь, сделана(я) в странах Общего рынка, обозначена штампом 666. Номера автомобилей, выданы(с) арабам в Ерусалим, имеют первые три номера 666.
Arab-owned vehicles in Jerusalem have license plates prefixed with "666." (<...>)	14. Обувь, сделанная в странах общего рынка, имеет штамп 666.	Обувь, сделанная в странах Общего рынка, обозначена штампом «666».	Танки, построенные фирмой Краймер при президенте Картере обозначены, № 666. Митрическая О 1979 года имеет в центре № 666. Не случайно и то, что во всем мире теперь сводится метрическая система измерения. Паспорта на автомобиле Дженором Маторе с 1979 г. имеет в начале номера серии число 666. Американские карточки «Селетив сервис» имеют число 666. Обувь, сделана(я) в странах Общего рынка, обозначена штампом 666. Номера автомобилей, выданы(с) арабам в Ерусалим, имеют первые три номера 666.
Elementary algebra book is entitled "666 Jelly-beans."	15. Учебник алгебры называется «666 Желли Бинс».	Обувь, сделанная в странах Общего рынка, обозначена штампом «666».	Танки, построенные фирмой Краймер при президенте Картере обозначены, № 666. Митрическая О 1979 года имеет в центре № 666. Не случайно и то, что во всем мире теперь сводится метрическая система измерения. Паспорта на автомобиле Дженором Маторе с 1979 г. имеет в начале номера серии число 666. Американские карточки «Селетив сервис» имеют число 666. Обувь, сделана(я) в странах Общего рынка, обозначена штампом 666. Номера автомобилей, выданы(с) арабам в Ерусалим, имеют первые три номера 666.
(p. 19) The Greek word for "Beast" in Hebrew characters equal "666." (<...>)	16. Номера автомобилей, выданные арабам в Иерусалиме, имеют первые три цифры 666 — Израиль победил 6 стран в 6-м месяце за 6 дней. (<...>)	Обувь, сделанная в странах Общего рынка, обозначена штампом «666».	Танки, построенные фирмой Краймер при президенте Картере обозначены, № 666. Митрическая О 1979 года имеет в центре № 666. Не случайно и то, что во всем мире теперь сводится метрическая система измерения. Паспорта на автомобиле Дженором Маторе с 1979 г. имеет в начале номера серии число 666. Американские карточки «Селетив сервис» имеют число 666. Обувь, сделана(я) в странах Общего рынка, обозначена штампом 666. Номера автомобилей, выданы(с) арабам в Ерусалим, имеют первые три номера 666.

		<p>Греческое слово «ЗВЕРЬ» в обозначении знаками еврейского алфавита в своей сумме составляет 666. (<...>)</p>
<p>(p. 31 –32) Dr. Patrick Fisher: “I think there’s one interesting step that we’re going to see between now and the rise of the super dictator who will control the economy of the world, and this is the issue of a new credit card. We have gone along quite easy in changing from one card to another, and there’s <i>one more card</i> to come, and this card is <i>ready now!</i> It will be issued to two billion people. This card will be advertised as the best one to have because of its convenience. Everyone must have one. Now you can chop up all your other cards — this replaces all of them.”</p> <p>Dr. Emil Gaverluk: “The scriptures say that anyone who takes the number of the super dictator ‘666’ which will be put on the forehead or hand, will not be allowed to enter the Kingdom of God. What step is that? Is that the next step beyond this card that we are talking about?”</p>	<p>(с. 13–14) Д-р Патрик Фишер, широко известный ученый в мире компьютерной системы, консультант и советник многих крупных корпораций в Канаде и США, в 1980 г. во время радиointервью с другим ученым, д-ром Эмилем Гаверлюк, членом управления «Southwest Radio Church», — сказал следующее: «Я думаю, что прежде чем великий диктатор объявит себя, чтобы взять под свой контроль экономику мира, ступенью к этому будет появление новой кредитной карточки. Мы привыкли к кредитным карточкам и легко меняем их одну на другую. Теперь это будет последняя карточка, которая будет выдана двум миллиардам человек, живущим на всех континентах земного шара. Каждая из этих карточек имеет номер человека, для которого она предназначена. Из-за несомненного преимущества такой кар-</p>	<p>(л. 2–3) Др. Патр. Фишер широко известен ученый в мире компьютерной системы, консультант и советник многих крупных коопераций в Канаде [США]. В 1980 г. // во время радиointерв с д(р)угими учеными и др. Эмил Гаврюк, член управления фирм сказал следующее: «Я думаю, что прежде чем велик(ий) диктатор о(б)ъявит себя, чтобы взять под свой контроль эко(но)мику мира, ступению к этому будет появление новой кредитной карточки. Мы привыкли к карточкам, менять их одну на другую, теперь это будет последняя карточка, которую будут выдавать 4 миллиарда человек, живущих на всех континентах (континентах) мира. Каждая из этих карточек имеет номер человека, для которого она принадлежит. И за немного времени преимущества такой карточка население примет ее охотно. Др.</p>

<p>Dr. Fisher: "Yes, it is, it's that close. It's close enough for me to know in my spirit that I don't want this new card when it comes, I will return it." Dr. Patrick Fisher, Eminent Computer Scientist, Consultant for the Moscow Olympics in 1980; Consultant to Canada Super Conducting Corporation affiliated with McGill University; Consultant to Stasat Canada; being interviewed by Dr. Emil Gaverluk, Ph. D., Ed. D., Scientist and Minister on staff of Southwest Radio Church... as broadcast on their network of radio stations, and subsequently on Jewish Voice Broadcast on stations nationwide. While Americans are buried in a maze of problems concerning the collapsing economy, and the demise of the dollar, we are being quietly, subtly, and dangerously drawn into the Electronic Money Society.</p>	<p>точка население примет ее весьма охотно». Др. Эмиль Гаверлук: «Писание говорит, что все принявшие начертание числа или имени «666» на лоб или на руку, не будут допущены в Царство Божие. Не явятся ли эта карточка последней ступенью к этому начертанию?» Др. Фишер: «Совершенно верно. Это произойдет очень скоро. Я настолько убежден в этом, // что когда я получу эту карточку, я возвращу ее обратно». Пока мы ломаем голову над неразрешимыми проблемами нашей распадающейся экономики, растущей инфляцией и теряющего цену доллара, нас осторожно, незаметно, хитро и умело втягивают в опасную систему «электронных денег».</p>	<p>Емилл Гаврюк: «Писание говорит про(ро)чество, что все принявшие начертание не будут числа или имени 666 на лоб и руку не будет допущен в Царствие Божие. Не явятся ли эта карточка последней ступени к этому начертанию?» Др. Фишер: «Совершенно верно. Это произойдет очень скоро. Я настолько убежден в этом, // что когда я приму эту карточку и возвращу ее обратно, пока мы ломаем голову над неразрешимыми проблемами нашей распадающейся эко(но)мики, растущей инфляции, теряющего цену доллара, осторожно, незаметно-незаметно, хитро, умело втягивает в опасную систему эле(к)тронных денег».</p>
<p>(p. 34–35) The Prophet, John, banished to the small island of Patmos some 1900 years ago, was the first to indicate that the last political, economic, and religious systems of this World Age would be</p>	<p>(с. 14) Ап. Иоанн, сосланный на остров Патмос 1900 лет назад, первый предсказал, что политическая, экономическая и религиозная система этого последнего времени будет характерна интер-</p>	<p>(л. 3) Апостол Иоанн, сосланный на остров Патмос 1900 лет назад, предсказал, что политическая, экономическая и религиозная система этого последнего времени будут характерны ин-</p>

<p>operated by an Institution characterized by the number "666" which would cause each individual on the earth to be assigned a number, the NUMERICAL equivalence of "666".</p>		<p>национальным использованием числа «666»; он безошибочно предсказал, что каждый человек, независимо от возраста, пола, национальности и социального положения, получит свой номер, сумма цифр которого равна 666. (...)</p>	<p>тер(а)циональным по(ль)зованием числа 666. Он безошибочно предсказал, что каждый человек, независимо от возраста, пола, национальности, социального положения, получит свой номер, сумма цифр которого равна 666.</p>
<p>(p. 35–37) Instead of cash, there will be numbers; in lieu of banks there will be computers. Mr. Cantelon indicates in <i>New Money or None</i>, that : “For over a decade bankers and technicians had been feverishly working to establish a new number system.” Meanwhile, bank employees deluged in mountains of cancelled checks were endorsing their noble efforts, and law enforcement agencies were crying, “Away with cash and eliminate crime.” (...) The advantages of a cashless society are enigmatic in the eyes of perplexed public officials faced with unprecedented increases in crime. Not only will the absence of cash eliminate robberies, murders, and</p>	<p>(с. 4) При этой системе отпадает нужда в наличных деньгах. Нужны будут только электронные «деньги» в числах. Поэтому за новую систему ратуют банковские работники, тонушие в потоке чеков. Об этом же мечтают и полицейские органы, которые говорят, что при отсутствии наличных денег исчезнет нужда в борьбе с преступностью. Но это только так кажется, пока система не вступила в действие. С другой стороны, эта система позволит зверю контролировать каждый шаг каждого человека. Наступление и приход зверя приветствуют либералы, атеисты, сионисты и их бесчисленные организации. 2-го мая 1976 года Генеральная Ассамблея ООН</p>	<p>(с. 14) Эти карточки уже изготовлены и будут выдаваться одним центральным учреждением, главный штаб которого сейчас находится в Брюсселе. Служащие банков, страховых и других организаций, заваленные потоком чеков, с лихорадочной поспешностью работают в направлении скорейшего перехода от денежной системы к компьютерной. Полиция и учреждения по борьбе с преступностью кричат: «Долой деньги — и преступность прекратится!» Препимущество безденежной системы, безусловно, огромно. Прекратятся грабежи, вымогательства и убийства. В журнале «U. N. Monthly Chronicle» в мае 1974 года была помеще-</p>	<p>(л. 5–5 об.) Карточки эти заготовленные будут выдаваться одним учреждением, главным штабом ко(то)рого сейчас наход(ят)ся в Брюссели. Служащие банков страховых и других организаций завалены потоком чеков. С лихорадочной поспе(ш)ностью ратуют скоро перехода от дене(ж)ной системы (к) компьютерной. Полиция, милиция, учреждения по бор(ь)бе с преступностью кричат: «Долой деньги и прест(уп)ность. Препимущество безденежной системы прекратятся грабежи, вымогательство, убийство». В журнале в мае 1978 г. помещена прокламация: «Мы, члены объединенных наций созданию нового порядка. Уже разработан план компьютерной системы, кото-</p>

<p>muggings for money, but equally important will be the elimination of extortion and blackmail.<...> The card now ready to be issued, which will have your one number on it will be the result of massive efforts, nationally and internationally. “We, the members of the United Nations... solemnly proclaim our united determination to work urgently for the establishment of a New International Economic Order.” <i>UN Monthly Chronicle</i>, May 1974.</p>	<p>выпустила декларацию, в которой объявила об организации «Нового Международного Экономического Порядка», при котором будут аннулированы все долги. Новым Экономическим Порядком — НЭП — будет руководить зверь — величайший в мире компьютер, занимающий одно из величайших мест в мире, в Люксембурге. Это звание носит название Зверь.</p>	<p>на следующая прокламация: «Мы, члены Объединенных Наций... торжественно провозглашаем наше единодушное решение немедленно и безоговорочно приложить усилия к созданию Нового международного экономического порядка». Через 2 года, 5 мая 1976 года, «Houston Chronicle» поместил следующее сообщение: «2-го мая 1976 года Генеральная Ассамблея Объединенных наций объявила учреждение «Нового Международного Экономического порядка», который включает в себя аннулирование всех прежних задолженностей».</p>	<p>рая // выведет мир из создававшего хаоса». Ученый Эльдедман официально открыл [зверя] гитган(т)ский компьютер, занимающий три этажа в огромном 13-ти этажном здании, построенный в виде крепости. Этот компьютер имеет способность безошибочно и быстро закуривать (закуривать) каждого человека во всем мире.</p>
<p>“On May 2, 1976, the United Nations General Assembly declared the establishment of a ‘New International Economic Order,’ which will include the ‘cancellation of all previous debts.’” <i>Houston Chronicle</i>, May 5, 1976. In his article concerning the world’s largest computer, February, 1975, Mr. Charles Duncombe of CFN Information Network’s Jerusalem Bureau states: “Dr. Hanrick Eldeman, Chief Analyst of the Common Market Confederacy in Brussels, has revealed that</p>	<p>Чарльз Дункомб, член бюро информационной сети в Иерусалиме, в феврале 1975 г. сообщил, что он имел интервью с д-р. Ганриком Эльдеманом, главным исследователем Конфедерации Общего рынка в Брюсселе, который сказал ему, что уже разработан план компьютерной системы, которая выведет мир из создавшегося хаоса.</p>	<p>Чарльз Дункомб, член бюро информационной сети в Иерусалиме, в феврале 1975 г. сообщил, что он имел интервью с д-р. Ганриком Эльдеманом, главным исследователем Конфедерации Общего рынка в Брюсселе, который сказал ему, что уже разработан план компьютерной системы, которая выведет мир из создавшегося хаоса.</p>	<p>рая // выведет мир из создававшего хаоса». Ученый Эльдедман официально открыл [зверя] гитган(т)ский компьютер, занимающий три этажа в огромном 13-ти этажном здании, построенный в виде крепости. Этот компьютер имеет способность безошибочно и быстро закуривать (закуривать) каждого человека во всем мире.</p>

a computerized restoration plan is already under way to straighten out world chaos. A crisis meeting in early 1974 brought together Common Market leaders, advisors and scientists at which time Dr. Elderman unveiled 'THE BEAST.' It is a gigantic, three stor(e)y, self-programming computer with the potential of NUMBERING EVERY HUMAN BEING ON EARTH."

В начале 1974 года, во время специально назначенной конференции лидеров Общего рынка, их советников и ученых, д-р. Эльдери-ман официально открыл «ЗВЕРЬ» — гигантский компьютер, занимающий 3 этажа в огромном 13-этажном здании, построенном в виде креста. Этот компьютер имеет способность безошибочно и быстро занумеровать каждого человека во всем мире.

Литература

- Агеева — *Агеева Е. А.* Старобрядческая полемика об антихристе на исходе XX в. // Уральский сборник. Екатеринбург: [б. и.], 1997. Вып. 1. С. 9–15.
- Ахметова — *Ахметова М. В.* Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: РГГУ; ОГИ, 2010. 336 с.
- Ваулин — *Ваулин П. Р.* Наступление зверя // Нива: иллюстрированный журнал литературы и современной жизни (Мобайл, Алабама). 1981. № 9 (45). С. 3–6.
- Вилкерсон 1993 — *Вилкерсон Д.* Видение ближайшего будущего / Пер. с англ. New Life Ministries (1993) URL: <https://ochve.su/opened/видение%20ближайшего%20будущего.pdf> (дата обращения — 4 июня 2022 г.).
- Всемирный заговор — *Всемирный заговор. Число? 666 // Путь спасения: Независимый духовно-просветительный альманах древлеправославных русских христиан в рассеянии сущих.* 1989. № 3. С. 13–16.
- Панченко — *Панченко А. А.* Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 122–141.
- Покровский, Зольникова — *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на Востоке России XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.
- Соболева 1997 — *Соболева Л. С.* Американское сочинение об Антихристе-компьютере в интерпретации уральского старовера // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар: Изд-во СГУ, 1997. С. 118–130.
- Соболева 2005 — *Соболева Л. С.* Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности. Очерк 1: Рукописный облик устного слова. Екатеринбург: [б. и.], 2005. 223 с.
- Тайсон 1980 — *Тайсон В.* Прежде и теперь // Вера и жизнь. 1980. № 29. С. 25–26. URL: <https://online.fliphtml5.com/bzklq/pefq/#p=29> (дата обращения — 18 августа 2022 г.).
- Тайсон [б. г.] — *Тайсон В.* Тайна сатанинского числа «666». Сочи: Христианин и Время, [б. г.], 12 с.
- Фомин 1991 — «Читающий да разумеет...»: (Пророчества о судьбах России) / Собрал С. Фомин // Наш современник. 1991. № 9. С. 120–129.
- Фомин 2015 — *Фомин С. В.* «Да, помню я ваш дом, радушем знаменитый...» (ч. 17): (Запись в Живом Журнале С. В. Фомина 10 февраля 2015 г. URL: <http://sergey-v-fomin.livejournal.com/66104.html> (дата обращения — 18 августа 2022 г.).
- Boyer — *Boyer P.* When Time Shall be No More: Prophecy Belief in Modern American Culture. Cambridge, MA: Belknap Press, 1992. 468 p.
- Cantelon — *Cantelon W.* The Day the Dollar Dies. Plainfield, NJ: Logos Associates, 1973. 149 p.
- Clay — *Clay J. E.* Folklore and Conspiracy Theories of a COVID Dissenter: The Life and Sermons of Father Sergii (Romanov) // Folklorica. 2020. Vol. 24. P. 135–162.
- Fuller — *Fuller R. C.* Naming the Antichrist: The History of an American Obsession. N. Y.: Oxford University Press, 1995. 232 p.
- Gaverluk, Fisher — *Gaverluk E., Fisher P.* Fiber Optics: The Eye of Antichrist. Oklahoma City, OK: The Southwest Radio Church, 1979. 37 p.

- Lewis — *Lewis J. R. Satanism Today: An Encyclopedia of Religion, Folklore, and Popular Culture*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2001. 371 p.
- Melley — *Melley T. Empire of Conspiracy: The Culture of Paranoia in Postwar America*. Ithaca: Cornell University Press, 2000. 256 p.
- Molokotos-Liederman — *Molokotos-Liederman L. Identity Crisis: Greece, Orthodoxy, and the European Union // Journal of Contemporary Religion*. 2003. Vol. 18, no. 3. P. 291–314.
- Musser — *Musser J. Remembering a Life... Rev. David Wilkerson: (Запись в Живом Журнале Дж. Массера 29 апреля 2011 г. URL: <https://joemusserco.livejournal.com/11021.html> (дата обращения — 4 июня 2022 г.)*.
- Panchenko — *Panchenko A. The Beast Computer in Brussels: Religion, Conspiracy Theories, and Contemporary Legends in Post-Soviet Culture // Folklore*. Tartu, 2017. Vol. 69. P. 69–90.
- Relfe 1981 — *Relfe M. S. When Your Money Fails: The 666 System is Here*. Montgomery, AL: Ministries, Inc., 1981. 260 p.
- Relfe 1982 — *Relfe M. S. The New Money System 666*. Montgomery, AL: Ministries, Inc., 1982. 272 p.
- Shuck — *Shuck G. W. Marks of the Beast: The Left Behind Novels and the Struggle for Evangelical Identity*. New York; London: New York University Press, 2005. 373 p.
- Stanton — *Stanton D. E. Mystery 666*. Secunderabad, India: Maranatha Revival Crusade, 1977. 168 p.
- Webber, Hutchings 1978 — *Webber D., Hutchings N. The Computers Are Coming*. Oklahoma City: Southwest Radio Church, 1978. 91 p.
- Webber, Hutchings 1986 — *Webber D., Hutchings N. Computers and the Beast of Revelation*. Shreveport, LA: Huntington House, 1986. 153 p.
- Wilkerson 1973 — [*Wilkerson D.*] *Signs of the Times*. Dallas, TX: David Wilkerson Publications, 1973. 10 p.
- Wilkerson 1974 — *Wilkerson D. The Vision*. Dallas, TX: David Wilkerson Youth Crusades, 1974. 144 p.

References

- Ageeva, E. A. (1997). 'Staroobryadcheskaya polemika ob antikhriste na iskhode 20 veka', *Ural'skii sbornik* (Ekaterinburg), 1, 9–15.
- Akhmetova, M. V. (2010). *Konets sveta v odnoi otdel'no vzyatoi strane: religioznye soobshchestva postsovetskoi Rossii i ikh eskhatologicheskii mif*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet; Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 336 p.
- Boyer, P. (1992). *When Time Shall be No More: Prophecy Belief in Modern American Culture*. Cambridge, MA: Belknap Press, 468 p.
- Cantelon, W. (1973). *The Day the Dollar Dies*. Plainfield, NJ: Logos Associates, 149 p.
- Clay, J. E. (2020). 'Folklore and Conspiracy Theories of a COVID Dissenter: The Life and Sermons of Father Sergii (Romanov)', in: *Folklorica*. Vol. 24, 146–147.
- Fomin, S. V. (2015). "Da, pomnyu ya vash dom, radush'em znamenityi..." (*chast' 17*) (*Zapis' v Zhivom Zhurnale S. V. Fomina, February 10, 2015*), accessed August 18, 2022, <http://sergey-v-fomin.livejournal.com/66104.html>.
- Fomin, S., ed. (1991). "Chitayushchii da razumeet..." (Prorochestva o sud'bakh Rossii), *Nash sovremennik*, 9, 120–129.

- Fuller, R. C. (1995). *Naming the Antichrist: The History of an American Obsession*. N. Y.: Oxford University Press, 232 p.
- Gaverluk, E., Fisher, P. (1979). *Fiber Optics: The Eye of Antichrist*. Oklahoma City, OK: The Southwest Radio Church, 37 p.
- Lewis, J. R. (2001). *Satanism Today: An Encyclopedia of Religion, Folklore, and Popular Culture*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 371 p.
- Melley, T. (2000). *Empire of Conspiracy: The Culture of Paranoia in Postwar America*. Ithaca: Cornell University Press, 256 p.
- Molokotos-Liederman, L. (2003). 'Identity Crisis: Greece, Orthodoxy, and the European Union', *Journal of Contemporary Religion*. Vol. 18, 3, 291–314.
- Musser, J. (2011). *Remembering a Life...* Rev. David Wilkerson (Zapis' v Zhivom Zhurnale J. Mussera, April 29, 2011), accessed June 4, 2022, <https://joemusserco.livejournal.com/11021.html>.
- Panchenko, A. A. (2015). 'Komp'yuter po imeni Zver': eskhatologiya i konspirologiya v sovremennykh religioznykh kul'turakh', *Antropologicheskii forum*, 27, 122–141.
- Panchenko, A. (2017). 'The Beast Computer in Brussels: Religion, Conspiracy Theories, and Contemporary Legends in Post-Soviet Culture', *Folklore (Tartu)*, 69, p. 69–90.
- Pokrovskii, N. N., Zol'nikova, N. D. (2002). *Starovery-chasovennye na Vostoke Rossii 18–20 vekov: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 471 p.
- Relfe, M. S. (1981). *When Your Money Fails: The 666 System is Here*. Montgomery, AL: Ministries, Inc., 260 p.
- Relfe, M. S. (1982). *The New Money System 666*. Montgomery, AL: Ministries, Inc., 272 p.
- Shuck, G. W. (2005). *Marks of the Beast: The Left Behind Novels and the Struggle for Evangelical Identity*. New York; London: New York University Press, 373 p.
- Soboleva, L. S. (1997). 'Amerikanskoe sochinenie ob Antikhriste-komp'yutere v interpretatsii ural'skogo starovera', in: *Issledovaniya po istorii knizhnoi i traditsionnoi narodnoi kul'tury Severa: Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Syktyvkar: Izdatel'stvo Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta, 118–130.
- Soboleva, L. S. (2005). *Rukopisnaya literatura Urala: nasledovanie traditsii i obretenie samobytnosti. Ocherk 1: Rukopisnyi oblik ustnogo slova*. Ekaterinburg: [s. n.], 223 p.
- Stanton, D. E. (1977). *Mystery 666*. Secunderabad, India: Maranatha Revival Crusade, 168 p.
- Taison, V. (1980). 'Prezhde i teper'', *Vera i zhizn'*, 29, 25–26, accessed August 18, 2022, <https://online.fliphtml5.com/bzklq/pefq/#p=29>.
- Taison, V. (no date). *Taina sataninskogo chisla "666"*. Sochi: Khristianin i Vremya, 12 p.
- [Vaulin, P. R.] (1981). 'Nastuplenie zverya', *Niva: illyustrirovannyi zhurnal literatury i sovremennoi zhizni (Mobil, Alabama)*, 9 (45), 3–6.
- Wilkerson, D. (1993). *Videnie blizhaishego budushchego*, translated from English New Life Ministries, accessed June 4, 2022, <https://ochve.su/opened/видение%20ближайшего%20будущего.pdf>.
- 'Vsemirnyi zagovor. Chislo? 666' (1989), in: *Put' spaseniya. Nezavisimyi dukhovno-prosvetitel'nyi al'manakh drevlepravoslavnykh russkikh khristian v rasseyanii sushchikh*. Vol. 3, 13–16.
- Webber, D., Hutchings, N. (1978). *The Computers Are Coming*. Oklahoma City: Southwest Radio Church, 91 p.
- Webber, D., Hutchings, N. (1986). *Computers and the Beast of Revelation*. Shreveport, LA: Huntington House, 153 p.
- [Wilkerson, D.] (1973). *Signs of the Times*. Dallas, TX: David Wilkerson Publications, 10 p.
- Wilkerson, D. (1974). *The Vision*. Dallas, TX: David Wilkerson Youth Crusades, 144 p.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А. М. ПАНЧЕНКО И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ ЗА 2006–2021 гг.

Предлагаемый список служит продолжением издания: Александр Михайлович Панченко, 1937–2002 / Сост. и авт. вступ. ст. С. И. Николаев. М.: Наука, 2007. 92 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. Литература и язык; Вып. 32).

Хронологический указатель трудов А. М. Панченко

2006

Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века / Вступ. ст. Д. С. Лихачева. 758 с.

Перевод и коммент.: Повесть о житии царя Федора Ивановича. С. 54–103, 676–679.

Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 15: XVII век / Вступ. ст. Д. С. Лихачева. 530 с.

Подгот. текста и коммент.: Повесть о Савве Грудцыне. С. 44–58, 476–478; Повесть о Бове королевиче. С. 235–258, 506–507; Повесть о Брунцвике. С. 327–340, 510–513.

[Воспоминания о Д. С. Лихачеве] // Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. СПб., 2006. С. 47–48, 82–83, 87–89, 214.

«В нас сидит какая-то смердяковщина...» / Беседовал И. Михайлов // Лит. учеба. 2006. № 4. С. 148–153. [Интервью 1996 г.]

Женское правление: Анна. Елизавета // Звезда. 2006. № 2. С. 162–169.

Павел I // Звезда. 2006. № 4. С. 143–154.

2007

«Не пропусти свое время!»: 25 февраля — 70 лет со дня рождения А. М. Панченко / Беседовал Л. Сидоровский // Невское время. 2007. 22 февраля. С. 18.

«Я убежал в Древнюю Русь и нашел там прекрасную страну» // Звезда. 2007. № 2. С. 124–131.

Николай I // Звезда. 2007. № 6. С. 179–188.

2009

Александр III // Звезда. 2009. № 6. С. 174–188.

2010

Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2010. Т. 16: XVII век / Вступ. ст. Д. С. Лихачева. 663 с.

Подгот. текста и коммент.: Повесть о Ерше Ершовиче. С. 396–401, 635–636; Повесть о Шемякином суде. С. 402–404, 636–637; Сказание о роскошном житии и веселии. С. 409–411, 638–639.

2011

Иван Петрович Белкин: Псковский помещик // Болдинские чтения. 2011. Саранск, 2011. С. 270–272.

Laughter as spectacle: Holy foolishness in old Russia; Holy foolishness as spectacle; Holy foolishness as social protest / Transl. by P. Hunt // Holy foolishness in Russia: new perspectives / Ed. by P. Hunt, S. Kobets. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2011. P. 41–147.

2012

Парадоксы русской истории. СПб., 2012. 504 с.

Содержание: Красота Православия и Крещение Руси. С. 7–21; Древнерусское юродство. С. 22–33; Юродство как зрелище. С. 34–73; Юродство как общественный протест. С. 74–117; Боярыня Морозова — символ и личность. С. 118–131; Петр I и веротерпимость. С. 132–142; Русская культура в канун Петровских реформ. С. 145–394; Летописный рассказ об Андрее Первозванном и флагелланство. С. 397–403; Истоки русской поэзии. С. 404–437; «Потемкинские деревни» как культурный миф. С. 438–451; Ранний Пушкин и русское

Православие. С. 452–472; Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема. С. 473–486.

Рец.: Зиновьева Е. // Нева. 2013. № 8. С. 251–252.

Metamorfózy ruské kultury: Sborník statí a esejí / Sest., poznámkami a dosl. opatr. M. Řoutil; z rus. orig. prel. J. Kolár et al. Praha, 2012. 396 s.

Беседы с академиком А. М. Панченко (К 10-летию со дня смерти А. М. Панченко) / Записал Н. Кавин // Звезда. 2012. № 5. С. 120–162.

2014

Силлабическая поэзия XVII века // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2014. Т. 18: XVII век. С. 5–18.

2018

Лекция о Ломоносове / Публ. А. В. Кулагина // Литературный факт. 2018. № 7. С. 349–357.

Публикации о жизни и трудах А. М. Панченко¹

Богданов И. А. Панченко А. М. // Санкт-Петербург: Энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2006. С. 641.

Александр Михайлович Панченко, 1937–2002 / Сост. и авт. вступ. ст. С. И. Николаев. М.: Наука, 2007. 92 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. Литература и язык; Вып. 32).

Кибальник С. А. Международная научная конференция, посвященная 70-летию академика А. М. Панченко (Санкт-Петербург, 13–15 июля 2007 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 3 (48). С. 278–282.

Панченко А. А. От «топики культуры» к «истории обывателя» // Звезда. 2007. № 2. С. 120–123.

Кибальник С. Александр Михайлович Панченко и петербургская школа «феноменологии культуры» // Звезда. 2008. № 2. С. 187–198.

А. М. Панченко и русская культура: Исследования и материалы / Отв. ред. С. А. Кибальник и А. А. Панченко. СПб., 2008. 432 с.

Из содержания: *Арьев А. Ю.* Изучая протекшее, вечное: (Об Александре Михайловиче Панченко). С. 389–396; *Буда-*

¹ Публикации расположены в хронологическом порядке, а в пределах одного года — в алфавитном.

- рагин В. П.* Мстинский цикл (1999); Памяти А. М. Панченко (2002). С. 397–401; *Горфункель А. Х.* Александр Михайлович Панченко в трех археографических экспедициях 1963–1965 гг. С. 363–375 (то же в кн.: Горфункель А. Труды науки и извороты шарлатанства: О ремесле историка. СПб., 2013. С. 101–115); *Грачева А. М.* Собинные друзья протопопы Аввакума (А. М. Ремизов — П. Паскаль — В. И. Малышев — А. М. Панченко). С. 353–362; *Есаулов И. А.* Флуктуация отечественной словесности XVII в. в трудах А. М. Панченко. С. 345–352; *Кибальник С. А.* А. М. Панченко и петербургская школа «феноменологии культуры». С. 307–329; *Луцевич Л. Ф.* А. М. Панченко об актуальности традиции стихотворного перевода Псалтыри («Псалмы Ветхого Завета» Игн. Ивановского). С. 277–294; *Невская Д. Р.* Фигура обывателя в интервью А. М. Панченко рубежа веков. С. 376–388; *Панченко А. А.* «Обывательская история» и автоэтнография. С. 330–344.
- Прозоров Ю. М.* Слово об Александре Михайловиче Панченко // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 59. С. 479–484. — То же (под загл. «Похвальное слово А. М. Панченко») в кн.: Прозоров Ю. М. Классика: Исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. СПб., 2013. С. 350–355.
- Кашурников Н.* Феноменология и «другая история» Петербурга в работах А. М. Панченко // Звезда. 2009. № 2. С. 194–199.
- Пантелеев А. В.* Русский альбом: литература, культура, общественная жизнь России конца XX — начала XXI в. Иркутск, 2010. С. 120, 121, 123, 166, 169, 210, 254, 303.
- Насибулин Э.* Из личных архивов // Болдинские чтения. 2011. Саранск, 2011. С. 268.
- Водолазкин Е. Г.* Инструмент языка: О людях и словах. М., 2012. С. 13, 101–107.
- Глезеров С.* Удельная: Очерки истории. СПб., 2012. С. 337–340.
- Зобнин Ю.* Уроки академика Панченко // Москва. 2012. № 6. С. 177–183.
- Николаев С. И.* Выдающийся исследователь и просветитель: К 75-летию со дня рождения академика А. М. Панченко // Вестник РАН. 2012. Т. 82, № 2. С. 153–158.
- Řoutil M.* Když se víra mění v kulturu aneb Proměny ruské společnosti očima Alexandra Michajloviče Pančenka // Pančenko A. M. Metamorfózy ruské

kultury: Sborník statí a esejí / Sest., poznámkami a dosl. opatr. M. Řoutil; z rus. orig. prel. J. Kolar et al. Praha, 2012. S. 357–372.

Ильина Д. М. Научные чтения, посвященные 75-летию со дня рождения академика А. М. Панченко // Русская литература. 2013. № 1. С. 242–245.

Кирпичникова А. А. Феномен русского барокко в интерпретации А. М. Панченко // Г. Р. Державин и его эпоха: Сб. науч. ст. VI Всероссийской научной конференции филол. ф-та Ин-та рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 2013. С. 86–91.

Панченко А. М. // Лев Гумилев: Энциклопедия / Гл. ред. Е. Б. Садыков, сост. Т. К. Шанбай. М., 2013. С. 468.

Панченко А. М. // Большая российская энциклопедия. М., 2014. Т. 25. С. 243.

Николаев С. Панченко Александр Михайлович // Литературный Санкт-Петербург: Энциклопедический словарь: В 3 т. СПб., 2015. Т. 3. С. 22–24.

Кибальник С. А. Александр Михайлович Панченко и петербургская школа «феноменологии культуры» // Литературоведческий журнал. 2016. № 39. С. 88–100.

Горфункель А. Х. Моя школа, мои университеты...: Воспоминания. СПб., 2017. С. 113–115, 206.

Дудина Т. П. А. М. Панченко: диалоги с готами и вандалами // Профессия: литератор. Год рождения: 1937. Елец, 2017. С. 180–192.

Лихачев Д. С. Из неопубликованного выступления на заседании, посвященном 60-летию А. М. Панченко (Пушкинский Дом, февраль 1997 года) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 31–34.

Маркелов Г. В. В. И. Малышев и А. М. Панченко: Первые экспедиции // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 682–698. — С публикацией (С. 691–698) дневника А. М. Панченко «Печора и ее истоки. На Печору за старыми книгами» (1956).

Успенская А. В. Взаимодействие культур и русская культурная топика (из научного наследия академика А. М. Панченко) // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития. СПб., 2018. С. 450–452.

Кузьмичев И. Житель Васильевского острова. Александр Панченко // Кузьмичев И. Те, кого знал: Ленинградские силуэты. СПб., 2021. С. 246–270.

Соснов А. Переводчик непереводаемого: В Санкт-Петербурге вспоминали академика Александра Панченко // Поиск: Еженедельная газета научного сообщества. 2022. № 26 (1724), 24 июня. С. 6.

Составил С. И. Николаев

Список сокращений

- БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
ГАТО — Государственный архив Тверской области (Тверь)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГПНТБ СО РАН — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)
Дианова — *Дианова Т. В.* Филигранные XVII–XVIII вв.: «Герб города Амстердама». М.: ГИМ, 1998.
ИППО — Императорское Православное Палестинское общество
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
Клепиков — *Клепиков С. А.* Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М.: Наука, 1978.
НБ ТГУ — Научная библиотека Томского государственного университета
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РО — Рукописный отдел
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук Украинской советской социалистической республики (ныне Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского).
ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Наши авторы

- Галашева Татьяна Николаевна** — младший научный сотрудник, аспирант ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). ta.ni.ma@yandex.ru
- Иванова Татьяна Григорьевна** — д-р филол. наук, главный научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). tgivanova@inbox.ru
- Копылова-Панченко Валентина Сергеевна** — художественный руководитель и дирижер хора «Россика», руководитель оперного хора театра «Мюзик-Холл», заслуженная артистка России (Санкт-Петербург). zaharf@yandex.ru
- Николаев Сергей Иванович** — д-р филол. наук, профессор, заведующий Отделом по изучению русской литературы XVIII в. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, академик РАН (Санкт-Петербург). sergej_nikolaev2@mail.ru
- Панченко Александр Александрович** — д-р филол. наук, профессор, заведующий Центром теоретико-литературных и междисциплинарных исследований ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). aranchenko2008@gmail.com
- Патроева Наталья Викторовна** — д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск). nvpatr@list.ru
- Пигин Александр Валерьевич** — д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск). av-pigin@yandex.ru
- Плюханова Мария Борисовна** — канд. филол. наук, ординарный профессор Университета Перуджи (Перуджа, Италия), научный сотрудник Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме (Италия). maria.plioukhanova@unipg.it
- Толстая Светлана Михайловна** — д-р филол. наук, профессор, заведующая Отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, академик РАН (Москва). smtolstaya@yandex.ru
- Федорова Ирина Владимировна** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). irirad@mail.ru

Authors

Tatiana N. Galasheva

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Tatiana G. Ivanova

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Valentina S. Kopylova-Panchenko

Rossica Choir; Music Hall Theater Opera Choir
St. Petersburg, Russia

Sergei I. Nikolaev

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Alexander A. Panchenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia

Alexander V. Pigin

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences;
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Petrozavodsk, Russia

Maria B. Pliukhanova

University of Perugia; Vyacheslav Ivanov Research Center in Rome
Perugia, Rome, Italy

Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Irina V. Fedorova

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77800 от 31 января 2020 г.
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Издательство «Пушкинский Дом»
199106 Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

Редактор А. С. Лобанова
Редактор английского текста З. Н. Исидорова
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор А. С. Кручинина

16+

Цена свободная

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс ВНО18606 по каталогу агентства «Урал-пресс»

Подписано в печать 06.12.2022. Вышло из печати 10.12.2022
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 13,77. Тип. зак. № 000

Отпечатано в типографии ООО «Контраст»
Санкт-Петербург, Железнодорожный пр., д. 20.

Издательство «Пушкинский Дом»

Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896—1918) : в 2 т. / вступ. ст. Е. И. Гончаровой; сост., подгот. текстов и коммент. Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко. — СПб., 2023.

Т. 1: 1896—1903. — 2023. — 784 с., [16] л. ил.

Т. 2: 1903—1918. — 2023. — 784 с., [16] л. ил.

Очередной выпуск издающейся с 2010 г. серии «Русские беседы» предлагает вниманию читателей переписку В. В. Розанова (1856—1919) с его первым издателем, литератором, художественным критиком и самобытным философом П. П. Перцовым (1868—1947). Обмен мнениями по животрепещущим вопросам бытия поддерживался между корреспондентами на протяжении более чем двух десятилетий; переписка насыщена глубоким содержанием и многочисленными бытовыми подробностями. Эпистолярный комплекс, значительный по объему (499 писем), сохранился достаточно полно. По свидетельству Перцова, Розанов считал собственные послания к нему «самыми интересными из своих писем». Тексты писем выверены по рукописям, устранены неточности прочтения и датировок, имевшие место в прежних публикациях отдельных писем. Полный свод переписки выпускается впервые. Издание рассчитано на специалистов и читателей, интересующихся историей русской общественной мысли и литературы.

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 69. СПб., 2022.

Очередной том ежегодника «Труды Отдела древнерусской литературы» охватывает широкий круг вопросов изучения средневековой русской литературы. Его основу составили материалы Шестых Лихачевских чтений (Международной научной конференции «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие»), состоявшихся в ИРЛИ РАН 27—30 сентября 2021 г. и посвященных столетию со дня рождения выдающихся представителей этой научной школы Льва Александровича Дмитриева и Якова Соломоновича Лурье.

Издание рассчитано на широкий круг специалистов: филологов, историков, религиоведов.

Заказ книг: pushkindom-zakaz@yandex.ru